

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»
(ФГАОУ ВО «РГГУ»)

На правах рукописи

ШЕВСКИЙ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ

**СТРУКТУРНЫЕ ПРИЧИНЫ РАСКОЛА ЭЛИТ
В ПРОЦЕССАХ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ ГОСУДАРСТВ**

Научная специальность 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук, доцент
Н.А. Борисов

Москва 2026

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Философско-методологические основания исследования ..	26
1.1. Онтологические и эпистемологические основания номотетического дискурса в социальных науках.....	26
1.2. Понимание государства в рамках плоских онтологий.....	40
1.3. Концептуализация «дезинтеграции государства».....	54
Глава 2. Тестирование первоначальной гипотезы на двух случаях дезинтеграции государств методом кейс-стади: Украина 2014 г. и СССР 1991 г.....	78
2.1. Структурно-демографические причины-вызовы раскола как фактора дезинтеграции государства: Украина 2014 г.....	78
2.2. «Геополитические» (территориальные) причины-вызовы раскола элит как фактора дезинтеграции государства: СССР 1991 г.....	102
Глава 3. Тестирование первоначальной гипотезы через аппарат булевой алгебры по Ч. Рэгину	132
3.1. Комплексный анализ случаев дезинтеграции государств (1971- 2014 гг.)	132
3.2. Формулирование модели на основании первоначальной гипотезы и ее верификация через аппарат булевой алгебры по Ч. Рэгину	149
Заключение	164
Список источников и литературы	168
Приложение	199

Введение

Актуальность исследования. Политическая дестабилизация является значимым, если не главным, явлением политической реальности как для конкретного государства, переживающего ее, так и для всего международного сообщества. Одним из пиковых, высших моментов политической дестабилизации является дезинтеграция государства¹, которая происходит при прекращении функционирования базовых принципов, обеспечивающих стабильное воспроизводство системы, сочетающееся с потерей контроля над определенной территорией. Для самого государства это может означать риски возникновения гражданской войны, всплеск преступности и другие формы гуманитарной катастрофы, а для международного сообщества это означает риск увеличения актов международного терроризма, уровня нарко- и работорговли, а также рост числа беженцев. Потому изучение закономерностей дезинтеграции государств является важной темой в политической науке.

Еще одним аспектом значимости темы является ее теоретическая актуальность: дезинтеграция государства, как предельный случай, обнажает базовые структуры, обеспечивающие воспроизводство государственной социально-политической системы, а потому изучение таких кризисов помогает пролить свет на то, как вообще функционируют политические системы.

Несмотря на то, что ученые активно изучают условия, причины и факторы, приводящие к серьезной дестабилизации государств, свести их к общему знаменателю практически невозможно. Так, например, индекс, специально разрабатываемый с целью прогнозирования политической дестабилизации, – Fragile States Index² – размещает Украину в 2013 году на 117 месте с общей оценкой индекса хрупкости 65.9 (чем ниже показатель, тем устойчивее государство), а Россию в том же году на 80 месте с индексом 77.1 и это несмотря на то, что в 2014 г. именно Украина пережила дезинтеграцию.

¹Ввиду принципиальной сложности этого явления, более точное определение и формулировка признаков были осуществлены в первой главе диссертации.

² <https://fragilestatesindex.org/data/>

Предикативные модели³ также не смогли спрогнозировать украинский кризис 2014 г. Когда стало очевидно, что события в Украине невозможно было спрогнозировать в рамках существовавших моделей, появились объяснения ad hoc: Украина, как например и Венесуэла и Таиланд (столкнувшиеся также в 2014 году с политической дестабилизацией) имели общими условиями своей дестабилизации: среднемировой подушевой доход, частично свободный политический режим и имели достаточно высокий уровень восприятия коррупции⁴. Несмотря на то, что эти условия действительно имеют свое значение, их явно недостаточно для понимания возникновения рисков дезинтеграции государств хотя бы потому, что результаты серьезной дестабилизации каждый раз оказываются абсолютно разными и не всегда заканчиваются дезинтеграцией.

Все ранее сказанное не означает, что невозможно найти закономерности политической динамики, а лишь показывает, что социальная реальность очень многогранна. Одной из главных «ловушек» при поиске закономерностей является стремление рассмотреть явление (дезинтеграцию государств) целиком, без разбиения его на составные части. Несмотря на то, что дезинтеграция государств включает в себя множество факторов, изучение структурных причин возникновения даже одного из них представляется значимым и актуальным.

Исследовательская проблема, таким образом, заключается в недостаточном знании структурных причин, актуализирующих факторы, приводящие к дезинтеграции государств.

Фокусировка внимания именно на дезинтеграции государств, а не на других формах политической дестабилизации, обусловлена тем, как сказано ранее, что это предельные случаи. Во-первых, они крайне редки, а потому поддаются качественному изучению; во-вторых, предельные случаи являются

³ См., напр. Goldstone J. A., Bates R., Epstein D., Gurr T., Lustik M., Marshall M., Ulfelder J., Woodward M. A. Global Model for Forecasting Political Instability // American Journal of Political Science, 2010. – №54. P. 190–208

⁴ <https://russia-direct.org/analysis/prottests-ukraine-thailand-and-venezuela-what-unites-them>

следствием крайнего упрощения существования системы, когда обеспечивающие стабильность структуры⁵ не работают, а потому факторы дезинтеграции становятся гораздо заметнее и четче выраженными.

Степень научной разработанности проблемы. Теме дезинтеграции государств посвящено большое количество литературы⁶, в том числе и в России⁷, но основная часть ее сосредоточена на поиске универсальных причин. Каждое новое исследование начинается с критики предшественников. Так, например, теория геополитического перенапряжения⁸, полагающая, что главной причиной дезинтеграции является чрезмерная нагрузка на бюджет, которая вызывается войнами, натывается на то, что в некоторых случаях государства справлялись и с гораздо большей нагрузкой или же дезинтеграция происходила, когда такая нагрузка была минимальной⁹. Предлагающиеся взамен теории, например, ставящие во главу угла увеличение населения, натываются на критику от сторонников значимости географических факторов¹⁰.

⁵ Розов Н.С. Философия и теория истории. Кн. 2... С. 121-126.

⁶ См., напр.: Даймон Д. Коллапс. – М., 2008; Нефедов С.А. Концепция демографических циклов. – Екатеринбург: Изд. УГГУ, 2007; Турчин П. В. Историческая динамика: на пути к теоретической истории. Изд.2-е. – М., 2010; Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. – N.-Y. Random House, 1987; Skocpol T. States and Social Revolutions. – New York: Cambridge University Press, 1979; Tainter J. The Collapse of Complex Societies. – New York: Cambridge University Press, 1988 и многие другие.

⁷ См., напр.: Розов Н. С. Социально-политические кризисы и революции: теоретический анализ // Общественные науки и современность. – 2018. – № 1. – С. 33-42; Он же. Кризис и революция: поля взаимодействия, стратегии акторов и траектории конфликтной динамики // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 6. – С. 92-108; Он же. Кризисы и революции - часть закономерной исторической динамики // Сибирский философский журнал. – 2017. – Т. 15, № 3. – С. 51-63; Он же. Динамика расцветов и распадов обществ: на пути к охватывающей парадигме // Общественные науки и современность. – 2016. – № 4. – С. 146-158; Он же. Динамика государственных распадов: опыт концептуального моделирования // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2016. – № 3. – С. 58-73; Розов Н. С., Цыганков В. В. Закономерности в смуте: сравнительно-политологический анализ революционной волны 1848-1849 гг. в Австрийской империи // Сравнительная политика. – 2019. – Т. 10, № 1. – С. 81-97.; Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности. – Москва: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2011. – 247 с.; Мелешкина Е. Ю., Кудряшова И. В. После империй: можно ли перековать мечи на орала? // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 14-51; Гельман В. Я. Трансформация и режимы: неопределенность и ее последствия // Россия регионов: трансформация политических режимов / Общ. ред.: В. Я. Гельман, С. Рыженков, М. Бри. – Москва : "Весь мир", "Berliner Debatte Wissenschaftsverlag", 2000. – С. 16-60.

⁸ Kennedy P. Op. cit.; Collins R. Explaining the anti-Soviet revolution by state breakdown theory and geopolitical theory // International Politics. – 2011. – №48(4/5). – P. 575–90; Ibid. Sociology since Mid-century: Essays in Theory Cumulation. – New York, Academic Press, 1981; Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: Случай Советского коллапса // Время мира. Альманах. Вып.1: Историческая макросоциология в XX веке / Под ред. Н.С. Розова. – Новосибирск. 2000. С.234-278.

⁹ Lachmann R. Failure in Early Modern Europe // American Journal of Sociology. – 2009. – Vol.115, № 1. – P.39-73; Goldstone J.A. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. – B., CA: University of California Press, 1991.

¹⁰ Parker G. Global Crisis: War, Climate Change and Catastrophe in the Seventeenth Century. – New Haven, 2013.

Сторонники географического детерминизма, в свою очередь, также подвергаются критике из-за неуниверсальности изучаемого фактора¹¹. Для любой другой теории, будь то теория рационального выбора или же военно-фискальная, найдутся случаи, показывающие ее неуниверсальность¹².

Все это свидетельствует не о том, что нет универсальных причин, а о том, что смешиваются их уровни. Известный исследователь Н. С. Розов, базируясь на работах Д. Голдстоуна, предлагает выделять три слоя причин: верхний – триггерные причины или причины-поводы, средний – причины-вызовы, то есть «снижение уровня комфорта влиятельных групп..., которое требует от них ответа», и нижний, глубинный – структурные причины, обусловленные самой логикой существования системы (государства)¹³. Все указанные ранее теории изучаются на уровне причин-вызовов, на которые государства могут реагировать по-разному. Здесь, по-видимому, возможно говорить не о конкретных закономерностях, а о группах некоторых универсальных причин-вызовов, на которые государства не могут ответить адекватно без потери стабильности системы.

Таких вызовов, как можно ожидать, великое множество, однако, как было сказано ранее, если разбить процесс дезинтеграции государств на факторы, то таких причин-вызовов, актуализирующих каждый конкретный фактор, становится меньше и с ними уже возможно работать. Выявление всей совокупности необходимых и достаточных факторов и всех возможных причин-вызовов, тема отдельного исследования, а потому в диссертации внимание было сосредоточено только на одном из таких, значение которого не подвергается сомнению подавляющим большинством ученых. Остальные факторы были определены при анализе литературы о том, чем конкретно является дезинтеграция государства, и не претендуют на окончательность.

¹¹ Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. – М.: АСТ, 2016. – 693 с.

¹² Lachmann R. Failure in...

¹³ Розов Н.С. Философия и теория истории. Кн. 2: Причины, динамика и смысл революций. – М.: КРАСАНД, 2019. С 102.

В политической и социальных науках существует консенсус, что никакая серьезная политическая дестабилизация (в т. ч. и дезинтеграция государств) невозможна без конфликта элит¹⁴. Если элиты смогут объединиться против недовольных или бунтующие не найдут поддержки среди хотя бы части элиты, то восстание будет подавлено, как это было показано известным историческим социологом Р. Лахманом на примере восстания Чомпи в 1378 году, в Венгрии в 1956 году и в Чехословакии в 1968 году¹⁵. Фактором конфликта элит является их раскол, о котором можно говорить, когда значимые представители элит выступают открыто против существующего режима, объединяются с другими значимыми представителями и предлагают альтернативный государственному дискурс¹⁶. При наличии определенных условий такой раскол приводит к активным действиям части элит, что будет означать их конфликт, то есть игру с нулевой суммой, если использовать термины теории игр.

Если обратиться к анализу причин возникновения раскола и последующего конфликта элит, опираясь на существующую литературу, то можно выделить как минимум две наиболее часто встречающиеся и хорошо проверенные теории. Эти теории, как будет показано ниже, во многом схожи, а отличаются они главным образом видением того, что вызывает раскол элит.

Первую теорию сами ее создатели называют «структурно-демографической»¹⁷. Она изначально была сформулирована при анализе гражданской войны в Англии, Фронды и революции 1789 г. во Франции, но позже оказалось, что с некоторыми модификациями она применима и к более

¹⁴ Goldstone J, et al. The Phenomenon and Theories of Revolution // Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change. Springer International Publishing, 2022. P. 26-50; Голдстоун Д. К теории революции четвертого поколения // Логос. – 2006. – №5 (56). С. 72; Goldstone J.A. Revolution and Rebellion... P.10, 282

¹⁵ Lachmann R. Agents of Revolution: Elite Conflicts and Mass Mobilization from the Medici to Yeltsin// Theorizing Revolutions: Disciplines, Approaches. Ed. by J. Foran. – L.: Routledge, 1997. P. 71–98.

¹⁶ Розов Н.С. Философия и теория истории... С. 113.

¹⁷ Goldstone J. Revolution and Rebellion...; Ibid. Demographic Structural Theory: 25 Years On // Cliodynamics. – 2017. – № 8(2). – P. 85-112; Turchin P. Modeling Social Pressures Toward Political Instability // Cliodynamics. – 2013. – № 4 (2). – P. 241–280; Turchin P., Nefedov S. Secular Cycles. – Oxford and Princeton: Princeton University Press, 2009; Неведов С.А. Концепция демографических...; Он же. Факторный анализ исторического процесса. История Востока. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008; Турчин П. Историческая динамика...

современным случаям¹⁸. Чтобы понять какие изменения в теории происходят при анализе современных государств, стоит рассмотреть первоначальную версию, построенную на материалах аграрных государств. Данная теория, отталкивающаяся от идей классического мальтузианства о перенаселенности как главном факторе нестабильности, анализирует связь между фактором перенаселенности и действиями элит. Рост населения ведет к малоземелью в сельской местности, а миграции в города для разрешения этой проблемы – к падению реальной заработной платы из-за роста незанятой рабочей силы. Соответственно, такая экономическая нестабильность уменьшает поступления в казну, вынуждая государства увеличивать налогообложение, что вызывает недовольство как среди простого населения, так и среди облагаемой налогами элиты¹⁹.

Более того, в силу различных обстоятельств, темпы роста численности элит опережают таковые среди простого населения, что дополнительно усиливает нагрузку на государственный бюджет из-за необходимости поддерживать эти элиты. Соответственно, неудовлетворенность элит вызывает раскол и борьбу среди них за убывающие ресурсы и одновременно усиливает эксплуатацию низших слоев населения²⁰.

Как известно, в обществах, переживших второй демографический переход, как таковая численность населения не является существенным фактором дестабилизации²¹. Однако и в доиндустриальных обществах численность населения не всегда играла ключевую роль в дестабилизации, даже в рамках структурно-демографической теории. Так, например, в средневековом Египте несущая способность земли была не на пределе, населения было не так много, урожаи были обильными, но происходила частая смена власти, сопровождавшаяся серьезными социально-политическими потрясениями. Как

¹⁸ Напр.: Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ. Окончание. // Азия и Африка сегодня. – 2011. – №6, 7; Turchin P. Political instability may be a contributor in the coming decade // Nature. – 2010. – № 463. – P. 26–32.

¹⁹ Goldstone J. Revolution and Rebellion... P. 24-25, 459.

²⁰ Ibid. P. 459-460.

²¹ Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. – М.: КомКнига. 2005.

показал А.В. Коротаев, это было связано со все увеличивавшейся численностью элиты и все большим стремлением к роскоши, что и привело к чрезмерному изъятию ресурсов у населения²².

Исходя из анализа исторических и современных случаев, где рост численности населения не был ключевым фактором дестабилизации, ученые в рамках структурно-демографического анализа пришли к выводу, что основные положения теории остаются релевантными. В первую очередь благодаря тому, что, во-первых, рост численности населения влияет на дестабилизацию не напрямую, а опосредованно, а во-вторых, одним из ключевых акторов этой дестабилизации в теории являются элиты и теория вполне объясняет их роль и мотивацию в связи с дезинтеграцией государств.

В рамках структурно-демографической теории элиты рассматриваются как ««эгоистичные»», которые превращаются в «конкурирующие фракции, движимые стремлением к самообогащению за счет своих соперников и противников, даже когда это означает истощение национальных ресурсов, необходимых для улучшения общественного положения и международной конкурентоспособности.»²³

Одним из самых главных показателей (но далеко не единственным) кризисной ситуации во взаимоотношениях элит, принятым в теории, является их перепроизводство, то есть наличие большего количества элит и претендентов на элитные позиции, чем общество может обеспечить²⁴.

С «эгоистичностью» элит тесно переплетается известный и популярный в научной литературе концепт асабии Ибн Хальдуна²⁵.

²² Коротаев А. В. Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции. – М.: Восточная литература, 2006.

²³ Goldstone J. Revolution and Rebellion...P. 481.

²⁴ Turchin P. Modeling Social Pressures...

²⁵ См. напр., Коротаев А. В. Долгосрочная политико-демографическая...; Нефедов С.А. Факторный анализ исторического процесса...; Розов Н.С. Закон Ибн Хальдуна. К чему может привести рост коррупции и силового принуждения в России // Политический класс. – 2006. – № 16; Турчин П. В. Историческая динамика...; Цирель С. В. Концепт «асабийи» как основа связи экономико-демографической и гуманитарной истории: pro et contra // Проблемы математической истории. Историческая реконструкция, прогнозирование, методология. – М. 2008; Anderson E. N., Chase-Dunn Ch.. The Rise and Fall of Great Powers // The Historical Evolution of World-Systems. – New York: Palgrave MacMillan. 2005. P. 1-19 и др.

Есть несколько переводов важных с социологической точки зрения частей работы Хальдуна, из них наиболее доступны два: А.В. Смирнова²⁶ и Коротаева²⁷ Учитывая, что перевод Коротаева сознательно адаптирован под современную социологическую науку, в изложении теории будем пользоваться им.

Суть концепта заключается в том, что некая группа захватывает власть – у этой группы высок уровень асабии (коллективной солидарности), что и обеспечивает успех. Однако позже лидер этой группы, который ранее воспринимался как первый среди равных, решает удалить своих соратников и набирает людей из низов, которые непосредственно в захвате власти не участвовали. После смерти лидера элита не желает терять свои места и быть строго подконтрольной, а потому начинает подчинять себе в той или иной степени новых лидеров. Правительство, чувствуя свою слабость и непопулярность в глазах населения, начинает монументальное строительство и внешнеполитические акции с целью повышения своего авторитета.

Все описанные явления происходят в течение нескольких поколений. Затем, в силу потери авторитета и контроля над налогами правительство теряет реальную политическую власть, давая простор для борьбы элит.

На основании вышесказанного можно обобщить, что значительная часть исследователей на уровне причин-вызовов дезинтеграции государств видит структурно-демографические факторы. Термин «структурно-демографический» отсылает к структурным характеристикам государства и демографическим аспектам динамики элит, в первую очередь к увеличению ее численности. Важно сделать примечание: несмотря на то, что фактор перепроизводства элит остается ключевым в теории, теория также постулирует «эгоистичность» элит.

Не менее значимая часть исследователей, не отрицая важности перепроизводства элит, утверждает, что причины-вызовы дезинтеграции лежат

²⁶ Смирнов А. В. «Введение (ал-Мукаддима)» // Историко-философский ежегодник. – М. 2007. С. 187-217.

²⁷ Коротаев А.В. Долгосрочная политико-демографическая...

не столько в плоскости элитной динамики, сколько в плоскости проблем контроля над территорией и внешней политики.

Впервые в социально-гуманитарных науках последовательно такая трактовка дезинтеграции государств была разработана, по-видимому, в 1979 г. в работе Т. Скочпол²⁸. Ее работа была посвящена анализу причин трех революций – Великой Французской 1789 г., Китайской 1911 – 1949 гг. и Русской 1917 г. Во всех трех случаях, согласно исследовательнице, главным фактором дезинтеграции являлся структурный кризис государства, который был вызван ведением войн и затратной внешней политикой. Для Франции это была чрезмерная помощь американским колониям в их борьбе за независимость, для Китая – война с Японией 1895 г., для Российской Империи – Первая мировая война.

В 1987 г. выходит работа П. Кеннеди²⁹, в которой он анализирует историю Европы с раннего Нового времени до окончания Второй мировой войны. Он блестяще демонстрирует, что все государства, которые испытали упадок (напр., Испанская Империя) или же вовсе рухнули (Австро-Венгерская, Германская, Османская и Российская империи), пережили структурный кризис из-за ведения войн. Это выражалось в непропорциональных возможностях бюджета расходах на военные акции, увеличении долга государства и, как следствие, росте цен. Таким образом, он несколько сузил подход Скочпол, но применил его на гораздо более обширном материале.

Наиболее четко такое видение причины-вызова дезинтеграции государств было сформулировано Р. Коллинзом на примере анализа крушения СССР³⁰.

Еще за 10 лет до крушения СССР, на основе изучения политической динамики стран в исторической перспективе, им были выведены принципы (закономерности), которые приводят к дезинтеграции государств. Эти принципы можно свести к следующим утверждениям: государство, находясь на

²⁸ Skocpol T. States and Social Revolutions. – New York: Cambridge University Press, 1979.

²⁹ P. Kennedy. Op. cit.

³⁰ Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии...

территориальной, либо социальной окраине, имеет меньше фронтов для ведения войн, что способствует возможности сосредоточения ресурсов для более эффективного захвата определенных территорий. Но в связи с расширением государство теряет свое окраинное преимущество и вынуждено тратить все большее количество ресурсов на охрану своих территорий. Со временем, такое расширение проходит точку, когда ресурсы от вновь присоединенных земель становятся недостаточными для поддержания существующего порядка. Усугубить положение может даже незначительная война, которая окончательно перенапрягает силы государства – «чрезмерное расширение ведет к ресурсному напряжению и государственной дезинтеграции»³¹. Дезинтеграция государства в этой теории представляет собой петлю обратной связи: территориальное перенапряжение вызывает нехватку ресурсов, в результате чего начинается конфликт среди элит за эти ресурсы, который в итоге усугубляет кризис государства. Происходит «мобилизация оппозиционных классовых сил снизу» в поддержку одной из элит, и государство прекращает свое существование в прежнем виде.

Сам Коллинз назвал свою теорию геополитической, хотя к классическому пониманию геополитики его теория не имеет никакого отношения. Речь в ней идет главным образом об охране границ и сохранении престижа государством (как оно само его понимает) на международной арене, даже если это ведет к экономическому провалу. Получается, что в его теории как минимум две переменных – охрана/удержание уже присоединенных территорий и внешнеполитические акции. Оба этих фактора заслуживают того, чтобы рассматриваться отдельно, но если вспомнить, что структурно-демографическая теория ставит во главу угла элиты, то окажется, что охрана границ и внешняя политика являются прерогативой государства как самостоятельного актора (в рамках центрированной на государстве теории).

³¹ Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии... С. 241.

Потому выглядит разумным объединить эти два фактора в рамках данного исследования.

Дальнейшие исследования показали, что действительно вполне корректно говорить, что теория Коллинза не только и не столько о внешней политике, сколько о контроле над территорией в целом³².

Корректным будет называть эту теорию вслед за Коллинзом «геополитической», но ввиду того, что это больше относится к политической социологии, нежели к классическому пониманию геополитики, в дальнейшем предлагаем завычивать это название. Также допустимо говорить о территориальном перенапряжении как синониме к «геополитике» Коллинза.

В современной науке имеется и критика данной теории³³. М. Евангелиста оспаривает тезис Коллинза о том, что в крушении СССР сыграло значимую роль чрезмерное перевооружение, т.к. было атомное оружие и, соответственно, реального военного столкновения между сверхдержавами ожидать не стоило. В целом убедительна его критика идеи, что не только одна война играет главную роль в подрыве авторитета власти, однако, Коллинз акцентирует внимание не только на войне, а на более комплексных причинах делегитимации, в которых война играет ключевую, но не единственную роль.

П. В. Турчин, основываясь на математическом моделировании, утверждает, что при отказе от нерентабельных территорий экономическое благополучие государства возвращается, однако он не учитывает фактор потери популярности власти – делегитимацию, которую он разбирает отдельно.

Наиболее серьезная критика была осуществлена упомянутым ранее Лахманом. На тех же случаях, которые анализировал Кеннеди, он показывает, что причиной упадка государств является автономия элит, которая приводит к увеличению их влияния на принятие и исполнение государственных решений³⁴.

³² См., напр. Li J. State Fragmentation: Toward a Theoretical Understanding of the Territorial Power of the State // Sociological Theory. – 2002. – Vol. 20. – №2, 2002. – P. 139-156; Li R. S. K. Alternative Routes to State Breakdown: Toward an Integrated Model of Territorial Disintegration // Sociological Theory. – 2002. – Vol. 20. – №1. – P. 1-23.

³³ Евангелиста М. Геополитика и будущее Российской Федерации // Полис. – 2002. – №2. – С.82-99; Турчин П. Указ. соч. Гл.2.

³⁴ Lachamann R. Greed and Contingency...

Другие исследования также подтверждают, что чем больше автономия элит, тем больше уровень политической коррупции³⁵. Фактором автономии Лахман объяснял все то, что называется «геополитическим»/территориальным перенапряжением и структурно-демографическими факторами. По факту он описывает то, как достаточно автономные экономические элиты влияют на элиты политические и совершенно игнорирует тот случай, когда экономические элиты почти полностью подчинены политическим элитам и/или административному аппарату (государству). Именно в последнем случае, в рамках гипотезы исследования, и будет актуальна «геополитическая» теория. И здесь же возникает исследовательский вопрос, так как обе теории претендуют на универсальность, но не указывают границы своей применимости.

Можно ли утверждать, что все многообразие социальной реальности исчерпывается только этими двумя подходами к закономерностям раскола элит в связи с дезинтеграцией государств? Во-первых, рассматриваемые в настоящем исследовании теории описывают только один из факторов дезинтеграции государств, а значит, взятый только сам по себе, он уже не делает описание динамики государств универсальным. Во-вторых, учитывая, что обе теории хорошо разработаны и протестированы на большом количестве материала, охватывающем как все периоды мировой истории, так и практически все континенты, то в дальнейшем при исследовании искать новые модели раскола элит стоит только тогда, когда, будут обнаружены случаи, не объясняемые двумя данными.

Исходя из обзора литературы, вполне корректно говорить, что рассмотренные теории находятся на уровне *причин-вызовов*. В одном случае раскол элит как фактор дезинтеграции объясняется структурно-демографическими параметрами (в первую очередь перепроизводством элит), во втором же случае «геополитическими» параметрами, то есть агрессивной политикой государства.

³⁵ Della Porta, D., Vannucci, A. *Corrupt Exchanges: Actors, Resources, and Mechanisms of Political Corruption*. – New York: Aldine de Gruyter, 1999.

Объект исследования — механизмы дезинтеграции государства.

Предмет исследования — структурные причины раскола элит как фактора дезинтеграции государства.

Целью предлагаемого исследования является построение модели, в которой будут учтены различные структурные причины возникновения недовольства и раскола элит как важнейшего фактора дезинтеграции государства.

Такая цель определила постановку конкретных исследовательских **задач**:

1. Уточнить онтологические и эпистемологические основания, на которых будет базироваться исследование;
2. Рассмотреть базовые характеристики государства и на основании этого произвести концептуализацию понятия дезинтеграция государства для формализации признаков и отбора релевантных случаев;
3. На основании проведенной концептуализации определить другие, помимо раскола элит, важные факторы дезинтеграции государств;
4. Провести кейс-стади, используя метод прослеживания процессов (process-tracing), двух случаев с различными причинами недовольства и раскола элит для первоначального тестирования гипотезы и проверки других факторов дезинтеграции государств;
5. Произвести анализ оставшихся случаев дезинтеграции государств для уточнения первоначальной гипотезы;
6. Сформулировать теоретическую модель на основе гипотезы, в которой будет учтено сочетание необходимых факторов, что так же позволит объяснить структурные причины, вызывающие раскол элит как фактор дезинтеграции государств;
7. Протестировать модель, объясняющую взаимосвязь между типом подчиненности ресурсов, наличием политической конкуренции и расколом элит, на всех случаях дезинтеграции государств, используя аппарат булевой алгебры по Ч. Рэгину.

Гипотеза исследования. Как отмечают специалисты, взаимоотношения элит исследованы крайне слабо ³⁶, а потому попробуем построить теоретическую модель.

Для начала определим потенциальные линии раскола внутри каждого типа. Какими ресурсами обладают элиты? Политические обладают как минимум силой, то есть способностью принуждать ³⁷, экономические обладают средствами производства, а идеологические – культурным капиталом. Как показывают существующие исследования, использование силы политическими элитами может вызвать дискуссию о степени ее применимости как внутри страны, так и при взаимодействии с другими государствами ³⁸. Линии раскола внутри экономических элит проходят по типу производства: например, банковский сектор будет иметь совершенно другие цели, чем, скажем, добывающий (первичный) ³⁹. Идеологические же элиты либо обосновывают существующий порядок вещей, либо же выступают против него, предлагая политическую альтернативу ⁴⁰.

Теперь же рассмотрим, как взаимодействуют элиты с государством.

Как следует из параграфа 1.3., государство является территориальным целым с централизованным и профессиональным аппаратом управления (включая и монополию на средства насилия), признающим себя легитимным и имеющим признанную населением идеологию (самоописание). Из этого определения следует, что административные представители отличаются от политических элит, и что их расхождение принципиальное и глубокое ⁴¹. Отсюда же следует два вывода, которые были сформулированы ранее: 1) государство является автономной силой и 2) интересы элиты не сводятся к интересам государства. Административные представители государства заинтересованы в воспроизводстве системы, учитывая внешние обстоятельства,

³⁶ Hartmann M. *Economic Elites* // *The Palgrave Handbook of Political Elites*. – London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 412

³⁷ Milner M., Jr. *Op. cit.* P. 21

³⁸ Там же, с. 31

³⁹ Там же.

⁴⁰ Розов Н.С. *Философия и теория истории*. Кн. 2... С. 115.

⁴¹ Hartmann M. *Op. cit.* P. 373

в то время как политическая элита имеет интересы в увеличении своей силы как внутри страны, так и за ее пределами, а экономическая в увеличении своих ресурсов. Интересы экономических и политических элит могут не противоречить интересам государства, так как обычно все заинтересованы в сохранении статус-кво. При этом отличия имеются: если государство, как субъект, заинтересовано в равновесии между международной позицией и внутренней стабильностью, то политические и экономические элиты нет. Часть политических элит готова жертвовать внутренней стабильностью ради имперских амбиций, в то время как вторая, наоборот, готова пожертвовать агрессивной внешней политикой ради развития внутри сообщества. Экономические элиты могут жертвовать как политической стабильностью, так и, иногда, международной позицией ради увеличения прибылей.

Именно в противоречии государства, экономических и политических элит и кроется возможная политическая дестабилизация. При этом стоит отметить, что идеологические элиты в таком конфликте также будут играть важную роль, так как будут либо обосновывать верность существующего самоописания, либо же предлагать альтернативу ему.

Ключевую роль в процессе дестабилизации играет положение экономических элит относительно аппарата управления. Соотношение определяется через подчиненность средств материального производства либо элитам, пользующимся ими без оглядки на вышестоящие управленческие институты, либо же государству, которое обеспечивает доступ к ним элите⁴².

В первом случае логично ожидать, что будет развита легальная политическая конкуренция, так как благодаря ей элиты могут оказывать влияние на государство и транслировать свой оппозиционный дискурс. Во втором же случае легальная политическая конкуренция будет отсутствовать, так как не будет значимых акторов, способных пролоббировать ее

⁴² Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. – М., 1990. С. 649

узаконивание (из-за отсутствия значимых ресурсов и средств производства вне государственного сектора).

В первом случае элиты, не имея жесткого контроля над собой, будут стремиться к накоплению ресурсов и увеличению своей численности, во втором же, при подчиненности элиты государству, на наш взгляд, больше будет сказываться «геополитическое» перенапряжение.

Таким образом гипотеза распадается на две:

1. При дезинтеграции государств, в которых раскол элит является следствием действия структурно-демографических процессов, структурными причинами будут: концентрация ресурсов и средств производства в руках узких групп экономических элит, а также легальная политическая конкуренция, которая позволяет элитам транслировать свой оппозиционный дискурс при борьбе с другими элитами и против государства.
2. При дезинтеграции государств, в которых раскол элит является следствием действия «геополитических» процессов, структурными причинами будут: концентрация ресурсов и средств производства в руках государства, а также отсутствие легальной политической конкуренции, как одного из наиболее значимых каналов сдерживания государства как политического субъекта.

Теоретико-методологические основания исследования. Предлагаемое исследование будет выполнено через создание и тестирование гипотетико – дедуктивной модели К. Гемпеля⁴³. Выбор такой стратегии исследования обоснован в первом параграфе диссертации.

Базовый подход, который используется в исследовании, базируется на ключевых открытиях, выполненных в рамках теорий революций третьего и четвертого поколений⁴⁴, к важнейшим характеристикам которых можно отнести:

⁴³ Гемпель К. Функция общих законов в истории // Время мира, выпуск 1. Историческая макросоциология в XX веке. Новосибирск, 2000. С. 3-14; см. так же: Розов Н.С. Познавательные средства теоретической истории и макросоциологии/ Разработка и апробация метода теоретической истории. – Новосибирск: наука, 2001 С.13-232

⁴⁴ Голдстоун Д. К теории революции...; Goldstone J, et al. The Phenomenon and Theories...

Анализ государства в рамках центрированной на государстве теории (state-centered theory)⁴⁵ как самостоятельного субъекта, интересы которого не сводятся к интересам определенной группы элит;

Первостепенную значимость конфликтов элит;

Наличие экономических и политических элит, которые могут бороться как между собой, так и с государством как самостоятельным актором;

Многовариантность и нелинейность политической динамики.

Также исследование опирается на положения плоских онтологий и как следствие, дискурс является полноправным актором политического процесса.

Методы исследования:

1. Сравнительно-исторический метод был использован для выявления общих закономерностей и специфики процессов дезинтеграции в различных исторических и политических контекстах. Этот метод позволил провести кросс-кейсовое сравнение, идентифицировать необходимые и достаточные условия раскола элит и определить роль структурных факторов.
2. Метод прослеживания процессов (process-tracing) использовался для анализа конкретных случаев дезинтеграции государств (кейс стади). Данный метод позволил идентифицировать каузальную цепь и каузальный механизм между независимой переменной (структурные причины, обуславливающие риски нехватки ресурсов) и зависимой переменной (факторы, вызывающие нехватку ресурсов).
3. Структурно-функциональный метод позволил выявить дисфункции в работе ключевых институтов, а также понять, как рассогласование между заявленными функциями системы и ее реальным функционированием ведет к накоплению противоречий и последующей дезинтеграции государства
4. Булева алгебра по Ч. Рэгину⁴⁶. Этот метод был применен после уточнения модели раскола элит на основе изучения конкретных кейсов с целью проверки применимости модели к более широкому кругу случаев.

⁴⁵ Skocpol T. State and Social... P. 24-32; Collins R. Macro-History: Essays in Sociology of the Long Run. – S.: S. University Press, 1999. P. 19-37.

5. Регрессионный анализ позволил проверить гипотезу о связи между поддержкой сохранения СССР и голосованием за Б.Н. Ельцина/введением поста президента РСФСР.
6. Контент-анализ политического дискурса через частотность употребления ключевых слов в медиа и речах политиков позволил зафиксировать изменения в самоописании системы Украины.
7. Дискурс-анализ позволил зафиксировать изменения в официальном дискурсе СССР (гласность, критика марксизма-ленинизма, отказ от конфронтации с Западом).

Научная новизна диссертационного исследования в решении поставленных задач и состоит в следующем:

1. Для анализа политической динамики и дезинтеграции государства применен и адаптирован метамодернистский подход в сочетании с принципами плоских онтологий, что позволило преодолеть ограничения модернистского эссенциализма и постмодернистского релятивизма.
2. Предложено неэссенциалистское определение дезинтеграции государства как процесса изменения связей в гетерогенной сетевой структуре (ассамбляже), что позволило формализовать его признаки и выделить пять необходимых факторов.
3. Выявлены и разграничены две принципиально различные структурные причины раскола элит, ведущие к дезинтеграции, что позволило уточнить границы применимости структурно-демографической и «геополитической» объяснительных моделей дезинтеграции государств.
4. Разработана и верифицирована авторская теоретическая модель, интегрирующая веберийский подход к контролю над ресурсами и теорию элит, которая объясняет, как тип концентрации ресурсов и наличие/отсутствие политической конкуренции обуславливают механизм раскола элит.

Положения, выносимые на защиту:

⁴⁶ Розов Н.С. Познавательные средства...

1. Применение метамодернистского подхода и принципов плоских онтологий позволило выявить, что дезинтеграция государства не является линейным следствием универсальных причин, а представляет собой нелинейный процесс, траектория которого определяется конкретной конфигурацией и динамикой связей между гетерогенными элементами (ассамбляжами) – элитами, государственным аппаратом, дискурсом. Это снимает противоречие между универсализмом модерна и релятивизмом постмодерна, позволяя строить объяснительные модели, учитывающие как общие закономерности, так и специфику конкретных случаев.

2. Дезинтеграция государства может рассматриваться как процесс изменения отношений между гетерогенными элементами (ассамбляжами), что позволяет уйти от эссенциалистского понимания государства и анализировать его устойчивость через сетевую структуру взаимосвязей.

3. Существует как минимум пять необходимых⁴⁷ факторов, приводящих к дезинтеграции государства.

1) Делегитимация власти и наличие дискурса, предлагающее самописание системы, отличающееся от существующего (может привести к отказу или даже смене существующего самоописания).

2) Неэффективность экономического менеджмента, несбалансированность бюджета (факторы, которые при определенных условиях могут привести к фискальному кризису).

3) Недовольство населения (фактор массовой мобилизации).

4) Этническая неоднородность, автономия по национальному признаку и реальное или мнимое притеснение групп населения, проживающих на определенной территории. Важным связным фактором является то, что у этих групп есть ресурсы, позволяющие оказывать сопротивление решениям центральной власти (в перспективе может привести к территориальной дезинтеграции).

⁴⁷ Вопрос о достаточности остается дискуссионным, но в рассматриваемых в исследовании кейсах эти факторы оказываются и необходимыми и достаточными (см. параграф 1 гл. 3)

5) Сужение ресурсной базы/нехватка материальных ресурсов для элит, что ведет к расколу элит (как фактор конфликта элит).

4. Структурными причинами раскола элит в связи с дезинтеграцией государств и обусловленных структурно-демографическими причинами-вызовами, являются:

концентрация ресурсов и средств производства в руках узких групп лиц и присутствие легальной политической конкуренции (случаи Пакистана, Югославии, Йемена и Украины).

5. Структурными причинами раскола элит в связи с дезинтеграцией государств и обусловленных «геополитическими» причинами-вызовами, являются:

концентрация ресурсов и средств производства в руках государства и отсутствие легальной политической конкуренции (случаи Сомали, СССР, Эфиопии, Афганистана и Ирака).

Источниковую базу исследования составили в первую очередь данные опубликованных опросов, проводившихся в Украине и в СССР, на основе которых реконструировались политические взгляды граждан. Дополнительно привлекались данные расследований журналистов (в первую очередь издания «Форбс») для реконструкции отношений внутри экономических и политических элит Украины накануне 2014 г. Также использовались оценки прессой благосостояния богатейших людей Украины для прослеживания динамики их материального богатства и оценки возможности влияния на политические процессы. Отдельно для анализа механизмов крушения СССР использовались опубликованные сборники документов и мемуарная литература с целью анализа механизмов принятия решений и определения самоописания системы.

Теоретическая значимость исследования заключается в его вкладе в развитие политической социологии и теории государства. Результаты диссертации могут быть применены в других научных изысканиях в следующих направлениях:

1. Для анализа политической нестабильности: разработанная и апробированная модель анализа структурных причин раскола элит создает методологический инструментарий для сравнительного исследования широкого спектра случаев политической дестабилизации – от революций и государственных переворотов до глубоких политических кризисов, не приводящих к дезинтеграции.
2. Для изучения механизмов распада сложных политических систем: предложенная типология (структурно-демографический и «геополитический» механизмы дезинтеграции) позволяет преодолеть ограничения универсалистских теорий и может служить основой для построения более точных объяснительных моделей при анализе как исторических (например, распад империй), так и современных государств.
3. Для исследований динамики элит: сформулированная теоретическая модель взаимоотношений государства и элит, основанная на веберянском подходе к контролю над ресурсами, вносит вклад в теорию элит, предлагая системное видение источников конфликта между государственным аппаратом и различными элитными группами.

Практическая значимость исследования заключается в выявлении закономерностей политической дестабилизации, а именно государственной дезинтеграции, что имеет предикативный потенциал для анализа политической динамики. В работе также предложены конкретные методологические инструменты для определения ключевых бифуркационных точек политической дестабилизации и описаны конкретные механизмы ее возникновения. Таким образом, работа предлагает целостный предикативный методологический аппарат, который может быть использован при выработке политических решений, исходя из возможных линий раскола элит, которые в первую очередь ответственны за актуализацию политической стабильности и нестабильности.

Степень достоверности и апробация результатов

Данные, использованные в работе, и результаты исследований доложены на Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых

учёных «Ломоносов-2018» (г. Москва), 9-13 апреля 2018 г. Доклад «Универсальные механизмы крушения государств», Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2019» (г. Москва), 8-12 апреля 2019 г. Доклад «Закономерности крушения государств», Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2020» (г. Москва), 10-27 ноября 2020 г. Доклад «Истоки политического кризиса в Украине 2014 года».

Основные положения диссертационного исследования Шевского Дмитрия Сергеевича отражены в 6 научных публикациях:

1. Шевский, Д. С. Причины украинского кризиса 2013-2014 гг. Макросоциологическая интерпретация / Д. С. Шевский // Политическая наука. – 2019. – № 3. – С. 236-263. (ВАК)
2. Shevsky, D. The causes and mechanisms of the Ukrainian crisis of 2014: A structural–demographic approach / D. Shevsky // Cliodynamics. – 2020. – Vol. 11, No. 1. – P. 1-20. (Scopus)
3. Шевский, Д. С. Что такое крушение государства? / Д. С. Шевский // Международные процессы. – 2020. – Т. 18, № 3(62). (Scopus)
4. Шевский, Д. С. Что такое крушение СССР? / Д. С. Шевский // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2021. – № 2(101). – С. 183-201. (Web of Science)
5. Shevsky, D. Euromaidan Revolution in Ukraine / D. Shevsky // Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change. – Cham : Springer, 2022. – P. 851-863. (Scopus)
6. Shevsky, D. Mechanisms of State Disintegration. A Global Analysis / D. Shevsky // Journal of Globalization Studies. – 2022. – Vol. 13, No. 2. – P. 152-168. (Scopus)

Область исследования. Тема диссертации Шевского Д.С. соответствует паспорту научной специальности 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии.

Работа состоит из введения, трех глав, включающих в себя 7 параграфов, заключения, списка источников и литературы, состоящего из 338 наименований, приложения.

Глава 1. Философско-методологические основания исследования

1.1. Онтологические и эпистемологические основания номотетического дискурса в социальных науках

Поиск закономерностей политической динамики является вопросом хоть и актуальным на современном этапе развития политических наук, но дискуссионным. Прежде чем подходить к выявлению закономерностей дезинтеграции государств, как частного случая политической динамики, необходимо понять, возможны ли закономерности в социальном процессе вообще и если да, то как именно их исследовать.

Базовые подходы к изучению социальных и политических процессов можно условно разделить на две большие группы: модернистский и постмодернистский.

Модерн, в частности позитивизм во всех своих вариациях (см. ниже) исходит из объективности реальности и ее познаваемости, в то время как постмодерн ставит во главу угла сознание и язык, релятивизируя социальную реальность, утверждая тем самым либо ее искусственную природу (симулякры), либо ее непознаваемость.

Эти два подхода не могут быть примирены между собой, а потому они всегда находятся в противостоянии друг с другом. С одной стороны, модерн, как будет показано ниже, вполне справляется с номотетическим объяснением, то есть основанном на поиске закономерностей, но с другой всегда базируется на неотрефлексированных предпосылках, что активно используется постмодернистами в критике модерна. Исходя из этого, стоит рассмотреть, как вообще социальные науки мыслят свою онтологию.

Онтологические основания номотетического дискурса в социальных науках. В обзорной литературе, посвященной различным подходам к пониманию социальной онтологии⁴⁸, выделяется несколько фундаментальных

⁴⁸ См., напр.: Approaches and Methodologies in the Social Sciences: A Pluralist Perspective / ed. by Donatella della Porta and Michael Keating. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P.23; Creswell J. W. Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches. – London: Sage, 2014. Ch.1; Guba E.G., Lincoln Y.C.

подходов к восприятию реальности. Первые два, которые можно отнести к модернистским – позитивизм и постпозитивизм – не вызывают терминологических и эссенциалистских споров, а вот другие выделяются на основании разных характеристик, будь то интерпретативизм, гуманизм, конструктивизм, прагматизм или критическая теория. Все эти ревизионистские по отношению к модерну подходы пытаются оспорить объективность реальности из-за нашей субъектности, из-за субъектности объекта, сконструированности нашей реальности, что нашло наивысшее воплощение, иногда доходящее до полного отрицания реальности, в работах Вареллы, Матураны и Бодрийера. Все эти подходы в разной степени, но могут быть отнесены к постмодерну.

Интерпретативистские подходы⁴⁹ упускают из виду, что в рамках социальной системы многие роли и функции институционально закреплены. Вследствие этой структурной определенности методологический волюнтаризм при изучении мезоуровня (т.е., государств) не является столь проблематичным, как на микроуровне при анализе индивидуального поведения. Хотя тезис о субъективности в исследовании имеет и другие основания, данный аргумент представляется доминирующим. Конструктивистский подход⁵⁰ в основе своей утверждающий искусственность существующего социального бытия никак по факту не отрицает одного из базовых положений позитивизма о фиксируемости детерминант поведения индивидов и динамики социальных общностей. С одной стороны, можно солидаризироваться с С. Жижеком, который говорит, что факт осознания идеологии индивидом не означает его деидеологизации, т.к. он все равно продолжает действовать так, будто идеология реальна. Этот же аргумент будет действительным и для социальной реальности в целом,

Competing paradigms in qualitative research // Handbook of qualitative research / ed. by N. K. Denzin & Y. S. Lincoln. - Thousand Oaks, CA: Sage, 1994. P. 105-117; Bevir M. Meta-Methodology: Clearing the Underbrush // The Oxford Handbook of Political Methodology / ed. by J.M.Box-Steffensmeier, H.E.Brady, and D.Collier, 2008.

⁴⁹ См., напр.: Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии, – М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2003. – 336 с.; Гирц К. Интерпретация культур. – М.:

Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 560 с.

⁵⁰ См., напр.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

несмотря на ее онтологическую субъективность, хотя бы благодаря существованию конвенциональности и коллективной интенциональности⁵¹. С другой стороны уместно вспомнить идею структурного психоанализа о делении социального на воображаемое (знаковая система), символическое (рамки и правила) и реальное (схожее с идеей гетерогенности Ж. Батая). Дело в том, что гетерогенность (невписываемое реальное) становится все более «незаметным», элиминируется и выносится в сферу запретного (в отличие от первобытных обществ), а символическое становится действительным, подавляя истинную интенцию, приводя к символической кастрации и становясь двигателем практик в политическом пространстве, опираясь на дискурс и легитимизируясь им. «Поэтому реалистический подход к онтологии общества должен утверждать независимость социальных сущностей от наших концепций о них. Сказать, что социальные сущности обладают реальностью, независимой от концепций о них, – значит всего-навсего утверждать, что теории, модели и классификации, которые мы используем для их изучения, могут быть объективно ошибочными, то есть, что они могут не зафиксировать реальную историю и внутреннюю динамику этих сущностей или зафиксировать ее неверно»⁵².

Важным (если не главным) предметом изучения среди конструктивистов, релятивистов, интерпретивистов и прочих являются сознание, восприятие, оценочные суждения и прочее, что можно условно в рамках диссертации назвать дискурсом, так как все их аргументы так или иначе касаются языка и сознания. В рамках данного подхода признается, что наша социальная реальность дискурсивна: язык тотален и принудителен. Фундирующая роль языка была раскрыта и подробно прослежена во многих трудах, касающихся абсолютно разных явлений – будь то различные государственные практики⁵³,

⁵¹ Searle J. R. Making the social world. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2010.

⁵² Деланда М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность. – Пермь Гиле Пресс, 2018. С. 7.

⁵³ Фуко М. Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973-1974 учебном году. – СПб., 2007.

социальные отношения и мировосприятие как таковое⁵⁴ или же революционные движения⁵⁵. Дискурс при таком подходе хоть и конструирует реальность, однако является изменчивым, а, значит, никакой устойчивости быть не может. С одной стороны, есть некоторые закономерности, но с другой все определяется изменчивым дискурсом, то есть здесь видно обозначенное ранее противоречие между модерном и постмодерном.

Одним из решений противоречия между закономерностями политической динамики и изменчивостью дискурса может служить теория систем немецкого социолога Никласа Лумана. Он строит свою теорию на идее аутопоэзиса (самовоспроизводства) системы, который возможен только через самописание. Последнее базируется на коммуникации (что есть эмерджентность из совокупности информации, сообщения и понимания), представляющей собой конкретный механизм конституирования системы, приводящий к ее воспроизводству⁵⁶. Важно отметить, что социальная система как таковая идентифицируется через различение самой себя и окружающей среды именно через самописание, а потому оно является необходимейшим условием самого существования системы⁵⁷. По факту получается, что дискурс и есть самописание, которое создает структуры, воспроизводящие и поддерживающие систему. При этом стоит отметить что самописание все же шире дискурса, что будет прояснено подробнее в следующей главе.

Важным аспектом такого подхода является его «антигуманистическая»⁵⁸ направленность, т.к. такое решение снимает многие вопросы и заставляет избежать извечной проблемы социальных наук «actor/structure», благодаря тому, что в «антигуманизме» человек не выделяется как привилегированная сущность, а является продуктом структур мышления и исторического контекста.

⁵⁴ Барт Р. Мифологии. – М.:Издательство М. и С. Сабашниковых, 2004; Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. – М., 2015.

⁵⁵ Foran J. Discourses and Social Forces: The Role of Culture and Cultural Studies in Understanding Revolutions // Foran J. ed. Theorizing Revolutions: Disciplines, Approaches. – London: Routledge, 1997. P. 197-220.

⁵⁶ Луман Н. Введение в системную теорию. – М., 2007. С. 80, 270-271.

⁵⁷ Там же, с.78.

⁵⁸ Альтюссер Л. Марксизм и гуманизм // За Маркса. – М.: Праксис, 2006. С.311-342.

Близким к подходу Лумана является подход эволюционной морфологии⁵⁹, который легитимизирует широкие сравнения в социальных науках. Среди важнейших терминов данного подхода стоит отметить «гомологию» и «аналогию». Первый «означает сходство, вытекающее из общей истории»⁶⁰, а второй – «сходство, происходящее от адаптации структур различного происхождения к похожим вызовам окружающей среды»⁶¹. Именно аналогия позволяет сравнивать общества, разделенные тысячелетиями в связи с тем, что структуры будут являться типологически схожими.

Как можно заметить, оба предложенных подхода для обоснования номологичности (закономерностей) социальной реальности базируются на идее структур. Что представляют собой структуры? Один из самых главных теоретиков и практиков структурного подхода К.А. Леви-Стросс считает, что структура – это модель, которая соответствует определенным условиям⁶², а именно:

- 1) Взаимосвязь элементов
- 2) Преобразования составляют группу однотипных моделей
- 3) Модель может прогнозировать последствия изменения одного из элементов
- 4) Данная модель покрывает все известные явления.

Более поздние мыслители практически вторят ему. Так, например, Ж. Делез говорит, что среди наиболее важных характеристик структуры можно отметить: символизм, позиционность (важность относительности местоположения) и серийность (воспроизводство базовых отношений в широком диапазоне актуально данного)⁶³. В этом списке содержится то, что не замечают некоторые критики подхода, основанного на исследовании структур:

⁵⁹ Ильин М.В. Морфологический анализ от реконструкции прафеноменов и праформ до морфогенетики и эволюционной морфологии // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр. – М., 2014. – Вып. 6: Способы представления знаний. С. 138-151; Патцельт В.Дж. Прочтение истории: очерк эволюционной морфологии // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр. – М., 2014. – Вып. 4: Поверх методологических границ. С. 228–260.

⁶⁰ Патцельт В.Дж. Указ. соч. с.244.

⁶¹ Там же. С. 248.

⁶² Леви-Стросс К. Структурная антропология / Пер. с фр. под ред. и с примеч. В. В. Иванова. – М.: Наука, 1985.

⁶³ Делез Ж. По каким критериям узнают структурализм? // Ж. Делез. Марсель Пруст и знаки. – СПб.: Алетейя, 1999. С. 133–175.

внимание к изменениям. Более того, сам Леви-Стросс говорил, что «понятие трансформации неотделимо от анализа структуры»;⁶⁴ меняются реципиенты отношений, но не сами отношения.

Одной из проблем становится раскрытие сути отношений, действующих в структуре, т.к. без прояснения базового аспекта структур идея о них так же может превратиться в чрезмерное абстрагирование. Одной из ключевых (но не единственной) формой базовых отношений в структурной перспективе будут являться бинарные оппозиции⁶⁵.

После постмодернистской критики многие полагают, что понимание структур как бинарных оппозиций безнадежно устарело и не может дать прироста научному знанию. Так ли это? Как видно из описанного ранее понимания системы Луманом (как разграничения себя и окружающей среды), то это как минимум не соответствует современному пониманию социальных и политических процессов. В рамках диссертации уместным будет привести несколько конкретных примеров из социальных наук, где постпозитивистский подход к социальной онтологии, базирующийся на понимании структур как бинарной оппозиции, дал значимые результаты.

В политической антропологии начиная с 40-х гг. XX века стало ясно, что кочевничество азиатских степей неразрывно связано с оседлыми государствами⁶⁶. Кочевые племена остро нуждались в продукции земледельцев, они не могли существовать вне оседлого населения. Т. Барфилд⁶⁷, изучая историю Китая, обратил внимание на следующую закономерность: если в Китае образовывалась сильная государственность, то кочевники вынуждены были реагировать соответствующе. Ведь для принуждения Китая к неэквивалентному обмену необходимы достаточные военные ресурсы, а когда Китай вступал в период построения централизованной системы, то его армия

⁶⁴ Цит. по: Энафф М. Клод Леви-Стросс и структурная антропология – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2010.

⁶⁵ Новая философская энциклопедия в четырех томах. Том III. – М.: Мысль, 2010. С. 647.

⁶⁶ См., напр.: Хазанов А.М. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. 2006, с. 468–489.

⁶⁷ Барфилд Т. Мир кочевников-скотоводов // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. – М. 2006, с. 415–441.

становилась сильнее, что стимулировало кочевников образовывать собственные крупные конфедерации. Несмотря на то, что нет жесткой корреляции между образованием кочевых конфедераций и сильными государственными образованиями Китая, обусловленность все же имеется: Хуннское объединение шло синхронно образованию империй Цинь и Хань, династиям Суй и Тан соответствовали Тюркские и Уйгурский каганаты, пришлые кочевые династии – Тоба и Цин сражались с объединениями Жужаней и Джунгаров, соответственно. Не всегда есть такая закономерность, но все же она наблюдается⁶⁸.

Турчин пошел дальше⁶⁹ и предложил, что здесь может действовать и петля обратной связи – крупные централизованные образования возникают как ответ на угрозу со стороны степей. Для аргументации Турчин анализирует регионы, откуда происходило объединение различных империй (30 империй) и выяснилось, что в 90% случаев империи созданы у нестабильных границ, в первую очередь, кочевых. Империя Цинь была создана, как уже упоминалось, в период укрепления Хуннского объединения, объединение египетских империй шло с юга – на границе с Нубией и ливийцами, Альморавиды (Магриб) имели кочевую границу с Ганой, Индия Маурьев столкнулась с Мидийцами, персы, греки, Ахемениды со скифами, Хазары воевали с Халифатом. Не везде имелась именно кочевая угроза, но важно подчеркнуть – мощная внешняя угроза. Обратим внимание – Греция до вторжения Ахеменидов не имела имперской динамики, а во время войны и после, сначала возник морской союз (Архэ), а позже начались масштабные завоевания Александра Македонского. И обратный пример – монголы не дошли до центральной Европы, как результат – там не сложилось империи⁷⁰.

Из этих примеров видно, что такие закономерности носили не жестко детерминированный характер, а вероятностный. Это постпозитивистское

⁶⁸ Барфилд Т. Указ. соч. С. 415–441.

⁶⁹ Turchin P. A Theory for Formation of Large Empires // Journal of Global History № 4, 2009. P.191-207.

⁷⁰ Уваров П. Ю. «Роскошь феодализма» //Всемирная история. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока. – М.: Наука, 2012. С. 810-818.

понимание номологичности исторического процесса хорошо выразил известный историк Коротаев, перефразируя Карла Маркса: «возьмите определенную ступень развития производственных сил людей, и вы получите несколько определенных форм обмена и потребления, но с разной степенью вероятности», вместо «возьмите определенную ступень развития производственных сил людей, и вы получите определенную форму обмена и потребления...»⁷¹.

Третьим, после теории систем и эволюционной морфологии, и возможно самым важным выходом из тупика противоречий модерна и постмодерна, номотетики/идеографии является работа «Заметки о метамодернизме»⁷², опубликованная в 2010 г. В данной работе метамодернизм определяется как «структура чувства», что означает «все то, что пока еще не рационализировано: общие еще не озвученные ценности поколения, некоторые (еще не сложившиеся) верования и, возможно, даже суеверия. Главное – все это не систематизировано и лишь выкристаллизовывается в нечто большее – в то, что уже известно как более формальное и определенное – мировоззрение и идеология»⁷³. В метамодернизме предлагается не столько решать противоречие между «объективизмом» и релятивизмом, сколько признавать и учитывать его: «Онтологически, метамодернизм раскачивается между модерном и постмодерном. Он осциллирует между энтузиазмом модернизма и постмодернистской насмешкой, между надеждой и меланхолией, между простодушием и осведомлённостью, эмпатией и апатией, единством и множеством, цельностью и расщеплением, ясностью и неоднозначностью. Конечно, раскачиваясь туда и обратно, вперёд и назад, метамодерн пытается преодолеть противоречия между модернизмом и постмодерном. Важно, однако не считать это раскачивание балансированием, напротив, это скорее маятник,

⁷¹ Коротаев А. В. Джордж Питер Мердок и школа количественных кросс-культурных (холокультуральных) исследований // Мердок Дж. П. Социальная структура. М.: ОГИ, 2003. С. 478–555.

⁷² Вермюлен Т., Аккер ван ден Р. Заметки о метамодернизме // Metamodernism. URL: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/> (дата обращения: 27.07.2025)

⁷³ Павлов А.В. Постпостмодернизм: как социальная я и культурная теор и и объясняют наше время. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – С.379.

колеблющийся между 2, 3, 5, 10, бесчисленным количеством разных положений. Всякий раз, как энтузиазм метамодерна качнёт в сторону фанатизма, гравитация вытягивает его обратно к насмешке; в миг, когда насмешка качнётся в апатию, гравитация вытягивает его обратно в энтузиазм»⁷⁴.

Одним из конкретных подходов в рамках метамодернизма можно считать идеи так называемых «плоских онтологий».

Основные идеи плоских онтологий, можно свести к четырем позициям.⁷⁵

1. Никто не имеет онтологического преимущества перед другими. То есть все объекты и «субъекты» равны между собой. Такая онтологическая «нивелировка» является следствием постмодернистской антропоцентричной критики.

2. Нет какого-то универсального объекта, который вмещает в себя всех остальных. То есть каждый объект уникален сам по себе и вписать его в общую «схему» можно только «насильственно». Данная позиция тоже характерна для постмодерна с его критикой обобщений и метанарративов.

3. Все отношения, какие-либо существуют в мире, не имеют преимущества перед отношениями между человеком и объектом, все отношения равны. Такой взгляд с одной стороны является как постмодернистским, включая его «антигуманистичекую» направленность (см. выше), а с другой так же является продуктом модерна, для которого характера «универсальная» объективность.

4. Все, о чем мы говорим, есть одинаково реальное, будь то государство, стул, человек или единорог. С одной стороны, такое понимание реальности может выглядеть постмодернистски, но стоит учесть, что сама реальность находилось под вопросом в постмодерне, в то время как в модерне реальность

⁷⁴ Вермюлен Т., Аккер ван ден Р. Заметки о метамодернизме // Metamodernism. URL: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/> (дата обращения: 27.07.2025)

⁷⁵ Брайант Л. Демократия объектов. – Пермь: Гиле Пресс, 2019. – С. 252-253.

принимается как данность и такое расширенное ее понимание является лишь развитием этой логики.

Таким образом есть все основания полагать, что плоские онтологии являются метамодернистским проектом, который помогает преодолеть противоречия между двумя подходами к социальной реальности. Такой подход имеет еще одно следствие: так как все объекты равны и человек не имеет преимущества, то акторы в рамках политической динамики тоже являются онтологически равными: так, например, когда в тексте говорится «провинция желает свободы», это означает, что политики, простые жители этой провинции, дискурс об освобождении, вся экономика (заводы, например, а также вся продукция этого завода) и даже условные плакаты с лозунгами – все они являются полноправными участниками движения за освобождение.

Эпистемологические основания поиска закономерностей в социальных науках. Когда речь заходит о постижении истории как процесса, то возникает множество вопросов от фундаментального «как это возможно?» до конкретного «как это делать?». Первый вопрос практически не имеет адекватного решения на данный момент, и наиболее масштабная попытка рассмотрения проблемы репрезентации прошлого ушла в феноменологические изыскания. Ответ на последний вопрос, каким бы он не был, вызывает недоверие у методологов по той причине, что любые «описания» имеют тенденцию видоизменяться. Проблема кроется на уровне аксиологии, личностных и контекстуальных детерминант, и преодолеть их всецело невозможно, но стремиться к этому можно. Логический позитивизм, провалившийся в своем стремлении к универсализму «объективного» языка, оставил, все же, среди прочего, такое понятие как «протокольное предложение». Конечно, редуцировать до таких предложений все свои построения невозможно, как бы того не желал Р. Карнап, да и «нет никаких средств сделать исходным пунктом науки абсолютно чистые протокольные

предложения»⁷⁶. Идеальный вариант – это изначальное собирание самих фактов, которые отражают события, но не связи между ними. Конечно, это не должно быть пустым собиранием всего возможного, оно должно соответствовать изначальной гипотетико-дедуктивной модели, которая, в свою очередь, строится на «охватывающих законах»⁷⁷. Но сразу возникает вопрос - а как возможны «охватывающие законы», если все объекты индивидуальны, как показывают представители плоских онтологий?

Ключевым во многих теориях плоских онтологий являются отношения (подробнее это будет рассмотрено в следующем параграфе), иногда отношения становятся единственным «доступом к реальности», как это сделано, например, в рамках акторно-сетевой теории⁷⁸. И именно отношения между элементами, если они встроены в какую-то систему, могут подчиняться некоторым закономерностям, так как есть пространство возможностей действий (отношений) с разными степенями свободы в рамках единой системы, определяемой топологическими инвариантами. Такие инварианты в рамках социальных наук было предложено называть универсальными сингулярностями⁷⁹. Стоит отметить, что концепт универсальных сингулярностей отлично согласуется с пониманием структур как потенциалов у Лумана, так как в обоих случаях речь идет о возможных вариантах действий в рамках определенного набора. Отсюда следует важный методологический принцип данного исследования: так как любая «сущность», будь то государство, элиты, крушение государства и прочее, определяется не своей формой, а отношениями между элементами, то как таковые четкие определения тех или иных «сущностей» дать невозможно, а значит все критерии и признаки должны определяться через варианты изменяющихся отношений.

⁷⁶ Нейрат О. Протокольные предложения // Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное. – М., 2006. С. 311.

⁷⁷ Гемпель К. Указ. соч.

⁷⁸ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 384 с.

⁷⁹ Деланда М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность. – Пермь Гиле Пресс, 2018. – С.41-42.

Соответственно, для выявления закономерностей политической динамики необходимо формулировать некоторые варианты групп отношений в рамках универсальных сингулярностей. Такая стратегия исследования в социогуманитарных науках была названа одним из теоретиков «ретродуктивной»⁸⁰. Он предлагает конкретные шаги, для того, чтобы использовать данную стратегию и первые два стоит привести полностью:

«1) Для того, чтобы объяснить наблюдаемые феномены и закономерности, что существуют между ними, ученые должны открыть подходящие структуры и механизмы.

2) Поскольку эти структуры и механизмы будут обычно недоступны для наблюдения, необходимо сначала сконструировать их модель, часто отталкиваясь от уже знакомых источников»⁸¹.

После этого должны следовать проверки такой модели, и если этим тестам сопутствует успех, то это основание «верить в существование этих структур и механизмов»⁸².

Объяснения последнего рода, взятые лишь в одном конкретном случае достаточно чувствительны к критическому анализу. Так, один из методологов Д. Литтл⁸³ разбирает несколько примеров схожих моделей с целью показать, что часто логически верные объяснения могут оказаться и не единственно верными, а могут даже быть и ошибочными. В итоге он приходит к выводу: «функциональные объяснения в социальных науках находятся под подозрением и в лучшем случае являются внутренне незавершенными». «Чтобы истолковать явление, недостаточно продемонстрировать, что оно имеет последствия, благотворные для экономики или для интересов определенного класса. Скорее, необходимо представить какое-то объяснение микропутей, с помощью которых нужды экономики или интересы правящего класса налагаются на другие

⁸⁰ Blaikie N. Designing Social Research. – Cambridge: Polity Press. 2000, P.108-114.

⁸¹ Там же, P. 111.

⁸² Там же.

⁸³ Литтл. Д. Функциональное и структурное объяснение // Время мира. – Новосибирск. 2000., Вып.1.С.190.

социальные явления для достижения благотворных результатов»⁸⁴. Решение проблемы наиболее эффективного объяснения должно лежать в сфере сравнительного подхода и тех наработок, которые предоставляет логика как отрасль знания⁸⁵.

В социальных науках есть исследования, которые следуют ретродуктивной исследовательской стратегии и структурно-функциональному объяснению. Так, в рамках политической науки были обнаружены статистически значимые закономерности политической динамики авторитарных режимов. Несмотря на то, что причины таких закономерностей достаточно сложно верифицировать с эмпирической точки зрения, были предложены математические модели в рамках теории игр, которые дают пусть и гипотетический, но с точки зрения байесовского подхода, достоверный результат⁸⁶.

Еще одним способом преодолеть рассмотренные выше проблемы – является метод прослеживания процессов (process-tracing), который имеет множество вариаций⁸⁷ и подробный его обзор требует отдельного параграфа, потому рассмотрим его кратко. Прослеживание процессов (process-tracing), конкретный метод, базирующийся на ретродуктивной логике, исходит из так называемой байесовской системы доказательств, согласно которой одни доказательства имеют больший вес, чем другие и то, что если доказательство, требуемое для одной гипотезы, с малой вероятностью может обнаружиться при альтернативной, то первая гипотеза имеет большую степень доказанности. Так же была разработана конкретная система доказательств, которые позволят ранжировать и оценивать вес каждого доказательства. Такой метод был предпринят, например, в рамках исторической социологии, чтобы объяснить

⁸⁴ Там же. С. 190, 188.

⁸⁵ Розов Н.С. Познавательные средства теоретической истории и макросоциологии/ Разработка и апробация метода теоретической истории. – Новосибирск: наука, 2001 С.13-232.

⁸⁶ Geddes B., et al. How dictatorships work: power, personalization, and collapse. Cambridge University Press, 2018.

⁸⁷ Bennett, A., Checkel, J.T. Process tracing: From metaphor to analytic tool. – Cambridge: University Press, 2015; Trampusch C., Palier B. Between X and Y: How Process Tracing Contributes to Opening the Black Box of Causality // New Political Economy. 2016. Vol. 21. No. 5. P. 437-454.

взлет и упадок некоторых европейских государств в начале Нового времени⁸⁸. Благодаря этому методу были развенчаны некоторые устоявшиеся подходы к данной исторической проблеме, такие как военно-налоговая теория, теория рационального выбора и имперское перенапряжение и была обоснована новая теория, основанная на анализе взаимодействия элит и государства. Учитывая фундированность нового объяснения, оно стало применяться для прогнозирования и будущей политической динамики⁸⁹.

Подводя итог всему ранее сказанному, можно констатировать, что исследование закономерностей дезинтеграции государств должно основываться на вычленении структур, обуславливающих воспроизводство системы (то есть отношения). Но при этом такое вычленение должно строиться на моделях, а не быть изначально эмпирическим, лишая, тем самым, подход эвристических возможностей ввиду отсутствия проработанных объяснений. Еще одним аспектом «номотетического» дискурса обязательно является сравнительный подход, т.к. только он помогает отсеять случайные совпадения и найти подлинные закономерности исторической динамики.

На основе изложенных базовых принципов и подходов и будет построено настоящее исследование.

⁸⁸ Lachmann R. Failure in Early Modern Europe // *American Journal of Sociology*. – 2009. – Vol.115, № 1. – P.39-73

⁸⁹ Lachmann R. From Consensus to Paralysis in the United States, 1960–2012» // *Political Power and Social Theory*. – 2014. – № 26. – P. 195–233.

1.2. Понимание государства в рамках плоских онтологий

Прежде чем подходить к изучению проблем дезинтеграции государств, необходимо четко выявить те критерии (то есть отношения), которые его идентифицируют. Но тут возникает трудность – как указывают некоторые исследователи⁹⁰, авторы, дающие список признаков крушения/ коллапса/дезинтеграции государства, не эксплицируют свои исходные посылки и не стараются доказать, почему именно эти критерии являются принципиально важными, а не иные. Соответственно, первоочередной задачей является четкое понимание того, что такое государство, но не на уровне жесткого определения, которое будет иметь предельную абстрактность и налет метафизичности (см. выше), а на уровне теории. Теория в данном случае, следуя позитивистскому пониманию, определяется как «дедуктивно организованная совокупность суждений, сформулированных в замкнутой системе понятий»⁹¹.

Теория государства необходима не только для обоснования критериев и выделения признаков, характеризующих его дезинтеграцию, но и из-за требований логического позитивизма, который утверждает, что конкретное или частное событие (дезинтеграция), должно опираться на закономерности, сформулированные на более высоком уровне абстракции (чем, собственно, и будет являться теория государства)⁹². При этом, следуя обоснованной в предыдущем параграфе призмы (структуры чувства) метамодернизма, необходимо будет также учесть и все те релятивистские эффекты, которые всегда ставят под вопрос детерминированность процессов.

В социальных науках как минимум со времен структурализма наблюдается критика так называемого «эссенциализма», который можно понять как сосредоточенность исключительно на объектах, каких-то сущностях или субстанциях. «Главный вклад так называемой революции структурализма заключается в применении к социальному миру реляционного способа

⁹⁰См., напр.: Lambach D., Johais E., Bayer M. Conceptualising state collapse: an institutionalist approach // Third World Quarterly, 2015. Vol. 36. No. 7. P. 1299-1315.

⁹¹ Розов Н.С. Познавательные средства ... С.19.

⁹² Гемпель К. Функция ...

мышления, способа современной математики или физики, который идентифицирует реальность не с субстанциями, а со связями»⁹³.

В первом параграфе уже обсуждались плоские онтологии, а потому сейчас стоит посмотреть как они могут быть использованы в контексте структурализма и структурно-функционального подхода в частности.

Государство в рамках плоской онтологии можно концептуализировать как ассамбляж⁹⁴ – совокупность гетерогенных элементов, связи между которыми определяют его устойчивость и динамику. При этом невозможно выделить универсальный набор ключевых компонентов, обеспечивающих стабильность государства, поскольку их состав и значимость варьируются в зависимости от контекста.

Политическая динамика (включая процессы дезинтеграции) запускается множеством акторов – как человеческих, так и нечеловеческих (институты, технологии, инфраструктуры, дискурсы). Их количество и влияние невозможно полностью учесть, что делает их контингентными для исследователя, но при этом необходимыми для существования самого ассамбляжа.

Так как входящие в ассамбляж элементы практически или полностью неисчислимы, то как раз здесь и стоит остановиться не на сущностях, а на отношениях между элементами. Такой подход является достаточно признанным в политической науке, как например в институционализме, где само определение институтов как правил игры указывает на отношения⁹⁵, или же в рамках теории экстрактивных институтов, где основной акцент сделан на взаимодействии элит и остального населения, включая предпринимателей⁹⁶ или в теории демократического транзита, где прямо указывается на наличие связей между государствами и рычагов воздействия на демократизирующиеся

⁹³ Бурдые П. Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – С. 68.

⁹⁴ Вообще идея ассамбляжа уже используется в отечественной политологии, см., напр.: Пустовойт Ю. А. Условия и этапы становления политико-административных ассамбляжей в городах Сибири // Власть и элиты. – 2024. – Т. 11, № 2. – С. 74-103.

⁹⁵ Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – М.: Изд. Института Гайдара, 2011. – С.429.

⁹⁶ Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные...

страны⁹⁷, и многие другие. Но проблема всех вышеуказанных подходов в том, что они не могут объяснить изменения в политической динамике у похожих государств, что будет более подробно прослежено в следующей главе. Ключевых недостатков классических подходов, анализирующих отношения элементов в ассамбляжах, можно выделить несколько, среди которых: отказ признавать онтологическое равенство всех элементов внутри конкретных ассамбляжей и «пережитки» эссенциализма, допускающего некоторое универсальное единство этих ассамбляжей⁹⁸.

На основании вышесказанного рассмотрим существующие подходы к тому, как понимается государство в существующей литературе.

Теории государства. При рассмотрении феномена «государство» мы будем исходить из следующего: адекватное понимание явления не должно ограничиваться текущим моментом. Во-первых, структурный подход показывает, что нет оснований считать государства прошлого качественно отличными от современных. Во-вторых, даже если такие принципиальные отличия и обнаруживаются у некоторых исторических форм политий, то эти случаи слишком малочисленны, чтобы можно было считать именно их «образцовыми» для характеристики явления в целом. В отношении теории государства последнее значит, что те социальные образования, которые сложились на «дальнем западе» (У. Макнилл) в начале Нового Времени не являются эталоном для понимания государства как универсальной сущности. Трудно подобрать аргументы в пользу эталонности именно этой горстки политий в отношении остального мира, хотя бы потому, что такие аргументы строятся уже исходя из ценностей и представлений, бытующих в этих обществах. Во-вторых, даже базируясь на примате Северной Атлантики, абсолютно не очевидно, какие именно функциональные аспекты системы

⁹⁷ Levitsky S., Way L. A. Competitive authoritarianism: Hybrid regimes after the cold war. Cambridge University Press. 2010. – 517 p.

⁹⁸ О том, как государство может быть индивидуальным ассамбляжем и универсальным явлением - см. Параграф 1 Главы 1

делают ее той, какая она есть – без сравнения по горизонтали и по вертикали мы и не сможем этого понять.

Третьим аргументом в пользу историзации понятия государства может служить подход эволюционной морфологии (см. предыдущий параграф).

Отправной точкой прояснения термина «государство» будет обзор существующих подходов и определений. Исследователи выделяют четыре главных подхода к тому, как понимать государство: классовый, либеральный, неовеберовский и культуралистский⁹⁹.

Первый подход является достаточно спорным с точки зрения соответствия предлагаемой модели действительности и имеет длительную критическую традицию рассмотрения¹⁰⁰. Вторым подход апеллирует к ранее указанному восприятию государства, основанному на изучении политик северной Атлантики Нового времени, но и у них есть общее – оба этих подхода не признают государства как самостоятельные ассамбляжи. Неовеберовский подход будет подробно рассмотрен ниже. Культуралистский подход базируется на идее конструкта государства, при этом трудно поддается операционализации и носит несколько метафизический характер.

Одно из самых популярных определений, которое кладется в основу анализа государственности, было предложено М. Вебером – монополия на легитимное физическое насилие¹⁰¹. С одной стороны такой подход имеет преимущество, указывая на примат отношений между элементами системы, а с другой имеет существенные недостатки. Проблема легитимности будет сознательно опущена ввиду чрезмерной дискуссионности понятия, но стоит обратиться к факту монополии на насилие. Этот критерий вызывает обоснованные сомнения в своей релевантности как среди историков и антропологов, так и среди современных политологов. Начнем с историко-антропологических аргументов: монополию на насилие как признак

⁹⁹ см., напр.: vom Hau Matthias. State Theory: Four Analytical Traditions // The Oxford Handbook of Transformations of the State. Oxford. 2015. P.132-152.

¹⁰⁰ из классических работ можно отметить Skocpol T. States and Social Revolutions...

¹⁰¹ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. – М., 1990. С. 644-706.

государства кладет в основу, например, и известный антрополог Э. Геллнер, говоря о необходимости наличия институциональных форм принуждения, в первую очередь – полиции и суда¹⁰². Но возникает закономерный вопрос – насколько этот признак релевантен в исторической перспективе? Такой критерий позволил некоторым ученым отказать в статусе государства Афинскому полису в период его расцвета¹⁰³. Более того, некоторые политические антропологи полагают, исходя из другого понимания государства, что на ранних этапах политогенеза такая монополия далеко не всегда присутствовала¹⁰⁴. Но отказ считать Афины классического периода государством может скорее свидетельствовать не о неполноте самого подхода, а скорее о том, что Афины государством не были, потому нужны другие аргументы, показывающие неполноту веберовского определения.

Неоднозначность критерия монополии на насилие как признака именно государства заключается в том, что такая монополия, следуя логике, является более древней формой организации социума. Использование насилия политией нужно для того, чтобы наказать нарушителей законов, а законы, по сути, представляют собой запреты, которые уже существовали даже в явно догосударственных обществах¹⁰⁵. Известный антрополог А. Рэдклифф-Браун полагал, что применение насилия за нарушения законов (в их зачаточной форме) осуществлялось и без развития института уголовного права на ранних этапах социальной эволюции, а так же считал, что функцией любой политической системы (и вовсе не обязательно государства) является регуляции применения насилия¹⁰⁶. В качестве подтверждения можно привести пример лиги ирокезов – негосударственного децентрализованного общества,

¹⁰² Геллнер Э. Нации и национализм. – М.: Прогресс, 1991. С.28.

¹⁰³ Берент М. Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество // Альтернативные пути к цивилизации: Кол. монография / Под ред. Крадина Н.Н., Коротаева А.В. Бондаренко Д.М., Лынши В.А. – М.: Логос, 2000. С.235-258.

¹⁰⁴ Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс. От раннего государства к зрелому. – М.: URSS, 2010. С. 160.

¹⁰⁵ Белков П.Л. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. – М.: 1995. С. 172-173.

¹⁰⁶ Radcliffe-Brown A. R. Foreword // Fortes M., Evans-Pritchard E. E. (eds.), *African Political Systems*. – London; N. Y.: KPI; International African Institute, 1987. P. XVII, XXIII.

где имелся прецедент вынесения смертного приговора старейшинами¹⁰⁷. Конечно, данный факт не свидетельствует о наличии монополии на насилие, учитывая иные, «горизонтальные» практики улаживания конфликтов, в т. ч. и уголовных, однако некоторую претензию на легитимную монополию отрицать нельзя. Таким образом можно утверждать, что монополия на насилие является характеристикой любых относительно крупных социальных ассамблеж, но при это существует и обратная ситуация, когда монополии нет в достаточно крупных политических образованиях.

К политологической критике веберовского понимания государства можно отнести работу Роберта Бейтса с соавторами¹⁰⁸. В ней, используя теорию игр и конкретные примеры исторических и современных негосударственных обществ (например, племени кикую в Кении) и государственных (например, Либерии), показывается, что контроль над насилием может быть и вне государства, так и отсутствовать в самом государстве. Логика Бейтса заключается в том, что в условиях даже отсутствия государства можно контролировать уровень насилия, что приведет к положительной экономической динамике. Такое характерно не только для современного мира, но и для исторической динамики. Бейтс описывает несколько случаев из средневековой Европы; сюда же можно добавить и случай из истории Ближнего Востока. На территории современного Йемена до нашей эры существовало Сабейское царство, которое распалось сначала на вожества, а позже и вовсе на племена. Несмотря на такое упрощение политической структуры, исчезновение государства, порядок там сохранился, более того, это политическое упрощение сопровождалось ростом экономических и культурных связей, включая даже относительно развитую законодательную систему, благодаря наличию единой идеологии¹⁰⁹.

¹⁰⁷ Воробьев Д.В. Ирокезы (XV - XVIII в. н.э.) // Цивилизационные модели политогенеза. – М.: Институт Африки РАН, 2002. С.187.

¹⁰⁸ Bates R., Greif A., Singh S. // Organizing violence. Journal of Conflict Resolution. 2002. № 5. P.599-628.

¹⁰⁹ Коротаев А.В. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейского культурно-политического ареала (Южная Аравия: X в. до н.э. - IV в.н.э.) // Попов В.А., ред., Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции. Памяти Л.Е.Куббеля. М.: Наука,1993. С.295-320; Он же. Северо-Восточный Йемен (I–II тыс. н.э.) // Цивилизационные модели политогенеза / Ред. Д. М. Бондаренко, А. В. Коротаев. М.: Институт Африки РАН, 2002. С. 196–223.

Исходя даже из таких предварительных рассуждений, можно утверждать, что как таковая монополия на легитимное насилие не является сущностной характеристикой только государственности и возможно лишь говорить о степени этой монополии в рамках легитимизирующего дискурса.

Если веберовское понимание является неполным, то какие еще есть широко используемые признаки, отличающие государственность от иных форм политий? В рамках политической антропологии существует такой подход к определению государства, в котором характеризующими его признаками являются: «территориальное деление, налоги и формирование особого аппарата управления»¹¹⁰. Первые два критерия, рассмотренные по отдельности, вызывают некоторые сомнения: так, некоторые полагают, что территориальность – продукт Европы Нового времени, тогда как главным в предшествующие времена был контроль над населением¹¹¹. Несмотря на то, что есть аргументы (см. ниже), позволяющие полагать, что территориальность все-таки имела одно из основополагающих значений, есть второй аргумент против значимости факта территориального деления, который заключается в том, что часто родственные и территориальные признаки были смешаны. Потому разумнее говорить не о контроле над территорией (и факте ее деления), а о возможности власти менять сам принцип ее организации¹¹².

Второй признак – налогообложение, понимаемый как легитимное изъятие властвующими субъектами ресурсов с подконтрольного социума, тоже оказывается не столько однозначным. В качестве одного из примеров можно привести практики, бытовавшие на Тробрианских островах. Вождь, получавший жен из каждой подконтрольной ему деревни, получал так же и подношения за каждую из них. Несмотря на то, что такие подношения были связаны не с самой должностью вождя, а занимаемой им позицией в системе

¹¹⁰ Крадин Н. Н. Политическая антропология. М. 2004.

¹¹¹ Бондаренко Д.М. Государство как феномен социальной истории: сущность и отличительные признаки // Историческая психология и социология истории. Том 7, № 2, 2014. С.167.

¹¹² Там же. С.170

родственных отношений, они носили обязательный характер¹¹³. Таким образом, де-юре подношения носили неполитический характер, но де-факто, они таковыми являлись. Так же не всегда легко провести однозначную границу между добровольными приношениями и принудительным изъятием. Например, у квакиютлей (индейцев Северо-Западного побережья) при устройстве потлача вожди поселений просили, чтобы члены политики внесли свой вклад в это предприятие, но такая помощь не всегда была добровольной¹¹⁴.

Что понимается под третьим признаком, особым аппаратом управления? Практически общим местом в исследованиях политических антропологов, посвященных происхождению государственности, являются утверждения о специализации и централизации управления¹¹⁵.

Кратко рассмотрев некоторые ключевые подходы к государственности¹¹⁶ (подавляющее большинство других подходов либо выводимы, либо сводимы к рассмотренным ранее), можно подвести некоторые итоги и сформулировать те критерии, которые определяют государство в его историческом аспекте.

Начать стоит с наиболее очевидных фактов – государство в той или иной степени имеет границы (хотя в исторические времена больше условные), а значит территориальность как таковая – важный принцип существования оседлого социума. Даже если контроль над населением и играет важную роль, то контроль над определенной территорией подразумевает использование ресурсов, находящихся на ней. При этом ресурсы, изымаемые властью, необязательно предполагают сельскохозяйственный характер их

¹¹³ Семенов Ю. И. Происхождение и развитие экономики: От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). – М. 2014. С.535-537.

¹¹⁴ Там же. С. 441.

¹¹⁵ Бондаренко Д. М. Государство как феномен... с. 163; Годинер Э. С. Политическая антропология о происхождении государства. // Козлов С. Я., Пучков П. И. (ред.), Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения. М.1991. С. 68; Гринин Л. Е. Государство...

¹¹⁶ Здесь стоит обратить внимание на еще одно понимание государственности – считать, что государства представляют собой «территориальные политики, выступающие как ячейки координатной сетки мировой политики» (Ильин М.В. Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука. М., 2008. № 4. С. 20). Данный подход вызывает трудность, потому что выкидывает успешные с точки зрения государственной эффективности образования (С.Кипр, Абхазия), непризнаваемые многими другими государствами и считаться с теми образованиями, которые потеряли практически полностью любую эффективность (Афганистан, Сомали).

происхождения (для доиндустриальных государств), но и полезные ископаемые. Территориальность является важной составляющей во многих попытках концептуализации государственности, например, в теориях государственной состоятельности Дж. Неттла и М. Манна (см. ниже).

Естественно, и при геополитическом подходе территориальность в ее административном аспекте носит фундирующий характер в осмыслении государственности¹¹⁷, более того, в некоторых построениях она становится переменной, зависящей только от экзогенных факторов¹¹⁸. Таким образом, территориальное измерение является значимым в государственности в отношении степени проникновения и изъятия ресурсов (в т.ч. и с подконтрольного населения) и у некоторых теоретиков становится важнейшим критерием для государственного коллапса (state collapse)¹¹⁹.

Территория, конечно же, не существует сама по себе, ее успешный контроль зависит от управленческой организации. В данном случае речь идет не только о специализации аппарата управления, с превалированием профессионализации над родственными (и другими патримониальными) отношениями, но и об элитах с относительным консенсусом в отношении дальнейших действий (о чем ниже).

Ни согласованность действий элит, ни эффективность управления невозможны без идеологии, легитимизирующей существующие порядки, предписывающей социальные нормы, а также (что наиболее важно), обеспечивающей воспроизводство самой системы. Такой идеологией в нашем понимании и выступает концепт самоописания системы.

Исходя из подхода плоских онтологий, можно выстроить теорию, как такой ассамбляж как государство функционирует.

¹¹⁷ см. напр.: Li J. State Fragmentation...

¹¹⁸ Collins R. Explaining the anti-Soviet revolution...; Li R. S. K. Alternative Routes to State Breakdown...

¹¹⁹ Ulfelder J. "State Failure" has Failed. How About Giving «State Collapse» a Whirl? – 2012.// WordPress. URL: <https://dartthrowingchimp.wordpress.com/2012/07/05/state-failure-has-failed-how-about-giving-state-collapse-a-whirl/> (дата посещения: 15.05.2020).

Самоописание государства (его нарративы, идеологии, символические системы) играют ключевую роль, так предписывают порядки взаимоотношения элементов. Здесь важно подчеркнуть известное в политологии разделение между тем, как государство функционирует и как оно себя позиционирует¹²⁰. В данной диссертации предлагается следующая терминология: то, что конституирует ассамбляж (или говоря языком объектно-ориентированной онтологии, создает сильные связи способные в «случае своего ослабления или исчезновения привести к гибели своих обладателей»¹²¹) называть (кодирующим) самоописанием. То, что относится к позиционированию себя государством в мире и перед гражданами, предлагается называть транслируемым дискурсом (или же на языке объектно-ориентированной онтологии – слабыми связями). Стоит подчеркнуть в рамках теории государства как ассамбляжа, что самоописание и транслируемый дискурс могут перетекать друг в друга: слабые связи, которые могли возникнуть в рамках транслируемого дискурса (например, заявление о конкурентности выборов в условиях авторитаризма) могут со временем пересобрать ассамбляж и уже стать сильными связями. Другой случай, когда элементы самоописания вдруг начинают превращаться в слабые связи, в которых уже может формироваться «избыток», который заставит радикально трансформироваться ассамбляж. Вот как Харман описывает это: «объекты ООО всегда обладают неким избытком, более глубоким, чем все то, что они делают сейчас или когда-либо будут делать потом.»¹²². Оба случая на конкретных примерах будут подробно рассмотрены в следующей главе.

Таким образом можно зафиксировать, что самоописание – общее символическое поле, обеспечивающее когерентность ассамбляжа.

¹²⁰ См., напр.: Wolin Sh. S. Democracy incorporated : managed democracy and the specter of inverted totalitarianism. – Princeton: Princeton University Press, 2008. – 384 p.

¹²¹ Харман Г. Имматериализм. Объекты и социальная теория. – М.: Издательство Института Гайдара, 2018. – с.106

¹²² Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая "теория всего". – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2021. – С.130.

Главным генератором и воспроизводителем самоописания являются элиты и их единство обеспечивает стабильность системы, которая включает в себя уже и обеспечение централизации, и контроль над сбором налогов и контроль над территорией.

Для понимания необходимо кратко очертить те границы, в рамках которых в данном исследовании будет употребляться термин «элита», и не смотря на то, что ключевым являются их отношения, базовые характеристики элиты как ассамбляжа вычленил необходимо.

Прояснению этого понятия посвящено множество работ и даже только их обзор – тема отдельного исследования¹²³.

За последние 20 лет появилось не так много теоретических работ об элитах, но при этом свести их к единому знаменателю практически невозможно. Прежде всего, рассмотрим ключевые определения этого термина в новейшей литературе.

Один из главных общепризнанных специалистов в области теории элит Джон Хигли полагает, что элитами являются: «как отдельные лица, так и небольшие, относительно сплоченные и стабильные группы, обладающие значительной властью в принятии решений»¹²⁴. Другое популярное определение предлагает считать элитами «лиц, занимающих высокие посты во влиятельных организациях и учреждениях»¹²⁵. При сопоставлении этих двух определений уже видится разница в подходах. Эти подходы называют десизиональным (decisional) и позиционным (positional), соответственно, добавляя еще репутационный, т.е. предлагающий считать элитами тех, кого таковыми считают другие¹²⁶. Есть еще так же поход, который условно можно назвать «ресурсным», так как элиты в рамках этого подхода определяются как

¹²³ См., напр. Best H., Higley J. The Palgrave handbook of political elites. London: Palgrave, 2018; Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты / Политическая социология Т. 1: Часть 1. Юрайт, 2018. С. 175-195.

¹²⁴ Higley J. Continuities and Discontinuities in Elite Theory // The Palgrave Handbook of Political Elites. – London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 27.

¹²⁵ Hoffmann-Lange U. Theory-Based Typologies of Political Elites / The Palgrave Handbook of Political Elites. – London: Palgrave Macmillan, 2018. P.54

¹²⁶ Hoffmann-Lange U. Elites // The SAGE Handbook of Political Science. – Los Angeles: Sage Publications, 2020. P.499.

люди, «которые имеют совершенно непропорциональный контроль над ресурсами или доступ к ним»¹²⁷.

Помимо разницы в определениях, в литературе наблюдаются еще и различия в том, какие типы элит существуют. Одни полагают, что существуют политические, экономические и статусные, а последние, в свою очередь, делятся на культурные и идеологические¹²⁸, другие же не делят статусные элиты на два типа и выделяют только культурные¹²⁹, третьи выделяют еще военные элиты¹³⁰, а четвертые вообще понимают под элитами только тех, кто владеет средствами производства¹³¹.

Наиболее операционализируемое, на наш взгляд, определение, что такое элиты, дал известный представитель четвертого поколения теории революций Лахман¹³², предложивший считать элитами «группу правителей, обладающих возможностями присваивать себе ресурсы неэлит и входящих в обособленный организационный аппарат. Элита сама по себе определяется характеристиками организационного аппарата, в который входит.»¹³³ Проблема конкретно этого определения, что оно во главу угла ставит занимаемую должность, а потому предлагается добавить, что элиты не только правители, но и те, кто владеет достаточным количеством ресурсов, чтобы оказывать влияние на принятие решений.

Так, из этого определения получается, что у разных организованных групп будут различные интересы, но внутри каждой группы (т.к. они входят в один аппарат) будет наблюдаться определенная степень «связности» (coherence)¹³⁴. Так же уже из самого этого определения следует, что элиты

¹²⁷ Khan S. Op. cit. P.362

¹²⁸ Milner M., Jr. Elites. A General Model. – Cambridge: Polity Press, 2015.

¹²⁹ Khan S. Op. cit.

¹³⁰ Mann M. The sources of social power, Vol.I. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

¹³¹ Lachmann R. Greed and Contingency: State Fiscal Crises and Imperial Failure in Early Modern Europe // American Journal of Sociology. – 2009. – №1 (115). – P. 56.

¹³² Goldstone J, et al. The Phenomenon and Theories of Revolution.... P. 33

¹³³ Лахман Р. Капиталисты поневоле: Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. – М.: Издательский дом .Территория будущего., 2010. С.31-32.

¹³⁴ Hoffmann-Lange U. Elites... P. 503.

имеют определенную степень автономии¹³⁵. Самое важное следствие, которое можно вывести из этого определения, – что существует разделение «правления» и собственно административного аппарата, который не имеет как таковой субъектности, но при этом может значительно влиять на процессы государственного и режимного функционирования¹³⁶. Такой вывод так же является достаточно общим местом в других теориях элит¹³⁷.

Единственный недостаток уточненного определения Лахмана в том, что из него нельзя вывести возможные типы элит. Так как речь ведется о правлении, то есть о власти, то логично обратиться к видам ее источников. Как известно, таких источников четыре: идеологические, военные, экономические и политические¹³⁸. Если посмотреть на более современные модели, то окажется, что военные и политические в современных обществах тесно переплетены, так как у обоих один ресурс – принуждение¹³⁹. Потому в дальнейшем не будет делаться разграничение между политической и военной элитами, кроме тех случаев, где военные становились самостоятельным актором.

Таким образом, под термином «элиты» в диссертации понимается группа, которая обладает возможностями присваивать себе ресурсы неэлит и входящая в обособленный организационный правящий аппарат, имеющий свою автономию. Элиты делятся на политические, экономические и культурные.

Здесь же логично добавить, что те, кто имеет ресурсы (чаще всего для принуждения), и не входящие в ранг «правителей» или оказывающих влияние на них, но стремящихся к такому положению, являются контрэлитами.

Подводя итог всему ранее сказанному, можно обобщить, что государство представляет собой территориальное целое с централизованным и профессиональным аппаратом управления (включая и монополию на средства насилия), признающееся легитимным и имеющим признанную населением

¹³⁵ Higley J. Op. cit. P.25.

¹³⁶ Соловьев К.А. Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. – М.: Новое литературное обозрение, 2017.

¹³⁷ Verzichelli L. Executive Elites //The Palgrave Handbook of Political Elites. – London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 373

¹³⁸ Mann M. The sources...

¹³⁹ Milner M. Op. cit. P. 21.

идеологию (самоописание). Аппарат управления для своего успешного (но не обязательно эффективного) функционирования должен иметь хотя бы минимальную степень согласованности действий элит, а также осуществлять сбор налогов. Стоит отметить, что некоторые из этих характеристик, взятые по отдельности, не свидетельствуют о факте существования государства, но только их совокупность.

Кратко рассмотрев, что представляет собой государство как сеть определенных отношений, пришло время обратиться к прояснению значения термина «дезинтеграция государства», а также осуществить его концептуализацию.

1.3. Концептуализация «дезинтеграции государства»

В литературе существует несколько подходов к тому, что из себя представляет концептуализация¹⁴⁰. Один из главных подходов был предложен Сартори Дж¹⁴¹. Он предлагает методологическую лестницу, которую можно кратко понять как движение от наиболее общего к частному. На основе такого подхода было выделено три уровня концептуализации:¹⁴² 1) отмежевание от других понятий, 2) определение характеристик явления (понятия), 3) их формализация.

Теперь реализуем предложенные шаги (уровни) в том же порядке. Первым шагом должно стать отмежевание от схожих понятий, что предполагает обращение к существующей литературе по данной теме.

В западной политической мысли наиболее близки к понятию «дезинтеграция государства» следующие три концепта – failed state, state collapse и state breakdown.

Концепты несостоявшихся и хрупких государств. Одним из самых известных и наиболее популярных проектов в области понимания того, что такое крушение государства, стал концепт несостоявшихся государств (failed state), позже трансформировавшийся в концепт хрупкости (fragile state). Одним из факторов, обеспечивших популярность этих концептов, стали несколько попыток создания различных индексов на их основе.

Первое упоминание идеи несостоявшегося государства относится, по-видимому, к 1992 г.¹⁴³ когда в журнале Foreign Affairs была опубликована статья с соответствующим названием¹⁴⁴. Одной из самых первых попыток измерить степень несостоятельности¹⁴⁵ относится к 1994 г., когда рабочая

¹⁴⁰ обзор некоторых из них см. Approaches and Methodologies... P. 177-197.

¹⁴¹ Сартори Д. Искажение концептов в сравнительной политологии (I) // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 3. – С. 67-77; Он же. Искажение концептов в сравнительной политологии (II) // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 4. – С. 152-160; Он же. Искажение концептов в сравнительной политологии (III) // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 5. – С. 65-75.

¹⁴² Goertz G. Social Science Concepts: A User's Guide. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006.

¹⁴³ Woodward S. L. The ideology of failed states: Why intervention fails. – Cambridge University Press, 2017. P.28

¹⁴⁴ Helman G. B., Ratner S. R. Saving failed states // Foreign Policy. — 1992. № 89. P. 3–20.

¹⁴⁵ Cooley A., Snyder J. Ranking the World: Grading States as a Tool of Global Governance. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P 86.

группа под названием State Failure Task force, переименованная в 2003 г. в Political Instability Task Force (PITF) предложила свой проект. Авторы проекта выделяли четыре типа несостоятельности государств: революционные и/или этнические войны, резкая смена режима, геноцид и политцид¹⁴⁶. Как можно заметить, три из четырех предложенных типов относятся к проблеме насилия и/или отсутствия контроля над ним со стороны государства. С 2004 г. концепт государственной несостоятельности сменяется идеей хрупкости государств¹⁴⁷. Одним из главных факторов, который обусловил изменение названия, стала внешняя политика США в период президентства Дж. Буша младшего¹⁴⁸. Критически настроенная общественная и научная мысль указывали на то, что именование государства несостоявшимся несет в себе как предвзятость, так и позволяет оправдывать военные интервенции в другие страны. Но, так же, был и еще один фактор смены названия – идея несостоятельности использовалась и разрабатывалась преимущественно среди политических аналитиков, а идея хрупкости стала распространяться в новой среде: среди государственных и международных организаций¹⁴⁹.

В литературе имеется множество попыток определения как несостоявшихся, так и хрупких государств. Для несостоявшихся, в частности, предлагали такие критерии: невозможность обеспечения публичных благ (включая безопасность)¹⁵⁰, неэффективность и нелегитимность¹⁵¹ или дефицит в обеспечении безопасности, легитимности и эффективности¹⁵². Для хрупких, например: недостаток политической воли и/или способности выполнять базовые функции по сокращению уровня бедности, развития, безопасности и

¹⁴⁶ Esty D. C., Goldstone J., Gurr T. R., Surko P., Unger A. Working Papers: State Failure Task Force Report. – McLean, VA: Science Applications International Corporation (November 30), 1995. P.2.

¹⁴⁷ Cooley A., Snyder J. Op.cit. P.87.

¹⁴⁸ Woodward S. L. The ideology of failed states... P.48

¹⁴⁹ Nay O. Fragile and Failed states: Critical Perspectives on Conceptual Hybrids //International Political Science Review. 2013. Vol.34. № 3. P. 327.

¹⁵⁰ Rotberg R. I. Failed States. Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators // State Failure and State Weakness in a Time of Terror. – Washington, DC: Brookings Institution Press, 2004. P. 2.

¹⁵¹ Goldstone J. Pathways to State Failure // Conflict Management and Peace Science, 2008. №25. P.286.

¹⁵² Brinkerhoff D. W. (ed.) Governance in Post-Conflict Societies. Rebuilding Fragile States. – London and New York, NY: Routledge, 2007. P. XVI.

обеспечения реализации прав человека;¹⁵³ продукт нелегитимного и неэффективного правительства¹⁵⁴.

Даже такого неполного перечня определений достаточно, чтобы понять, что основные касаются, так или иначе, эффективности, безопасности и легитимности. Проблема эффективности тесно связана с бюрократическим аппаратом, однако связка эффективности и бюрократии практически не разрабатывалась теоретиками рассматриваемых концепций. Безопасность и легитимность являются прямым следствием понимания государства Вебером¹⁵⁵, которое подробно рассмотрено ранее.

Но критика концептов несостоявшихся и хрупких государств указывает не только на неуниверсальное понимание государства.

Еще одним аргументом против использования рассматриваемых концептов – их политическая ангажированность. Как показывает история, именно эта идеологическая платформа позволила «научно» обосновать введение войск США в Афганистан и Ирак¹⁵⁶. Есть еще множество аргументов, почему стоит отказаться вообще от обоих концептов¹⁵⁷. Но в контексте задач диссертации одной из главных проблем не теоретического, а практического

¹⁵³ OECD Development Assistance Committee. Principles for Good International Engagement in Fragile States and Situations. – Paris: OECD, 2007. В 2015 году ОЭСР несколько изменила свое понимание и определила риски хрупкости в пяти сферах: 1) насилие; 2) равенство перед судом; 3) эффективные, подотчетные и инклюзивные институты; 4) экономическое процветание (foundations); 5) способность адаптироваться к социальным, экономическим и экологическим потрясениям и катастрофам (см. OECD States of Fragility 2015: Meeting Post-2015 Ambitions, OECD Publishing, Paris, 2016).

¹⁵⁴ United States Agency for International Development (USAID). Failed States Strategy. – Washington, DC: USAID, 2005. Другие определения для несостоявшихся и хрупких государств см. напр.: Bah A. B. State Decay: A Conceptual Frame of Failing and Failed States in West Africa // International Journal of Politics, Culture, and Society. – 2012. – Vol. 25, № 1/3. – P. 72-73; Call C.T. Beyond the 'failed state': Toward conceptual alternatives // European Journal of International Relations. – 2011. – № 2. – P. 305–306; Nay O. Op. cit. P. 328-329; Cooley A., Snyder J. Op. cit. P. 88-90. О различных попытках создания индексов см. Коротаев А.В. и др. Системы глобального мониторинга рисков социально-политической дестабилизации: опыт систематического обзора // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков – М., 2018. С. 5–94.

¹⁵⁵ Nay O. Op. cit. Chojnacki S., Menzel A. State Failure and State Transformation // The Oxford Handbook of Transformations of the State. – Oxford: Oxford University Press, 2015. P.746-761; Dingli S. Is the failed state thesis analytically useful? The case of Yemen // Politics. – 2013. – №33 (2). – P. 91–100; Eriksen S.S. «State Failure» in Theory and Practice: The Idea of the State and the Contradictions of State Formation // Review of International Studies. – 2011. – №1. – P.229–247; Bøås M., Jennings K. «Failed States» and «State Failure»: Threats or Opportunities? // Globalizations. 2007. №4. P. 475-485 и др.

¹⁵⁶ Woodward S.L. Op. cit.

¹⁵⁷ См., напр.: Nay O. Op. cit.; Call Ch. T. The Fallacy of the «Failed State» // Third World Quarterly. – 2008. – № 8. – P. 1491–1507; Бартенев В. И. От «несостоявшихся государств» к «неустойчивым состояниям»: логика понятийной эквилибристики // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 2. – С. 26-41.

свойства является то, что нет конвенциональных пороговых значений, когда стабильно функционирующее государство становится несостоявшимся.

На основании всего вышесказанного мы считаем обоснованным отказ от использования данных концептов в дальнейшем рассмотрении.

Концепт государственной состоятельности: отход от веберовского понимания государства. Концепты несостоявшихся и хрупких государств создавались преимущественно для практических целей (в основном через индексы), в первую очередь для высшей администрации США и международных организаций, а потому задача разработки серьезного теоретического обоснования этих концептов была не первостепенной. Серьезное обоснование идея «несостоятельности» государства получила в рамках концепта государственной состоятельности (state capacity). Несмотря на то, что данный концепт не связан напрямую с теориями крушения государств, он поможет пролить свет на некоторые проблемные точки, указанные в предыдущем разделе.

Концепт государственной состоятельности имеет давнюю научную традицию и, соответственно, большое количество литературы, а потому рассмотрен здесь он будет кратко ¹⁵⁸. Первым, кто ввел понятие государственной состоятельности, был американский политолог Джон П. Неттл ¹⁵⁹. Он предложил рассматривать государство в двух измерениях: то, насколько государство способно подчинять других локальных властных акторов (территориальный аспект) и то, сколько функций оно готово выполнять (функциональный). Статья Неттла носила очень обобщенный, даже несколько философский характер, но сама идея была подхвачена множеством других исследователей. Несмотря на то, что этот концепт сейчас разрабатывается преимущественно в политологическом дискурсе, важный вклад в его развитие

¹⁵⁸ Подробные обзоры на русском языке см.: Мелешкина Е.Ю. Исследования государственной состоятельности: Какие уроки мы можем извлечь? // Политическая наука. 2011. № 2. С. 9–27; Мельвиль А. Ю., Ефимов Д. Б. «Демократический Левиафан»? Режимные изменения и государственная состоятельность - проблема взаимосвязи // Политическая наука. – 2016. – № 4. – С. 43-73.

¹⁵⁹ Nettl J.P. The state as a conceptual variable // World politics. 1968. Vol. 20. N 4. P. 559–592.

был внесен со стороны исторических социологов. Так, например, Майкл Манн¹⁶⁰ предложил анализировать государства сквозь призму понятий деспотической и инфраструктурной властей. Деспотическая означает возможность государственной элиты действовать не консультируясь с другими акторами (Манн их называет гражданским обществом), а инфраструктурная отчасти похожа на то, что описал Неттл – это степень проникновения государства «вглубь». Манн предлагает выделять четыре типа государств, исходя из низкой/высокой степени инфраструктурной и деспотической власти. На протяжении большей части исторического процесса доминировала деспотическая власть при слабой инфраструктурной, а в современном мире уже инфраструктурная при слабой деспотической. Такой подход Манна оказался очень влиятельным в последующем изучении государственной состоятельности¹⁶¹. Так, например, Ф. Фукуяма на примере современных США предложил разграничивать при анализе сферу (scope) и силу (strength) государства. Последнее понимается им как способность государства «планировать и осуществлять политику, а также обеспечивать соблюдение законов честно (cleanly) и прозрачно», что он называет институциональным аспектом государства¹⁶². Схожие идеи обнаруживаются и в индексе слабости (weakness) государств. В этом индексе слабыми государствами считаются те, которые в силу отсутствия возможностей или воли не могут обеспечить стабильный экономический рост, поддерживать подотчетные институты, контроль над насилием и обеспечение базовых потребностей населения¹⁶³.

¹⁶⁰ Mann M. The Autonomous Power of The State: Its Origins, Mechanisms, and Results // Archives of European Sociology. 1984. № 25. P. 185–213; Idem. The sources of social power, Vol.I. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

¹⁶¹ Berwick E., Fotini C. State Capacity Redux: Integrating Classical and Experimental Contributions to an Enduring Debate // Annual Review of Political Science. 2018. Vol. 21. P. 74; Fortin-Rittberger J. Exploring the relationship between infrastructural and coercive state capacity // Democratization. – 2014. – Vol. 21. – N 7. – P. 1244– 1264. Soifer H. State infrastructural power: approaches to conceptualization and measurement // Studies in comparative international development (SCID). – 2008. – Vol. 43. – № 3–4. P. 231–251.

¹⁶² Fukuyama F. State-building: Governance and world order in the 21 st century. – Ithaka: Cornell univ. press, 2004. P.7.

¹⁶³ Rice S. E. and Patrick S. Index of State Weakness In the Developing World. – Washington, D.C. : Brookings Institution, 2008. P.3.

Влиятельными в рассматриваемой области стали работы Чарльза Тилли, который показал, что становление современного типа государств крепко связано с развитием системы налогообложения, что и привело к появлению современного типа бюрократии¹⁶⁴. Скочпол, как представитель исторической социологии, стояла у истоков целого направления понимания того, что такое государственная состоятельность. В своей работе она писала, что стабильный административно-военный контроль над территорией, профессиональная и образованная бюрократия и изобилие (plentiful) материальных ресурсов являются основаниями (underpinnings) государственной состоятельности¹⁶⁵. В различных вариациях эти три параметра стали доминирующими в научной литературе. Уже упомянутый Фукуяма, разбирая вопрос о том, как измерить государственную способность, предложил наряду с фискальной учитывать и уровень образованности и профессионализации бюрократии¹⁶⁶. К. Хендрикс практически полностью вторит Скочпол: для него государственная состоятельность включает в себя военную, административно-бюрократическую способности, качество и взаимосвязанность политических институтов¹⁶⁷. Эти три параметра, которые условно можно обозначить как «фискально-экономический, административно-бюрократический и военно-принудительный»¹⁶⁸ остаются очень популярными в литературе и до настоящего времени¹⁶⁹.

Второе направление исследований было вдохновлено работами французского философа М. Фуко, в частности его идеей

¹⁶⁴ Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства: 990–1992 гг. – М. 2009.

¹⁶⁵ Skocpol, T. Bringing the State Back In: Strategies of Analysis in Current Research. // Evans, P., Rueschemeyer D., Skocpol T. Bringing the State Back In. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 16.

¹⁶⁶ Fukuyama F. What is Governance? Center for Global Development. Working Paper No. 314, 2013. P.7.

¹⁶⁷ Hendrix C.S. Measuring state capacity: theoretical and empirical implications for the study of civil conflict // Journal of peace research. 2010. Vol. 47. N 3. P. 273–285.

¹⁶⁸ Мельвиль А.Ю.; Ефимов Д.Б., указ. соч. С. 50.

¹⁶⁹ Hanson J.K., Sigman R. 2013. Leviathan's Latent Dimensions: Measuring State Capacity for Comparative Political Research. – APSA 2011 Annual Meeting; Ахременко А. С., Горельский И. Е., Мельвиль А. Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Теоретико-методологические основания//Полис. Политические исследования. 2019а. № 2. С. 8-23.

«правительственности» (governmentality)¹⁷⁰. В рамках этого подхода исследователи пытаются определять общую государственную способность через возможности и эффективность сбора информации о населении со стороны государства¹⁷¹. Так же в научной литературе предпринимаются попытки и совместить оба подхода: степень государственной способности измеряется через возможности управления материальными, человеческими и информационными ресурсами¹⁷².

Ключевым аспектом рассматриваемого концепта в рамках целей диссертации являются попытки измерить государственную состоятельность¹⁷³. Проблема заключается в том, что основная цель таких попыток – сравнение различных государств, а не выявление пороговых значений, когда можно четко говорить о том или ином состоянии государства. Однако при дальнейшей разработке таких индексов, когда появятся уже динамические ряды, возможно будет строить новые теории и искать эти пороговые значения.

Как показал беглый обзор, в отличие от двух предыдущих концептов (несостоявшихся и хрупких государств), концепт государственной состоятельности преодолевает узость веберовского понимания государства и пытается учитывать и другие параметры (бюрократию и налоговую функцию), что дает более комплексную картину для анализа политической динамики государства. Однако он пока натывается на эмпирические трудности, а сама идея крушения в его рамках не рассматривается. Но сами наработки в рамках концепта государственной состоятельности оказали непосредственное влияние на концепт государственного коллапса.

Коллапс государства. Еще одним значимым концептом, близким к дезинтеграции государства, является концепт коллапса (state collapse). Этому

¹⁷⁰ Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 уч. г. СПб.: Наука, 2011.

¹⁷¹ Lee M, Zhang N. Legibility and the informational foundations of state capacity// Politics. – 2016. – 79(1). – P.118–132.

¹⁷² Lindvall J, Teorell J. State capacity as power: a conceptual framework. STANCE Work. Pap. Ser. Dep. Political Sci., Lund Univ., Sweden, 2016.

¹⁷³ Idid.; Ахременко А. С., Горельский И. Е., Мельвиль А. Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Опыт эмпирического исследования//Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 49-68.

явлению посвящено множество работ, но всю литературу условно можно разделить на два больших блока – историческую и политологическую. Начнем с исторической, так долгое время термин «коллапс» употреблялся преимущественно относительно исторических случаев.

Американский археолог Колин Ренфрю в своей книге 1984 г. предложил четыре признака коллапса раннего государства (с конкретным перечнем археологических признаков): 1) коллапс центральной административной организации; 2) исчезновение традиционных правящих элит (elite class); 3) коллапс централизованной экономики; 4) падение численности населения¹⁷⁴. Как можно заметить, пункты 1 и 3 относятся к упрощению политической сложности, а так как идея увеличения/уменьшения сложности еще со времен Г. Спенсера в XIX веке довлела над теоретическим осмыслением прошлого среди историков, антропологов и археологов, то логично было ожидать появления более комплексной теории.

В 1988 г. Джозеф Теинтер дал наиболее известное и популярное определение коллапса: уменьшение уровня стратификации и социальной дифференциации, снижение экономической и профессиональной специализации, уменьшение централизованного контроля и организации, снижение уровня редистрибуции (распределения) ресурсов, потеря территории и др.¹⁷⁵. Многие последующие определения так или иначе исходят из определения Теинтера, то есть понимают коллапс как «быстрое (в течение нескольких поколений) снижение социально-политической сложности или гибель конкретной политической системы»¹⁷⁶, добавляя к этому иногда отказ от предшествующей идеологии¹⁷⁷ или, как и Ренфрю, сокращение численности

¹⁷⁴ Renfrew C. *Approaches to Social Archaeology*. – Cambridge, Massachusetts. Harvard University Press, 1984. P. 367-368.

¹⁷⁵ Tainter J. *The Collapse of Complex Societies*. – New York: Cambridge University Press, 1988. P.4.

¹⁷⁶ Faulseit R. K. *Collapse, Resilience, and Transformation in Complex Societies: Modeling Trends and Understanding Diversity // Beyond Collapse: Archaeological Perspectives on Resilience, Revitalization, and Transformation in Complex Societies*. – Southern Illinois University Press, 2015. P. 5.

¹⁷⁷ Schwartz G. M. *From Collapse to Regeneration // Schwartz G. M., Nichols J. J. (ed.). After Collapse: The Regeneration of Societies*. – Tucson: University of Arizona Press, 2006. P. 6.

населения¹⁷⁸. Другие же, помимо всего указанного, отмечают, что коллапс «не может быть остановлен или контролироваться посредством постепенного изменения поведения, распределения ресурсов или институциональных ценностей»¹⁷⁹.

Проблема исторического понимания коллапса заключается в том, коллапсировавшие государства ранее трансформировались в другие государства (из-за территориальной дезинтеграции, например) или же завоевывались другими государствами¹⁸⁰, а сейчас зачастую остаются в рамках тех же территорий (Сомали, Афганистан). И теперь, когда этих государств стало относительно много, благодаря их сохранению, то стало понятно, что государства, переживающие подобные социально-политические потрясения имеют разную политическую динамику (современные Сомали и Ирак, к примеру). Исходя из этого, а также из-за отсутствия каких-то систематических разработок инструментария для измерения социо-политического упадка со стороны историков, политическая наука движется независимо своим путем.

Несмотря на то, что политологи часто используют термин «коллапс», некоторые из них употребляют это слово практически как синоним к несостоявшемуся (failed) государству¹⁸¹, другие же, как крайнюю его форму¹⁸². Это свидетельствует о том, что разработчики концепций несостоявшихся государств, не ставя перед собой такой задачи, не предоставили четких критериев для разграничения состояний failed и collapsed¹⁸³, однако активно их использовали, внося дополнительную путаницу. К этому же направлению можно отнести невнятную попытку определить коллапсировавшее государство

¹⁷⁸ Даймонд Дж. Коллапс... С.9

¹⁷⁹ Young M. N. Group Report: Future Scenarios of Human–Environment Systems // Costanza R., et al., editors. Sustainability or Collapse?: An Integrated History and Future of People on Earth. – MIT Press, 2007. P. 450. Критический обзор этих и других определений см.: Middleton G. D. Nothing lasts forever: environmental discourses on the collapse of past societies// Journal of Archaeological Research. – 2010. – № 20 (3). – P. 257–307; Ibid. Understanding Collapse: Ancient History and Modern Myths. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

¹⁸⁰ Ottaway M. Rebuilding State Institutions in Collapsed States // Milliken J.(ed.) State Failure, Collapse and Reconstruction. – Oxford: Blackwell, 2003. – P.245–266.

¹⁸¹ Englehart N. A. Governments against States: The Logic of Self-Destructive Despotism // International Political Science Review. – 2008. – Vol. 28. №. 2. – P.133-153; Cooley A., Snyder J. Op. cit. P 87.

¹⁸² Rotberg R. I. Op. cit. P.9; Chojnacki S., Menzel A. Op. cit. 746.

¹⁸³ Milliken J., Krause K. State Failure, State Collapse, and State Reconstruction: Concepts, Lessons and Strategies // Development and Change. – 2002. – №33. – P.765.

как то, которое имеет международное признание как политическое целое, но, по факту, не имеет внутри никакой эффективной власти, контролирующей данную территорию¹⁸⁴.

Другое направление политологической мысли старалось дистанцироваться от зашедшего в тупик концепта несостоявшегося государства и предложить свои критерии. Нельзя сказать, что их попытки увенчались однозначным успехом, но важно констатировать, что в этих попытках, как и в разработке концепта государственной состоятельности, отчетливо прослеживается стремление преодолеть узость веберовского понимания государства.

Некоторые политологи, разрабатывая концепт коллапса, предлагают отталкиваться от крайних случаев, что позволяет давать минималистские определения.

Одним из главных таких минималистских определений того, что такое коллапс государства, было предложено в 1995 г. Уильямом Зартманом. Он предложил трактовать государственный коллапс как невозможность государством выполнять свои государственные функции. К таким функциям он относил суверенную власть (как «признаваемый (accepted) источник идентичности и политическую арену»), принятие решений и обеспечение безопасности¹⁸⁵. Такое понимание иногда используется и сейчас без каких-либо оговорок¹⁸⁶.

Чарльз Колл, как один из критиков концепта рухнувшего государства (см. выше), предложил четкий идентификатор коллапса как прекращение существования государственного аппарата более чем на полгода. При этом он подчеркивает, что речь идет не об отдельных министерствах, военном положении или потере контроля над частью территории, а о полном

¹⁸⁴ Ottaway M. Op. cit.

¹⁸⁵ Zartman, I. W., ed. *Collapsed States: The Disintegration and Restoration of Legitimate Authority*. – Boulder: Lynne Rienner. 1995. P.5.

¹⁸⁶ Doornbos M., *Failing States or Failing Models?: Accounting for the Incidence of State Collapse*. The Other Canon Foundation and Tallinn University of Technology Working Papers in Technology Governance and Economic Dynamics 27, TUT Ragnar Nurkse Department of Innovation and Governance, 2010. P.3.

прекращении осуществления функций¹⁸⁷. Проблема заключается в том, что и распад СССР и современный Афганистан подходят под этот критерий (о чем Колл сам говорит), однако кажется странным включать в одну и ту же категорию случай мирного перехода функций от одного государственного аппарата к другим (СССР) и полную недееспособность государственного аппарата, от которого официально не отказывались (Афганистан).

Д. Алфелдер предложил рассматривать коллапс как дезинтеграцию, в условиях которой государство неспособно организовать порядок как минимум на половине своей территории в течение 30 дней при условии 1) когда восставшие эффективно контролируют часть территории 2) на территории вообще отсутствует соблюдение закона 3) оба варианта¹⁸⁸. К этому же определению применимы те же критические аргументы, что и к предложенному Коллом.

Наиболее значимой, на наш взгляд, является попытка группы авторов¹⁸⁹ не только дать определение коллапса, но и разработать четкие индикаторы, фиксирующие его, основываясь на разработках концепта государственной состоятельности. Они предлагают три параметра для фиксации:

прекращение работы органов права (rule making), например, прекращение работы верховного суда, бегство правительства или парламента,

потеря контроля над средствами насилия. Например, роспуск сил безопасности или отсутствие контроля за столицей.

крах налоговой системы. Например, отсутствие утвержденного бюджета, прекращение работы центрального банка.

Несмотря на то, что авторы отказываются включать в список коллапсировавших государств СССР и Югославию, так как крушение этих стран не соответствовало как минимум одному критерию, такое понимание

¹⁸⁷ Call Ch. T. The Fallacy... P. 1501

¹⁸⁸ Ulfelder J. «State Failure» has Failed. How About Giving «State Collapse» a Whirl? – 2012. URL: <https://dartthrowingchimp.wordpress.com/2012/07/05/state-failure-has-failed-how-about-giving-state-collapse-a-whirl> (Дата обращения: 10.10. 2020)

¹⁸⁹ Lambach D., Johais E., Bayer M. Conceptualising state collapse...

коллапса выглядит перспективным. Однако остается нерешенным тогда вопрос – если распад Югославии не был коллапсом государства, а, например, кризис в Боснии и Герцеговине 1992 г. был, то что тогда пережила эта страна в 1991 г.? Ответ на этот вопрос был предложен социологами.

Государственный брейкдаун (state breakdown). Концепт государственного брейкдауна является менее дискуссионным, так как значительно реже употребляется в литературе. Часто понятие breakdown (без state) в политологическом контексте употребляется как синоним режимному изменению¹⁹⁰, что не будет рассматриваться в данной работе.

По-видимому, первым термин «state breakdown» ввел упоминавшийся ранее макросоциолог Голдстоун в 1991 г. в своей книге «Революция и восстание в раннем современном мире». Сначала он дает свое понимание того, что такое государство. По Голдстоуну государство – это «централизованные на национальном уровне институты принятия и исполнения решений, включая тех, кто контролирует эти институты, действуя в рамках официальных полномочий.»¹⁹¹ Исходя из такого понимания, он дает определение государственного брейкдауна (state breakdown) – это «любое событие, которое включает кризис центральной власти, мятеж элит, массовые восстания и широкое распространение насилия или гражданскую войну.»¹⁹²

Другой известный социолог Коллинз несколько изменил такое понимание и отказался от критерия массового насилия, заменив его просто на массовую мобилизацию. Так же он формализовал концепт государственного брейкдауна в виде трех пунктов:

- 1) Структурный кризис государства, зачастую выраженный в виде фискального кризиса (который часто является следствием поражения в войне),
- 2) Разобщенность (deadlock) элит в отношении дальнейших действий,

¹⁹⁰ Pepinsky, T. Economic Crises and the Breakdown of Authoritarian Regimes: Indonesia and Malaysia in Comparative Perspective. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009; Lehoucq, F., Pérez-Liñán, A. Breaking Out of the Coup Trap: Political Competition and Military Coups in Latin America// Comparative Political Studies. – 2014. – №47(8). – P. 1105–1129; Geddes B., Wright J., Frantz E. How dictatorships work: power, personalization, and collapse. – Cambridge University Press, 2018 и др.

¹⁹¹ Goldstone J.A. Revolution and Rebellion ... P.4

¹⁹² Ibid. P.12

3) Массовая мобилизация снизу¹⁹³.

Начать рассмотрение признаков стоит с базовых и общих для всех серьезных политических кризисов, критериев. Как было сказано ранее, такой список был предложен Голдстоуном:

- 1) фискальный кризис,
- 2) конфликт элит,
- 3) массовые восстания.

В рамках четвертого поколения теории революций фискальное благополучие государства (State Fiscal Distress) определяется формулой:

$$SFD = \frac{Y}{G} D$$

Где Y – общий долг государства, G – ВВП, а D отображает степень недоверия граждан¹⁹⁴. Однако фискальный кризис проявляет себя не только в государственном долге, но и, например, в несбалансированности бюджета или неэффективности его менеджмента. Главный признак фискального кризиса заключается в том, что государство или существенно ограничивает выплаты бенефициарам режима или же вовсе отказывается от таковых обязательств.

Если факт фискального кризиса не вызывает проблем с идентификацией, то как определить второй признак – разобщенность элит? Ведь, допустим, демократическая система так же предполагает соревновательный элемент среди элит(ы), а потому нужны четкие критерии, которые позволят отличить разобщенность (конфликт) элит и их соперничество.

В некоторых исследованиях для оценки возможности конфликта элит используется оценка потенциала их мобилизации (the elite mobilization potential, EMP), которая описывается формулой:

$$EMP = \varepsilon^{-1} \frac{E}{sN}$$

где « ε^{-1} означает обратный относительный доход элит (средний доход элит относительно ВВП на душу населения), E – численность элиты и означает

¹⁹³ Collins R. Explaining the anti-Soviet revolution ... P. 578.

¹⁹⁴ Turchin P. Modeling Social Pressures Toward Political Instability // Cliodynamics. – 2013. – № 4 (2). – P.247

количество государственных служащих относительно численности населения.»¹⁹⁵

Обратный относительный доход элиты высчитывается через соотнесение с относительной заработной платой. Относительная заработная плата – это процент реальной заработной платы относительно ВВП на душу населения. Считается, что «излишек», остающийся от ВВП на душу населения после вычета реальной заработной платы и есть та часть, которая является доходом элиты.

Но уменьшение благосостояния среди элит не ведет к конфликту, части недовольных нужна самоорганизация для борьбы. Части элит для собственной организации и противопоставления другим группам элит нужен дискурс, который будет не только выполнять функцию объединения, но и будет основанием для дальнейших конкретных действий. Отсюда следует, что часть противостоящей элиты будет пытаться создавать (или реализовывать) собственные, иные основания для изъятия ресурсов и иметь собственную организацию. Данная позиция уже была проанализирована в современном политологическом дискурсе и имеет название «множественный суверенитет». Это понятие характеризует состояние, когда часть элиты объявляет себя истинным правительством, собирающим налоги, имеющим символы власти и т.д.¹⁹⁶ Такое состояние, выразилось, например, в противостоянии сторонников созыва учредительного собрания и большевиков, приведшее к гражданской войне или в противостоянии союзного правительства и РСФСР в 1990-1991 гг. Стоит отметить, что не обязательно такое противостояние должно носить идеологически противоположный характер, иногда сам факт отказа признания законных правителей свидетельствует если и не об отказе от предшествующего легитимизирующего дискурса, то, как минимум, о его игнорировании. Еще одни хорошо идентифицируемым признаком наличия множественного

¹⁹⁵ Turchin P. Modeling Social... P. 247.

¹⁹⁶ Tilly C. From mobilization to revolution. – Addison Wesley, 1978. P.190-193

суверенитета является наличие вооруженных сил, неподконтрольных государственной власти, но претендующих на выражение ее интересов.

Потенциал массовой мобилизации (Mass Mobilization Potential, MMP) оценивается по формуле:

$$MMP = w^{-1} \frac{N_{urb}}{N} A_{20-29}$$

где относительная заработная плата, N – общее количество населения, – доля городского населения, – пропорция людей в возрасте от 20 до 29 лет¹⁹⁷.

Проблема этих критериев в том, что они не покрывают собой дезинтеграцию государства, а свидетельствуют только лишь о серьезной политической дестабилизации. Так, в качестве примеров государственных брейкдаунов, рассмотренных Голдстоуном, попадают как мятеж элит (фронда во Франции), гражданская война (в Англии в середине XVII в.), так и революция (Франция, 1789 г.).

Однако ввиду того, что эти критерии очень хорошо формализованы и они являются базовыми для любой серьезной политической дестабилизации, то они могут использоваться как отправная точка для выявления признаков дезинтеграции государства.

Теперь, выполнив первый шаг концептуализации, т.е. разграничение с другими схожими терминами, стоит перейти к характеристике признаков дезинтеграции государства.

Исходя из ранее обоснованного понимания государства и трех проанализированных признаков государственного брейкдауна, можно сформулировать признаки дезинтеграции государства. Так как государство (как и любая другая форма социальной организации) может существовать только при условии наличия легитимизирующего дискурса (самоописания), то первым важным признаком дезинтеграции государства становится отказ от этого дискурса. Важно отметить, что дискурс может меняться не так радикально, как

¹⁹⁷ Turchin P. Modeling Social ... P. 246.

это было при распаде СССР или Югославии, но и менее заметно на первый взгляд, как это произошло в Украине после февраля 2014 г.

Для того чтобы новый оппозиционный дискурс был воспринят, нужны следующие условия: 1) в элитах не должно быть консенсуса, в противном случае они смогут пресечь попытки сделать такой дискурс популярным; 2) этот новый дискурс должен быть либо выражен одной из уже существующих групп элит, либо поддержан ей¹⁹⁸. Еще одно важное следствие конфликта элита связано с территориальностью. Часть противостоящей элиты, претендующая на легитимность и имеющая свой дискурс, будет стремиться, как уже говорилось ранее, к собственной организации, следствием чего является приобретение контроля над какой-либо территорией в рамках существующих границ государства, в котором этот конфликт элит и происходит. Такой контроль может в конкретных случаях проявляться различно – будь то отсоединение, присоединение к другому государству, непризнание существующих властей и т.д. Именно по этой причине территориальность, несмотря на критические замечания некоторых авторов, зачастую оказывается важной переменной при оценке политической динамики.

Недовольство существующими порядками как среди части элиты, так и среди населения будет со всей очевидностью вызвано неэффективностью государственного управления в самом широком смысле этого слова. Ведь если государство будет эффективным, то оно сможет предотвратить намечающийся конфликт элит, так и население не будет видеть причин, чтобы поддерживать одну из противостоящих группировок. Одним из самых надежных критериев неэффективности государства является фискальный кризис, следствием которого становится необходимость поиска дополнительных ресурсов как

¹⁹⁸См., напр.: Foran J. Discourses and Social Forces: The Role of Culture and Cultural Studies in Understanding Revolutions // Foran J. ed. *Theorizing Revolutions: Disciplines, Approaches*. – London: Routledge, 1997. P. 197-220; Edwards B., McCarthy J.D. Resources and social movement mobilization // Snow D.A., Soule S.A., Kriese H. (eds). *The Blackwell Companion to Social Movements*. – Malden, Blackwell. MA. 2004. P. 116–152; Lachmann R. *Agents of Revolution...*

внутри страны (что вызывает обнищание и недовольство¹⁹⁹ населения), так и за ее пределами (что практически всегда означает смену вектора внутренней и/или внешней политики). Для того чтобы элиты смогли совершить изменения существующих порядков, а не просто переворот, необходима массовая мобилизация населения. Такая мобилизация может выражаться в различных формах, будь то восстания, бунты или же мирные демонстрации, или даже принимать институциональные формы (например, Съезд народных депутатов в СССР).

Подводя итог второму этапу концептуализации, можно сказать, что характеризующими признаками дезинтеграции государства являются:

- 1) отказ от предшествующей идеологии (смена самоописания)
- 2) конфликт элит
- 3) территориальный распад
- 4) фискальный кризис
- 5) массовые восстания.

Как видно, все эти признаки являются не какими-то константами, сущностями и т.п., а формой отношений – отказа от самоописания, отказа от сотрудничества между группами элит, потеря контроля над территорией, невозможность финансовому блоку выполнять свои обязательства перед бенефициарами и мобилизация населения по отношению к правящему аппарату.

Исходя из пяти выведенных признаков становится очевидным, чем дезинтеграция отличается от других схожих явлений – смены режима, революции, крушения и коллапса государства. Если представить все эти явления на одной линии, то смена режима будет в самом левом углу, так как она включает в себя только смену самоописания, революция же включает в себя четыре признака (кроме территориальной дезинтеграции). Такие случаи как падение Французской колониальной империи или Португальской

¹⁹⁹ Davies J. Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review. – 1962. – №27. – P. 5–19; Goldstone J. Revolution and Rebellion...; Turchin P. Modeling Social Pressures...

колониальных империй также не будут включать в себя какой-то из признаков (в первом случае не было фискального кризиса, а во втором – конфликта элит). Крушение и коллапс государства окажутся справа от дезинтеграции государства, так как будут включать в себя дополнительные факторы.

Так, в диссертации отмечается, что события в Украине 2014 г. можно трактовать как дезинтеграцию государства, так как все пять рассмотренных признаков там присутствовали (см. ниже). Типологически схожими с украинскими оказываются события, например, в Эфиопии 1991-1993 гг., когда там пал коммунистический режим (смена «идеологии»), отсоединилась Эритрея (территориальная дезинтеграция), что сопровождалось стычками с повстанцами внутри страны (массовая мобилизация и конфликт элит) на фоне практически полного краха финансовой системы. Несмотря на то, что эти события сильно отличаются по своим проявлениям, по количеству жертв, падению уровня жизни и т.д., их объединяет структурная схожесть, разница лишь количественная, а не качественная. С другой стороны, все эти пять признаков наблюдаются и при распаде СССР или Югославии, однако очевидно, что сопоставление украинской дезинтеграции государства и распада СССР как однотипных явлений может вызвать споры. Немецкий политолог и социолог Клаус Оффе полагает, что после падения советского блока, его государства столкнулись с беспрецедентной «дилеммой одновременности», когда предстояло решить территориальные проблемы и заново вписаться в существующую систему государств, создать новые политические институты и новую экономическую систему²⁰⁰. Последние два пункта не являются чем-то уникальным с точки зрения истории, например, Великая Французская или Октябрьская революции также сопровождалась созданием новых политических институтов и созданием новой экономической системы. Не будет преувеличением сказать, что сейчас создание новой экономической системы в отдельной стране вряд ли является востребованным (за исключением

²⁰⁰ Offe C. Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe // Social Research. – 1991. – Vol. 58. №4. – P. 865–892.

оставшихся стран социалистической ориентации), а смена политических институтов слишком распространенное явление, чтобы выделять его как критерий. Остается первая «дилемма» – вписывание себя в новый мировой порядок. Именно то, что СССР и Югославия перестали существовать как субъекты международного права, и отличает эти случаи от случаев Украины 2014 г. и Эфиопии 1991-1993 гг. Поэтому предлагается считать крушение государства как его дезинтеграцию с исчезновением (трансформацией) политики в рамках международной системы. Но тогда остается вопрос – куда вписываются Сомали и Афганистан, переживающие практически полное отсутствие власти на протяжении длительного времени, но остающиеся теми же самыми государствами для международного сообщества? Здесь возможно использовать наработки исследований государственной состоятельности и государственного коллапса (см. гл. 1.3.). Например, использование показателей фискальных, административных и военно-принудительных способностей при факте их радикального падения, вкупе с наличием условий дезинтеграции государства может помочь выделить определенный класс государств. Пороговые значения для оценки «радикальности» изменений этих способностей еще предстоит выявить, когда будут получены динамические ряды государственной состоятельности разных стран мира (см. выше). Также можно использовать те четкие критерии коллапса, которые уже существуют в литературе и потому определять такой подтип дезинтеграции как коллапс.

Важно отметить, что, несмотря на разную интенсивность политической дестабилизации, крушение и коллапс государств объединяет одно: все они начинаются с государственной дезинтеграции. Следовательно, если цель — понять закономерности этой начальной фазы (которая служит точкой отсчета для всех типов крушения), то вполне обоснованно рассматривать случаи коллапса, как в Югославии или Сомали, наравне со случаями «простой» дезинтеграции. Причины же различных последствий (коллапс, восстановление или исчезновение с международной арены) является темой отдельного исследования.

Третьим шагом концептуализации является формализация пяти приведенных критериев с учетом как наличия обязательных явлений, так и совокупности нескольких, которые будут представлять собой развертывание данного списка. Наиболее полно существующие базы данных представляют государства, начиная с 2000 г. Потому начнем с этого периода.

Polity V позволяет с большой долей вероятности фиксировать смену самоописания и фискальный кризис через индикатор 4.6 (Interim) со значениями – 77 и – 88 (переходный период и коллапс центральной власти).

Территориальная дезинтеграция фиксируется через индикатор 1.7 (фрагментация) с любым значением ≥ 1 (макс. 3).

CNTS дает возможность фиксировать фискальный кризис, конфликт элит и массовые восстания через следующие параметры:

Индикатор domestic4 (Кризис правительства) ≥ 1 (то есть больше одного случая за год, когда существование режима находится под угрозой).

Индикатор domestic7 (революция) ≥ 1 . Важно подчеркнуть, что создатели этой базы данных определяют революцию достаточно широко и в нее попадают также и перевороты и попытки таковых и другие подобные события²⁰¹. Эти два показателя в своей совокупности свидетельствуют не только о фискальном кризисе, но и о конфликте элит.

Индикатор domestic6 (массовые беспорядки) и/ или domestic3 (партизанская война) ≥ 1

Индикатор Polit04 (значимые изменения в конституции) ≥ 1 . Как и при анализе других периодов, здесь учитываются такие изменения в течение трех лет до и после года, фиксируемого в базах данных по другим критериями. Этот индикатор может служить косвенным свидетельством смены самоописания.

Для периода до 2000 г. показатель территориальной дезинтеграции, представленный в Polity V отсутствует, потому в качестве его замены используется БД «Territorial changes» проекта The Correlates of war.

²⁰¹ Wilson K. Cross-National Time-Series Data Archive: User's Manual. Jerusalem: Databanks International, 2018. P. 13.

Еще одним источником рассмотрения случаев крушения государства является список «failed states и collapsed states» Р. Ротберга²⁰².

На основании проведенной концептуализации был составлен список государств, которые можно рассматривать как пережившие дезинтеграцию (в хронологическом и алфавитном порядке):

Пакистан 1971 г.

Сомали 1991 г.

СССР 1991 г.

Эфиопия 1991-1993 гг.

Югославия 1991 г.

Афганистан 2001 г.

Ирак 2003 г.

Йемен 2011 – 2015 гг.

Ливия 2011-2014 гг.

Украина 2014 г.

Возможно, данный список является не исчерпывающим, однако использование баз данных позволяет нивелировать волюнтаризм исследователя и дает основание утверждать, что эти государства определенно пережили государственную дезинтеграцию²⁰³.

При рассмотрении конкретных случаев дезинтеграции обращает на себя внимание тот факт, что случаи Афганистана и Ирака несколько выбиваются, так как они пережили интервенцию. Ученым уже давно известно, что навязанные извне режимные изменения (Foreign Imposed Regime Change, FIRC) приводят к возникновению гражданских войн²⁰⁴. Соответственно, возникает закономерный вопрос – можно ли эти случаи ставить в один ряд с другими? С одной стороны, невозможно утверждать, что без интервенции эти государства

²⁰² Rotber R. Op. cit.

²⁰³ В данном списке отсутствуют некоторые интуитивно ожидаемые государства, такие, например, как Афганистан, Судан или же Ливия. Однако рассматривая либо конкретные условия, в которых произошла политическая дестабилизация в этих государствах или же государственные институты, становится очевидным, что эти государства не попадают под какой-либо конкретный критерий.

²⁰⁴ Peic G., Reiter D. Foreign-Imposed Regime Change, State Power and Civil War Onset, 1920–2004 // British Journal of Political Science, 2011. – № 41(3). – P. 453-475.

пережили бы дезинтеграцию, а с другой, оба случая вписываются в «геополитическую» трактовку. Потому допустимо принять такое объяснение: несмотря на то, что ключевой причиной-триггером (см. введение) была интервенция, но факторы дезинтеграции присутствовали и до введения иностранных войск. Более того, как будет показано в третьей главе, структурные причины раскола элит в обоих случаях совпадают с предсказанными моделью. Потому, не претендуя на универсальность, можно говорить, что причины-триггеры конкретно в случае Афганистана и Ирака могут быть вынесены за скобки, но ввиду того, что интервенция в любом случае значительно увеличивает риски дезинтеграции, эти два случая стоит выделять как отдельный подкласс.

Факторы дезинтеграции государств. Подводя итог всему ранее сказанному, опираясь на выведенные признаки, возможно очертить иные, кроме раскола элит, потенциальные ключевые факторы, которые приводят дестабилизации отношений между элементами ассамбляжа и к дезинтеграции государства:

- К отказу от существующего самоописания как минимум и, как максимум, к созданию нового приводит делегитимация власти. Помимо делегитимации, необходим так же альтернативный дискурс, который, как минимум, призывает отказаться от существующего самоописания, и, как максимум, предлагает новое самоописание (см. подробнее гл.3. параграф 1).
- Неэффективность экономического менеджмента, несбалансированность бюджета увеличивают риски возникновения фискального кризиса.
- Недовольство населения может вести к массовой мобилизации.
- Этническая неоднородность, автономия по национальному признаку и реальное или мнимое притеснение групп населения, проживающих на определенной территории в перспективе может привести к территориальной дезинтеграции. Связным фактором является наличие каких-то автономных ресурсов, позволяющих этим группам населения сопротивляться решениям центральных властей.

Все это можно представить в виде таблицы (Таблица 1).

Таблица 1. Соотношение факторов и признаков дезинтеграции государства

Факторы государства	Признаки государства
Делегитимация власти, наличие политической альтернативы	Смена самоописания
Неэффективность экономического менеджмента, несбалансированность бюджета	Фискальный кризис
Недовольство населения	Массовая мобилизация
Этническая неоднородность, автономия по национальному признаку и реальное или мнимое притеснение групп населения, проживающих на определенной территории	Территориальная дезинтеграция
Раскол элит	Конфликт элит

Таким образом, в данном параграфе на основании государства как ассамблея в рамках плоских онтологий были выведены критерии дезинтеграции государства, как общие, так и достаточно формализованные, а так же отличия этого явления от других и схожих.

Дезинтеграция государства идентифицируется при наличии:

- фискального кризиса,
- раскола элит,
- массовой мобилизации,
- отказа от предшествующей идеологии (смене самоописания)
- территориального распада.

В конце были определены ключевые факторы, которые могут актуализировать эти признаки.

Глава 2. Тестирование первоначальной гипотезы на двух случаях дезинтеграции государств методом кейс-стади: Украина 2014 г. и СССР 1991 г.

2.1. Структурно-демографические причины-вызовы раскола как фактора дезинтеграции государства: Украина 2014 г.

Как было сказано во введении, прежде чем изучать структурные причины раскола элит как важнейшего фактора дезинтеграции государства, необходимо провести case study для проверки роли других факторов и для построения общей модели. В качестве тестирования структурно-демографических причин-вызовов был выбран кейс дезинтеграция украинского государства, так как этот случай хорошо задокументирован и имеет большое количество источников для исследования.

Анализ украинских событий, произошедших в конце 2013 – начале 2014 гг., получил широкое распространение как в отечественной, так и зарубежной научной среде. Значимость того, что произошло в Украине не вызывает сомнений, так как данные события способствовали значительному усилению геополитического соперничества между Россией и странами Запада.

Литературу, посвященную истокам и причинам украинского кризиса 2014 г., условно можно разделить на две большие ветви. Первая ищет основные истоки Евромайдана в геополитическом соперничестве Европы и России, а основные причины в глубоком расколе общества, выразившемся в прозападных и пророссийских ориентациях людей, проживающих в разных регионах. Эта точка зрения возобладали так же и в западных СМИ²⁰⁵. К этому же направлению можно отнести авторов, дающих краткий обзор внутренних причин кризиса, но делающие акцент, в итоге, на внешних причинах²⁰⁶.

²⁰⁵ Surzhko-Harned L., Zahuranec A. J. Framing the revolution: the role of social media in Ukraine's Euromaidan movement // Nationalities Papers. – 2017. – № 45 (5). – P. 760; Fengler S., M. Kreutler M. Alku B. Barlovac M. Bastian S. S., Bodrunova J., Brinkmann, et al. The Ukraine Conflict and the European Media: A Comparative Study of Newspapers in 13 European Countries // Journalism. 2018. № 21 (3). P. 399–422.

²⁰⁶ Kuzio T. Ukraine: Democratization, Corruption, and the New Russian Imperialism. – Santa Barbara: Praeger, 2015. P.104; Plekhanov S. Assisted Suicide: Internal and External Causes of the Ukrainian Crisis // The Return of the Cold War: Ukraine, The West and Russia. – L.: Routledge, 2014. P. 3-25; The crisis in Ukraine: root causes and scenarios for the future. Valdai Discussion Club Report. – M., 2014.

Второе направление исследований пытается найти внутренние факторы, приведшие к кризису, и показать, что внешние были вторичны и недостаточны²⁰⁷. По мнению авторов этого направления, основными причинами революции были несбалансированная политическая система, неэффективное управление и унаследованный национальный раскол²⁰⁸, но при обсуждении непосредственных причин кризиса авторы дают противоречивые оценки. Так, одни исследователи настаивают на том, что причинами массовых протестов были плохое состояние экономики и бедность²⁰⁹, другие же склонны отрицать эти факторы²¹⁰. Таким образом, несмотря на большое количество литературы, посвященной событиям 2013 – 2014 гг. в Украине, наблюдаются некоторые значимые расхождения.

Так же, практически отсутствуют попытки проследить те закономерности внутренней политической динамики, которые сделали возможной политическую дестабилизацию в стране. Зачастую рассмотрение украинских событий происходит вне рамок теоретических построений²¹¹, что приводит к переоценке одних факторов и недооценке других. Сама теория помогает не только упорядочить многообразие эмпирического материала, но и более обоснованно утверждать, что выявленные факторы являются более значимыми, чем все прочие.

В данном параграфе будут проанализированы факторы, свидетельствующие о государственной дезинтеграции Украины, а также ключевые причины и механизмы этого процесса.

²⁰⁷ См., напр.: Khmelko I., Pereguda Y. Anatomy of Mass Protests: The Orange Revolution and Euromaidan Compared // *Communist and Post-Communist Studies*. – 2014. – №2. – P. 227-236; Surzhko-Harned L., Zahuranec A. J. Framing the revolution...

²⁰⁸ Khmelko I., Pereguda Y. Anatomy of Mass Protests...; Minakov M. Republic of Clans: The Evolution of the Ukrainian Political System // *Stubborn Structures: Study in Reconceptualizing Post-Communist Regimes*. – NY, Budapest: Central European University Press, 2018. P.217-246; Way L. Pluralism by Default: Weak Autocrats and the Rise of Competitive Politics. – Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2018.

²⁰⁹ Wojcun M. Origins of the Ukrainian Crisis // *Critique*. – 2015. – №43 (3-4). – P. 402; Surzhko-Harned L., Zahuranec A. J. Framing the revolution... P. 768.

²¹⁰ The crisis in Ukraine...; Plekhanov S. Op. cit.

²¹¹ В числе исключений см.: Hale H. *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015; Мацієвський Ю. В. У пастці гібридності: зигзаги трансформацій політичного режиму в Україні (1991-2014). – Чернівці : Книги – XXI, 2016.

Прежде чем переходить к анализу ключевых факторов дезинтеграции, кратко остановимся на смене самоописания системы.

Так, если ранее украинская политика строилась на лавировании между двумя полюсами – российским и западным, то сейчас доминирует только одно направление. Более того, если еще в инаугурационной речи П. А. Порошенко слова с морфемой «европ» встречались 17 раз против 8 «безопасность» и 5 «Росс», то после относительной стабилизации ситуации картина сильно изменилась. Так, в 2016 г. в политическом медиадискурсе Украины доминирующими словами стали – «Россия, полиция, власть», а слова «Европейский союз» и «реформы» не вошли даже в первую десятку по частоте упоминаний²¹². Получается, что вместо того, чтобы развиваться в сторону европейских стандартов, Украина культивирует противопоставление себя с Россией, а ценности Европы отошли на задний план. Все это приводит к тому, что реформы пробуксовывают, а самописание политической системы Украины далеко от того, что было прежде. Можно возразить, что нечто подобное страна переживала в период президентства В. А. Ющенко, но тогда это было сменой курса страны, а не капитальной перестройкой всего социально-политического ландшафта страны. Во-вторых, не было других значимых факторов, приводящих к дезинтеграции.

Территориальный раскол страны стал следствием резкой смены самоописания, особенно проявившегося в националистических лозунгах, исходящих из Киева, хотя структурные причины зрели давно (см. раздел о расколотости украинского общества), но именно смена самоописания запустила процессы территориальной дезинтеграции.

Несмотря на то, что смена самоописания и территориальный раскол являются факторами государственной дезинтеграции, они суть следствие (пусть и не необходимое и актуальное только в данном случае) трех других:

²¹² Политический дискурс по-украински, или о чем говорят лидеры рейтингов? – 2016 // Marketing Media Review URL:http://mmr.ua/show/politicheskiy_diskurs_po-ukrainski_ili_o_chem_govoryat_lidery_reytingov#2001647355.1535973633 (Дата обращения: 10.10. 2020)

фискального кризиса, конфликта элит и массовой мобилизации. Анализу причин и факторов этих трех признаков и будет посвящен данный параграф.

Риски фискального кризиса. Тестирование гипотезы о том, что Украина пережила государственную дезинтеграцию стоит начать с измерения фискального благополучия государства.

Как было сказано ранее, в структурно-демографической теории (далее СДТ) фискальное благополучие государства (State Fiscal Distress, SFD) определяется формулой:

$$SFD = \frac{Y}{G} D$$

Где Y – общий долг государства, G – ВВП, а D отображает степень недоверия граждан²¹³. Эта формула означает, что сила государства определяется не только экономическими показателями, но и восприятием его населением, так как непопулярное государство будет ограничено в своих действиях. Пока опустим проблему доверия населения власти и обратимся к анализу украинского бюджета. Как показывает официальная статистика, государственный (а не валовой) долг Украины растет постоянно, но не сильно увеличивался по отношению к ВВП: с 34,7% в 2009 г. до 40,1% в 2013 г.²¹⁴ Цифра, конечно же, не маленькая, но в сравнении с другими странами не является столь критичной. Однако другим важным свидетельством может служить тот факт, что к концу правления В.Ф. Януковича золотовалютные запасы значительно сократились, опустившись до уровня 2005 года²¹⁵. Истоки фискального кризиса стоит искать, в первую очередь, в сфере эффективности бюджетного менеджмента.

²¹³ Turchin P. Modeling Social... P. 247.

²¹⁴ Минфин Ставки, индексы, тарифы // Финансовый портал Минфин. URL: <http://index.minfin.com.ua> (Дата посещения: 10.10.2020).

²¹⁵ Цирель С. К истокам украинских революционных событий 2013-14 гг. // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Украинский разлом. – М.: Учитель, 2015 С. 76.

Существуют разные подходы к анализу эффективности государственного бюджета²¹⁶ и все они, так или иначе, свидетельствуют о провале финансовой политики как в регионах, так и в целом по стране. Как известно, Украина испытывала постоянный дефицит бюджета²¹⁷ и при этом аудит, проводимый счетной палатой, ежегодно обнаруживал неэффективное расходование средств. Несмотря на исключение в 2011 г. одной из интереснейших частей аудита, которая наиболее полно свидетельствовала об уровне коррупции, можно посмотреть на процент остальных неэффективных расходов от суммы дефицита (рис.1)

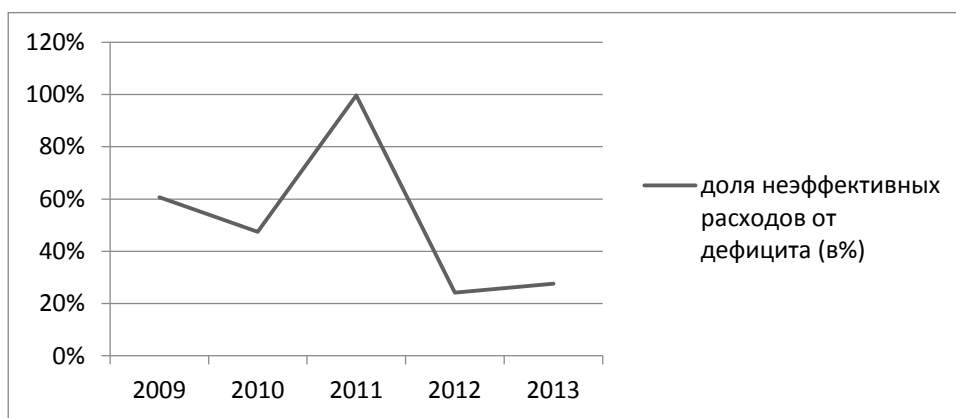

Рис. 1. Доля неэффективных расходов от дефицита. Расчет. по: Звіт Рахункової палати України за 2009-2013 рік. – Київ. 2010-2014.

Данные показывают, что в 2012-2013 гг. четверть дефицита могла быть покрыта за счет неэффективно расходованных средств, а в 2011 г. размер дефицита и нерациональных трат вообще совпадают. Таким образом, даже беглый анализ показывает, что бюджет Украины был далек от того, чтобы называться эффективным, не говоря уже о нарушениях на региональном уровне²¹⁸.

Так же известно, что социальные расходы государства были значительными, а в период правления Януковича для покрытия этих расходов использовался золотовалютный резерв, который сильно сократился к концу

²¹⁶ см., напр.: Радионов Ю. Д. Оценка эффективности государственных расходов // Экономика Украины. 2013. № 12. С. 76-87. Его же. Основные виды и суть бюджетных нарушений // Экономика Украины. – 2012. – № 8. – С. 55-63.

²¹⁷ Минфин...

²¹⁸ Радионов Ю. Д. Основные виды...

2013 г.²¹⁹ Это может быть косвенным показателем ухудшения фискального благополучия государства, так как ранее руководство страны не прибегало к резервам. Более того, широко известны проблемы уклонения от уплаты налогов и хищения государственных активов²²⁰.

Теперь обратимся к проблеме доверия населения власти, но прежде стоит отметить важность этого показателя не только в аспекте фискального благополучия и, соответственно, силы государства, но для выживания государства в целом. Последняя точка, определяющая будущее системы – это делегитимация власти, которая приводит к смене самоописания системы. Здесь стоит еще подчеркнуть и проблему эффективности существующего режима, критерии которой будут варьироваться от того, что будет положено в основу определения государства²²¹. Концепт эффективности необходим ввиду того, что уровень недоверия режиму (как среди элиты, так и среди простого населения) и последующая его делегитимация могут зависеть от эффективности реализации государством своих функций. Но недоверие конкретным представителям власти не означает недоверие самому режиму, потому будут рассмотрены оба показателя.

О проблеме доверия власти и легитимности режима в 2012 – 2013 гг. хорошо свидетельствуют опросы²²². Во-первых, стоит отметить количество респондентов, назвавших Януковича главным разочарованием среди политиков 2013 г. – 35% (против 15,7% в прошлом году), а ухудшение отношения населения к власти в целом в 2013 г. отметили 68,4% респондентов (в 2012 – 22,4%). Но наиболее яркую картину происходившей делегитимации власти дают цифры, характеризующие уровень доверия к государственным институтам. Так, совсем или в основном не доверяли институту президента

²¹⁹ Цирель С. К истокам...

²²⁰ Ishchenko V., Yurchenko Y. Ukrainian Capitalism and Inter-Imperialist Rivalry //The Palgrave Encyclopedia of Imperialism and Anti-Imperialism, 2019.

²²¹ Goldstone J. Pathways to State Failure... P.285.

²²² Політичні підсумки і прогнози - загальнонаціональне опитування 2012 // Фонд демократических инициатив. URL: <https://dif.org.ua/article/2012-politichni-pidsumki-i-prognozi-zagalnonatsionalne-opituvannya> (Дата посещения: 10. 10.2020) и Громадська думка: підсумки 2013 року // Фонд демократических инициатив. URL: <https://dif.org.ua/article/gromadska-dumka-pidsumki-2013-roku> (Дата посещения: 10.10.2020).

61,5% опрошенных (интересно отметить, что Януковичу не доверяли 61,4%, что свидетельствует об отождествлении института и личности). Верховной Раде (полностью или в основном) не доверяли 74,7%, а правительству – 65,8%. Вкупе с ощущением обеднения (о чем см. ниже), а также с культивируемой идеей всепроникающей коррупции, и учитывая известную степень неэффективности финансового менеджмента, можно говорить о фискальном кризисе и делегитимации режима и, соответственно, о слабости государства в конце 2013 г. Но ради справедливости стоит отметить, что делегитимация не носила столь критический характер, своего пика она достигла лишь в феврале 2014 г., а потому о полной делегитимации можно говорить только по отношению к указанному периоду.

Как было сказано ранее, делегитимация, которая дает возможность актуализировать иное самописание, невозможно без конфликта элит. Так как факт конфликта элит в украинском обществе не вызывает сомнений, то следующим шагом тестирования гипотезы об украинской государственной дезинтеграции становится поиск причин недовольства элит действиями государства.

Раскол и последующий конфликт элит. Рассмотрение причин конфликта элит стоит начать с характеристики особенностей структуры украинского общества, а именно с характеристики экономической элиты.

Высокой степени олигархизации украинской политики посвящено множество работ²²³, но наиболее важным аспектом политической системы является ее клановость. Исследователи выявляют различные группы интересов, одни говорят о трех группах²²⁴, другие о четырех²²⁵, но основная линия

²²³ См., напр.: Aslund A. Oligarchs, Corruption, and European Integration // *Journal of Democracy*. – 2014. – Vol. 25, №3. – P.64-73; Matuszak S. The oligarchic democracy. The influence of business groups on Ukrainian politics. – Warsaw: Center for Eastern Studies, 2014; Pleines H. Oligarchs and Politics in Ukraine // *Demokratyzatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. – 2016. – №24. – P. 105-127; Kuzio T. Oligarchs, the Partial Reforms Equilibrium, and the Euromaidan Revolution. // *Beyond the Euromaidan: Comparative Perspectives on Advancing Reform in Ukraine*. – S.: S. University Press, 2016. P. 181-203; *Ibid.*. Ukraine: Democratization, Corruption, and the New Russian Imperialism. – Santa Barbara: Praeger, 2015 и др.

²²⁴ Matuzak S. *Op. cit.* P. 13.

²²⁵ Sakwa R. *Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands*. London: Tauris. 2015. P. 63; Зоткин А.А. Государственная власть и политические элиты Украины в контексте отношений между центром и регионами // *Властные*

соперничества проходила между двумя кланами – т. наз. днепровским и донецким²²⁶. Специфика этого соперничества заключалась в том, что приход одной группы знаменовал собой отстранение от властных постов представителей другой. Если остановиться кратко на основных представителях каждой группы, то в днепропетровскую входили: Л. Д. Кучма, П. И. Лазаренко, И. В. Коломойский, В. М. Пинчук, Ю.В. Тимошенко и др., а в донецкую: Н. Я. Азаров, Янукович, Р. Л. Ахметов и др.

Массовые кадровые изменения на высшем и региональном уровнях происходили в 2005 г. (усиление днепропетровского клана) и в 2010 г. (приход к власти представителя донецкого клана). Такая система с некоторыми сбоями, но работала, пока Янукович не решил, как полагают некоторые эксперты, ослабить влияние олигархов. Практически по единодушному мнению аналитиков, президент Украины или его сын, пытался создать новый клан, получивший название «семья». Несмотря на значительную долю спекуляций и невозможность проверки данных, исследователи согласны в том, что политика «семьи» шла вразрез с интересами если не всех, то многих олигархов. Какие убедительные доказательства-примеры можно привести? Если обратиться к статистике, то окажется, что при Януковиче возрос уровень криминализации бизнеса. Так, в 2010 г. было заявлено о 75 случаях рейдерского захвата компаний, а в следующем году уже почти 1000²²⁷. Конечно, однозначно трудно утверждать, что это результат формирования нового, президентского, клана²²⁸, однако, цифры настолько значительны, что игнорировать их нельзя.

Могло ли получиться так, что «семья Януковича» здесь ни при чем, а все это «преференции» донецкому клану за поддержку на выборах? Есть основания полагать, что вряд ли. Так, например, государственные предприятия («Центрэнерго» и «Донбассэнерго») ранее закупали уголь преимущественно у

структуры и группы доминирования: Материалы десятого Всероссийского семинара Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации – СПб.: Интерсоцис, 2012. С.291.

²²⁶ Marples D. Ethnic and Social Composition of Ukraine's Regions and Voting Patterns // Ukraine and Russia: People, Politics, Propaganda and Perspectives. – UK Bristol, 2015. P.13.

²²⁷ Matuzak S. Op. cit. P. 58.

²²⁸ Rojansky M. A. Corporate Raiding in Ukraine: Causes, Methods and Consequences // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. – 2014. – №.3. – P. 423.

госкомпании («Уголь Украины») и у частной «ДТЭК-Трејдинг», владелец которой – Ахметов. С усилением власти Януковича, государство стало закупать уголь у компаний, так или иначе связанных с сыном президента, обойдя Ахметова. Важно отметить, что если компания Ахметова в 2013 г. предлагала государственному предприятию «Донуглереструктуризация» цену за запрашиваемый объем угля (153,5 тонны) в 92 млн.грн, то компания, связанная с Александром Януковичем выиграла тендер с ценой 221 млн.грн, Этот факт не может не свидетельствовать о том, что государство шло против интересов богатейшего жителя страны и главного спонсора правящей партии²²⁹. Если посмотреть на 15 глав министерств, назначенных Януковичем в конце 2012 г., то связанных с «семьей» окажется 7, и только 4 были связаны с Ахметовым²³⁰.

Помимо этого, с избранием нового президента усилилось преследование представителей оппозиционного клана. В этом контексте часто вспоминают арест Тимошенко, но ведь были еще и арест бывшего главы МВД Ю. В. Луценко, заместителя министра юстиции Е. В. Корнейчука, председателя таможенной службы А. В. Макаренко и др.

В СДТ потенциал элитной мобилизации (Elite Mobilization Potential, EMP) (см. предыдущий параграф) описывается формулой:

$$EMP = \varepsilon^{-1} \frac{E}{sN}$$

Где ε^{-1} означает относительный обратный доход элиты (относительно ВВП на душу населения), E – количество элиты, а sN – число государственных служащих от общего населения²³¹. Важнейшим фактором, определяющим потенциал мобилизации среди элиты в этой формуле, является ее доход.

Несмотря на то, что есть методики, позволяющие оценить как доходы элит, так и их количество, проблема украинского случая заключается не только

²²⁹ Александр Янукович подбрасывает угля // Форбс. URL: <http://forbes.net.ua/nation/1346029-aleksandr-yanukovich-podbrasyvaet-uglya> (Дата посещения: 10.10.2020); Как госкомпании купить уголь втрое дороже рынка и избежать ответственности. // Форбс. URL: <http://forbes.net.ua/nation/1351200-kak-goskompanii-kupit-ugol-vtroe-dorozhe-rynka-i-izbehat-otvetstvennosti> (Дата посещения: 10.10.2020).

²³⁰ Сферы влияния в новом Кабинете министров. // Форбс. URL: <http://forbes.net.ua/nation/1344643-sfery-vliyaniya-v-novom-kabinete-ministrov> (Дата посещения: 10.10.2020).

²³¹ Turchin P. Modeling Social Pressures... P. 247.

в том, что некоторые данные недоступны, но и в том, что коренные изменения происходили в период президентства Януковича (т.е., всего 3 года), а это означает – макротенденции найти сложно.

Наиболее презентабельными в данном контексте становятся данные, иллюстрирующие положение политико-экономических элит.

Для анализа воспользуемся таблицей, которую представил политолог Хайко Пляйнес, состоящую из имен 29 олигархов, то есть богатых людей, которые оказывают влияние на политику²³². Если оставить только тех, кто был и до прихода к власти Януковича (таких оказалось 14), то выяснится, что их совокупное состояние (по данным Форбс) уменьшилось с 30 млрд. 290 млн. долларов в 2011 г. до 29 млрд. 738 млн. в 2013 г. Более того, из тех 9 олигархов, состояние которых уменьшилось, 6 очевидно были так или иначе связаны с официальной властью. В то же самое время состояние сына президента Януковича выросло с 99 млн. долларов в 2012 г. до 187 млн. к апрелю следующего года, а в ноябре 2013 г. уже составляло 510 млн., то есть увеличилось за полгода почти на 173%²³³.

Таким образом становится очевидным, что причины для раскола элит имели под собой достаточно сильные основания. Формирование нового «клана» – приближенных к президенту людей, перенаправление денежных потоков в сторону «семьи»²³⁴, достаточно жесткие действия в отношении представителей оппозиции и уменьшение богатства среди традиционной политико-экономической элиты не могли не вызвать сильного недовольства существующим положением дел. Если посмотреть на рост количества долларовых миллионеров Украины, то окажется, что их значительное увеличение совпадает с замедлением общих макроэкономических показателей страны, а потому логично ожидать, что рано или поздно это бы привело к

²³² Pleines H. 2016 Dataset on Ukrainian oligarchs 2000-2016 as of 17 August 2016 // Forschungsstelle Osteuropa Bremen. URL: <http://www.forschungsstelle.uni-bremen.de/UserFiles/file/table-oligarchs-overview.xls> (Дата посещения: 10.10.2020). о методике подсчета см. Ibid. Oligarchs and Politics.

²³³ Капитал Януковича-младшего вырос втрое. // Форбс. URL: <http://forbes.net.ua/news/1360500-kapital-yanukovicha-mladshego-vyros-vtroe> (Дата посещения: 10.10.2020).

²³⁴ Wilson A. Ukraine Crisis: What it Means for the West. – Totton, Hampshire: Y. University Press, 2014, P. 54-58.

конфликту элит²³⁵. По факту происходило сужение базы бенефициаров правящего режима²³⁶. Но раскол элит не означает автоматической мобилизации населения на протесты. Чтобы население вышло на улицы с требованиями, нужно также его недовольство. СДТ говорит об обнищании населения как об одном из ключевых факторов, вызывающих массовое недовольство властью²³⁷. Наблюдалось ли оно в Украине перед кризисом 2014 г.?

Массовое недовольство населения. В СМИ активно постулировалась идея, что важнейшими факторами недовольства простого населения, приведшими к мобилизации, были олигархизация страны и фактическое ухудшение жизни. При ближайшем рассмотрении эти два тезиса не выглядят столь убедительно. Например, известный британский политолог Ричард Саква, не приводя никаких доказательств, говорит о том, что сто человек в Украине владели около 80-85% всего богатства страны²³⁸. Логично предположить, что имеется в виду суммарное состояние сотни богатейших людей Украины в процентном отношении к ВВП, но соответствуют ли оценки Саквы официальным данным? Согласно списку Forbes за 2013 г.²³⁹ суммарное состояние сотни богатейших украинцев составляло примерно 55,245 млрд. \$, а ВВП на тот же год в реальных долларах примерно 183,31 млрд. \$²⁴⁰, что составляет 30%. Цифра, конечно же, не маленькая, однако это не 80-85%.

Еще одним показателем социального расслоения может служить индекс Джини, который рассчитывает степень распределения доходов (или, в некоторых случаях, потребительских расходов) между отдельными лицами или домохозяйствами в рамках экономики, и чем он ниже, тем меньшее неравенство в стране. Оказывается, что индекс Джини для Украины достаточно

²³⁵ Цирель С. К истокам... С. 58.

²³⁶ Aslund A. Ukraine: What Wrong and How to Fix It. – Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2015. P. 90; Kudelia S. The House That Yanukovych Built // Journal of Democracy. – 2014. – № 3. – P. 22; Wilson A. Op. cit. P.53.

²³⁷ См., напр.: Turchin P. Wealth Democracy and Ukraine. March 18, 2014. // Social Evolution Forum. URL: <https://evolution-institute.org/blog/wealth-and-democracy-in-ukraine-ii/> (Дата посещения: 10.10.2020).

²³⁸ Sakwa R. Op. cit. P. 61.

²³⁹ 100 богатейших украинцев 2013 // Форбс. URL: <http://forbes.net.ua/business/1351729-100-bogatejshih-2013> (Дата посещения: 10.10.2020).

²⁴⁰ World Bank. GDP of Ukraine // Всемирный банк. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=UA> (Дата посещения: 10.10.2020).

низкий – 24,6 на 2013 г. (для сравнения: в России на тот же год – 40,9, США – 41)²⁴¹.

Схожие результаты дает и предварительный анализ официальной статистики относительно благосостояния населения²⁴². Так, наблюдался рост ВВП, зарплат и доходов, на нулевом уровне была инфляция, более того, «явные доказательства роста социальной несправедливости во время правления В. Януковича трудно найти»²⁴³. Таким образом, некоторые исследователи отказывают фактору экономического неблагополучия в статусе причины украинской революции 2014 г.²⁴⁴

Но настолько ли действительно благополучно жила Украина перед своим кризисом? Как оказалось, даже исходя из официальной статистики, можно найти свидетельства обратного: так, есть основания полагать, что инфляция была и достигала уровня 6-14%²⁴⁵. Если рассмотреть в сравнении соотношения роста общих доходов, расходов на товары и услуги, а также рост налогов в процентном отношении к прошедшему году (рис.2), то окажется, что рост цен товаров и услуг и уровень взимаемых налогов шли быстрее, чем росли доходы. Более наглядно увидеть реальную картину можно, если посмотреть на сумму в процентах, оставшуюся после приобретения товаров и услуг, а также уплаты налогов (рис.3)

²⁴¹ World bank. Gini index // Всемирный банк. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations=UA-RU-US> (Дата посещения: 10.10.2020).

²⁴² Коротаяев А.В. О возможных экономико – психологических факторах украинской революции 2014 года // Историческая психология и социология истории. 2014. №1. С. 56–74; Цирель С. К истокам украинских революционных событий 2013-14 гг. // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Украинский разлом. – М.: Учитель, 2015 С. 57-84.

²⁴³ Цирель С. К истокам... С. 58.

²⁴⁴ Hale H. Op. cit. p 234.

²⁴⁵ Цирель С. К истокам... С.63.

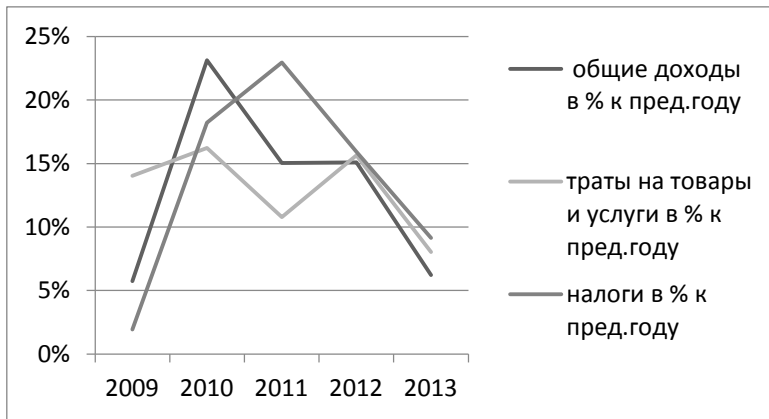

Рис. 2. Динамика общих доходов, расходов на товары и услуги и роста налогов в процентном отношении к прошедшему году. Источник: Государственная служба статистики Украины. URL: <http://www.ukrstat.gov.ua> (Дата посещения: 10.10.2020).

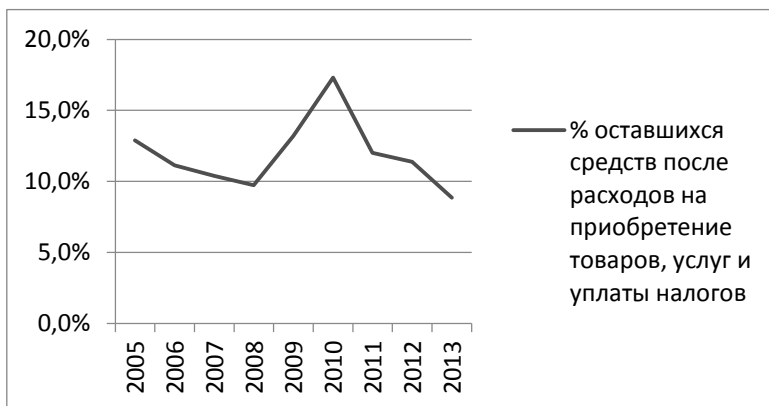

Рис.3 Динамика процента оставшихся средств после расходов на приобретение товаров, услуг и уплаты налогов. Источник: Государственная служба статистики Украины. URL: <http://www.ukrstat.gov.ua> (Дата посещения: 10.10.2020).

Но даже не это столь важно, как ожидания населения, которые, как демонстрируют данные опросов, становятся хуже у тех слоев населения, которые и так небогаты.

Таблица 2. Оценка респондентами субъективной мобильности в ближайшие полгода

Самооценка	Ожидаемая	субъективная
------------	-----------	--------------

респондентам и материальног о положения семьи	мобильность на ближайшие полгода		
	Существенн ых изменений не произойдет	Благососто яние вырастет	Благосостоя ние снизится
Выше среднего	57	39	4
Среднее	54	11	35
Ниже среднего	46	5	49
Низкое	28	5	67

Источник: Данные опроса за 2011 г. Цит. по: Цирель С. К истокам... С.78

Опросы также свидетельствуют не только о заниженных ожиданиях, но и о том, что в конце 2013 г. более половины населения считало, что семейный материальный достаток снизился²⁴⁶. Такие субъективные оценки отлично согласуются с данными официальной статистики, которые были приведены ранее.

Указанные выше цифры позволяют утверждать, что в Украине накануне 2014 г. наблюдалась относительная депривация, то есть ожидания населения расходились с реальностью²⁴⁷. Т.Р. Гарр²⁴⁸ предложил формулу, чтобы приблизительно оценить уровень депривации и вызываемого этим недовольства (гнева) населения:

$$\frac{V_e - V_c}{V_e}$$

Где означает желаемую позицию, а достижимую (реальную).

²⁴⁶ Громадська думка...

²⁴⁷ Davies J. Op. cit.

²⁴⁸ Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005. С.108.

За желаемую позицию, оценивая материальное положение, можно принять достаточный ежемесячный доход, а за реальную, соответственно, фактический²⁴⁹. Результат представлен на графике (рис.4):

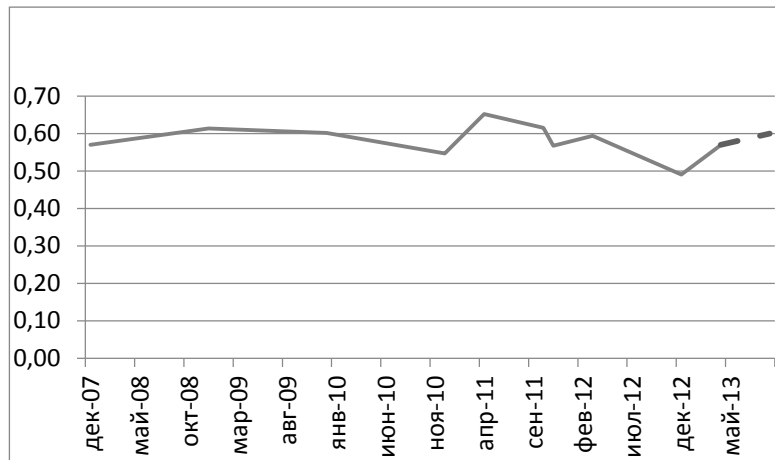

Рис. 4. Уровень экономической депривации украинского населения 2007-2013 гг.²⁵⁰

Согласно официальным данным выясняется, что уровень депривации перед избранием Януковича был достаточно высок, и когда он подскочил в 2011 г., то это было не столь заметно, как это стало в 2013 г. после устойчивого снижения уровня расхождения между реальностью и желаемым.

Все эти данные позволяют говорить о том, что несмотря на внешнее благополучие украинской экономики, подспудно наблюдались как понижательные тенденции, так и пессимистические настроения вкупе с фактическим уменьшением количества свободных средств среди простого населения.

Также, при более детальном рассмотрении оказывается, что и не все столь благополучно с уровнем олигархизации в стране. Например, состояние 10 богатейших украинцев 2013 г. составляло 17% всего ВВП страны²⁵¹. Это означает, что имея такие колоссальные ресурсы, олигархи могут создавать

²⁴⁹ Моніторинг соціально-економічних очікувань населення за підсумками 2014 р. – К.: ДУ Інститут економіки та прогнозування НАН України. 2015.

²⁵⁰ Пунктиром отмечен рассчитанный доход, так как за сентябрь 2013 г. приведены данные только по расходам, а не по доходу. Так как в среднем в 2013 г. сумма доходов превышала расходы на 8,9%, то именно через это число и был восстановлен размер дохода

²⁵¹ 100 богатейших...; World Bank. GDP...

монополии, влиять на экономику в целом и, соответственно, на политику (более подробно это будет рассмотрено ниже).

В целом получается такая картина предпосылок «революции достоинства», приведших к государственной дезинтеграции:

- государственный долг (более трети от всего ВВП)
- низкая эффективность государственных расходов
- ухудшение материального состояния значительной части экономических элит
- сужение базы бенефициаров режима
- низкий уровень доверия к режиму и к государственным институтам в целом

-рост ощущений экономической неудовлетворенности среди населения

Соответственно, как и прогнозирует СДТ, государственный брейкдаун (state breakdown) был неизбежен, однако теория не дает ответа на вопрос, по каким конкретным линиям произойдет назревающий конфликт и какой именно дискурс станет мобилизующим для населения.

Расколотость украинского общества и риски территориальной дезинтеграции. Линия раскола прошла по вопросу о том, с кем должна быть интеграция – с Россией или Западом, но предпосылки массовой мобилизации оформились гораздо раньше.

Как свидетельствовали результаты выборов 2010 и 2012 гг., страна явно была расколота на две части, которые условно можно разделить на «западную», настроенную против официальной власти и «восточную», поддерживающую Януковича и партию Регионов²⁵². Западные регионы больше тяготели к тесному взаимодействию с ЕС и США и говорили преимущественно на украинском, в то время как восточные регионы во многих аспектах были близки к России и основным языком общения был русский. Но региональный раскол выражался

²⁵² Marples D. Op. cit. P. 13; Petro N. Understanding the Other Ukraine: Identity and Allegiance in Russophone Ukraine // Ukraine and Russia: People, Politics, Propaganda and Perspectives. – UK Bristol, 2015. P. 21; Исаев Л. М., Коротаев А. В. Украинская мозаика Опыт количественного анализа украинской избирательной статистики // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2015. – № 8. – С.91-110.

не только в языковой и культурной сфере, но, также, и в экономической. Так, на востоке Украины доминировал крупный бизнес, а на западе – средний и мелкий²⁵³. Это связано с тем, что восток страны был преимущественно индустриальным, а запад ориентировался в первую очередь на сельское хозяйство, что, естественно, нашло выражение и в доходах населения. Для сравнения: в пяти западных областях (Львовская, Закарпатская, Ивано-Франковская, Волынская и Черновицкая) средний доход населения составил в 2013 г. 38298 грн., медиана – 29102 грн., в то время как в пяти восточных областях (Харьковская, Луганская, Донецкая, Днепропетровская и Запорожская) 103300 грн., по медиане – 91333 грн²⁵⁴.

Такой раскол проявлялся и раньше («оранжевая революция»), но в конце 2013 г. он явил себя с новой силой. Как известно, на конец ноября 2013 г. было запланировано подписание договора об ассоциации с Европейским Союзом, но 21 ноября украинское правительство объявило о решении отложить это мероприятие. Изначально против такого решения выступила преимущественно молодежь (т. наз. «студенческий лагерь»), что отлично объясняется одним из постулатов СДТ. Теория утверждает, что основной силой революционного движения является молодежь («youth bulge»), более того, науке уже давно известно, что: во-первых, население столицы всегда настроено оппозиционно по отношению к существующей власти и, во-вторых, одним из главных движителей протеста является именно студенчество²⁵⁵. После того, как протесты практически угасли к 29 ноября, в связи с тем, что именно на это время было запланировано подписание договора, и когда на площади практически никого не оставалось, власть решила разогнать оставшихся участников силовым способом. На следующий день на центральную площадь вышли, по разным оценкам, от сотни до нескольких сотен тысяч людей. И уже здесь отчетливо проявился упомянутый географический раскол Украины. На

²⁵³ Kuzio T. Ukraine... P. 87-88.

²⁵⁴ Государственная служба статистики...

²⁵⁵ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004.

начало декабря 2013 г., выходцы из Западной Украины на майдане составляли 51,8% против 17,3% с востока страны (остальные – центральная Украина)²⁵⁶. В силу упомянутых культурных традиций именно западная Украина, тяготеющая к Западной Европе, стала главным противником решения Януковича приостановить интеграцию с Европейским Союзом, а после стала выдвигать и более радикальные требования, включающие и отставку действующего президента.

Возникает закономерный вопрос – если с предпочтениями западных регионов страны практически все ясно, то почему остальная часть Украины, включая заметную долю и востока, также выступила против Януковича? Точного ответа на данный вопрос дать нельзя, однако можно предположить, что благодаря активной пропаганде будущего реального или мнимого благополучия, которое реализуется в стране после начала тесного сотрудничества с Западной Европой, люди активно начали в это верить. Но после активного культивирования идеи о будущем счастье для страны, внезапно руководство объявляет, что этот процесс откладывается на неопределенное время. Трансляция идей о благости евроинтеграции осуществлялась через подконтрольные олигархам средства массовой информации. Трудно сказать, чего именно хотели олигархи от Европы, но одно из возможных объяснений – это получение надежных прав собственности.

После достаточной для констатации резкой смены самоописания страны в первой половине 2014 г. часть восточных регионов страны не приняла изменения и начала бороться если не за независимость, то явно против националистического дискурса властей в центре. Учитывая указанную разнородность, а также радикальность изменений, Донецкая и Луганская области не признали новые власти в Киеве и провозгласили независимость.

²⁵⁶ Від Майдану – табору до Майдану – січі: що змінилося? // Kyiv International Institute of Sociology. URL: <http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=226> (Дата посещения: 10.10.2020).

Кроме того, Крым провозгласил присоединение к России. Внешние влияния²⁵⁷ на анализируемые события в Украине остались за рамками данного исследования, так как основная цель данного параграфа выявить только предпосылки и структурные причины.

В итоге получается достаточно логичная в своей последовательности картина – олигархи были активно связаны с режимом, а после того, как он перестал считаться с их интересами, они мобилизовали уже созревшее недовольное население на борьбу с ним.

Таким образом, последним фактором, определившим будущее украинской системы, стала делегитимация власти: до 2014 г. население не доверяло государственным институтам. После бегства Януковича из страны делегитимация отчетливо проявилась в изменении самоописания. Эти преобразования не могли бы произойти без внутриэлитного конфликта. Как отмечалось выше, делегитимация и изменение самоописания происходят только тогда, когда по крайней мере часть элиты предлагает новый дискурс для массовой мобилизации; другой ключевой момент заключается в том, что без резкого разделения внутри элитных групп протесты обречены. Очевидно, что главным фактором, вызвавшим внутриэлитный конфликт в данном случае, была нехватка ресурсов. Этот дефицит определялся главным образом внутренними факторами: уменьшением возможностей обогащения традиционных элит из-за финансового кризиса и, как следствие, перепроизводством элит, определяемым Турчиным²⁵⁸ как «преобладание большего количества элит и претендентов на элиту, чем общество может обеспечить позициями». При этом смена самоописания углубила существовавший значительный раскол украинского общества и привела к территориальной дезинтеграции.

²⁵⁷ Katchanovski I. The Separatist War in Donbas: A Violent Break-up of Ukraine? // Perspectives on European Politics and Society, 2016, № 17(4). P. 473-489.

²⁵⁸ Turchin P. Modeling Social Pressure... P. 244.

Как видно, применение структурно-демографической теории в целом дает вполне убедительную картину о причинах кризиса в Украине в конце 2013 – начале 2014 гг. и позволяет обосновать тезис, что страна в этот период пережила государственную дезинтеграцию. Но за рамками данного исследования остался еще один, пожалуй, ключевой вопрос: как в принципе получилось так, что олигархи играли столь значительную роль в государстве и, несмотря на относительно устойчивые институты власти, оказались, по факту, сильнее государства, что даже смогли его разрушить?

Отношения государства и частного бизнеса. Сложившиеся в Украине практики взаимодействия экономических элит и государства, как уже было написано ранее, ориентировались в первую очередь на обслуживание интересов олигархов, по крайней мере до 2011 г. С одной стороны, ситуация довольно типичная для современных политических систем, но с другой, многие существующие подходы к этой проблеме движутся в бинарном ключе – либо сильное государство, либо «захват государства» («state capture»). При этом сильное государство (чтобы это ни значило) полагается потенциальным условием для гарантии прав собственности и всеобщего процветания²⁵⁹, однако реализация таких потенциалов не везде происходит. Другие же подходы, выполненные, например, в рамках теории неоинституционализма (Асемоглу, Робинсон, Норт и др.), будь то теории государств открытого или закрытого доступа, с инклюзивными или эксклюзивными институтами, также не имеют успеха в объяснении причин различной политической динамики в рамках одного типа государств. Так, например, используя упомянутые теории неоинституционализма, Украина и Россия оказываются на одном полюсе (в различной степени), однако совершенно очевидно, что политическая динамика этих стран кардинально различается. С одной стороны имеется достаточно неустойчивое и слабое государство, с другой относительно сильное государство и высокую степень стабильности. Ответ на вопрос, что имеет

²⁵⁹ См., напр.: Тилли Ч. Демократия. – М.: ИНОП, 2007.

Россия такого, чего не имеет Украина, лежит в плоскости взаимоотношений государства и экономических элит. Есть теории патримониализма в различных его вариациях²⁶⁰. Обобщенно, не вдаваясь в дискуссии, можно определить патримониализм как политическую систему, в которой доминируют клиентизм и патронализм при рационально-бюрократическом фасаде. Но и здесь можно наблюдать схожую картину, как при использовании ранее упомянутых теорий – режимы Украины и России оказываются подчинены одной и той же логике и одним и тем же механизмам функционирования. Однако даже если и в рамках неопатримониального правления вводятся различия, позволяющие объяснить разницу между политической динамикой Украины и России, то их истоки видятся только в политической плоскости²⁶¹. Теория, которая объяснит различную политическую динамику внешне схожих стран, может быть построена только на синтезе различных подходов и с преодолением классической дихотомии, существующей в упомянутых теориях. Прежде всего, предлагается трактовать государство, как говорилось во введении, в рамках центрированной на государстве теории (state-centered theory) как организацию, интересы которой не сводятся к интересам господствующих групп, в первую очередь экономических. Различная динамика Украины и России в XXI веке, при значительной схожести во многих частных аспектах, обусловлена тем, что значительные экономические ресурсы концентрируются либо в руках государства, либо в руках экономических элит. Приведем яркий и характерный пример: согласно данным Форбс²⁶², на долю выручки 10 крупнейших частных предприятий Украины в 2012 приходилось 27% (26, 78%) от ВВП страны за тот

²⁶⁰ О развитии и критике этого концепта см., напр. Erdmann G., Engel U. Neopatrimonialism Reconsidered: Critical Review and Elaboration of an Elusive Concept // *Commonwealth & Comparative Politics*, 2007. – Vol. 45, № 1. – P. 95-119; Fisun O. Rethinking Post-Soviet Politics from a Neopatrimonial Perspective // *Democratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*. – 2012. – № 20. – P. 87-96; Ilyin M. Patrimonialism. What is Behind the Term: Ideal Type, Category, Concept or just a Buzzword? // *Yearbook of Political Thought, Conceptual History and Feminist Theory*. LIT Verlag Münster. – 2015. – Vol. 18, № 1. – P. 26-51.

²⁶¹ Одна из самых последних и известных работ подобного рода Hale H. Op.cit.

²⁶² 200 крупнейших компаний Украины. 2013. // Форбс. URL: <http://forbes.net.ua/magazine/forbes/1359184-200-krupnejshih-kompanij-2013> (Дата посещения: 10.10.2020).

же год, а на сотню уже 72% (71,79%). В России же на 2017 г.²⁶³ на выручку 100 крупнейших частных предприятий приходилось 33% (32,57%) от ВВП страны, зато на выручку 10 государственных предприятий²⁶⁴ пришлось 22%. О чем говорят эти цифры? О том, что капитал украинской экономической элиты был сильно концентрированным, и имея такие материальные ресурсы, они могли оказывать значительное влияние на политику государства. Здесь уместно указать на способ взаимодействия как внутри самих государственных структур, так и экономических элит с государством. Как подчеркивалось ранее – отношения носили патрон-клиентский характер.

Янукович попытался освободиться от влияния узких групп экономических элит, но вместо попытки усиления государственных структур (как это произошло в России), он попытался создать свой клан. Примеры «неожиданного» резкого увеличения состояния приближенных к президенту и не только сына, но и, например, молодого С. Курченко, подтверждают такую трактовку. Однако «семье» не удалось переподчинить себе средства массовой информации, которые находились в руках соперников или оппонентов, которые и стали главным механизмом для массовой мобилизации. Сейчас трудно сказать, произошло бы нечто подобное, не будь идеи подписания Соглашения, однако все сказанное ранее позволяет с большой долей вероятности утверждать, что это был лишь повод, а не реальная причина.

Ключевым механизмом дезинтеграции стало не просто нарастание противоречий, а качественное изменение роли проевропейского нарратива. Изначально транслируемый как инструмент политического лавирования, к 2013 г. он превратился в структурный элемент ассамбляжа: его поддерживали не только прозападные элиты, но и значительная часть населения, особенно в центральных и западных регионах. Когда Янукович попытался резко изменить курс, система уже не могла вернуться к прежнему равновесию — слабые связи

²⁶³ 200 крупнейших частных компаний России. 2018. // Форбс. URL: <http://www.forbes.ru/rating/367067-200-krupneyshih-rossiyskih-chastnyh-kompaniy-2018-reyting-forbes> (Дата посещения: 10.10.2020).

²⁶⁴ The World's Largest Public Companies. 2018 // Форбс. URL: <https://www.forbes.com/global2000/list/> (Дата посещения: 10.10.2020).

(евроинтеграция как риторика) стали сильными (евроинтеграция как основа идентичности). Это проявилось в массовой мобилизации, где требования «возврата в Европу» быстро сменились лозунгами смены режима, а затем и перестройкой государственных институтов. Таким образом, дезинтеграция 2014 г. — это не просто кризис управления, а смена кодирующего самоописания, когда прежний гибридный дискурс был заменён новой конфигурацией, исключавшей компромисс с пророссийскими элементами. А позже проевропейское самописание сменило акценты на противостояние с Россией.

В заключение можно сказать, что Украина на протяжении правления Януковича находилась в постоянном риске возникновения фискального кризиса, что подтверждается постоянным дефицитом бюджета, неэффективностью расходов и ростом государственного долга на фоне сокращения золотовалютных резервов. Это сопровождалось ростом недовольства и обнищанием населения, которого, на первый взгляд, в стране не было, т.к. официальная статистика всячески пыталась это скрыть. Достаточно агрессивная политика президента, нацеленная, по всей видимости, на ослабление традиционных групп влияния, вызвала в итоге и их недовольство. Благодаря относительно конкурентной политической системе и концентрации экономических и информационных ресурсов в руках олигархов, против которых действовал Янукович, олигархи смогли мобилизовать население на борьбу с режимом. Государство в том состоянии, в котором оно было при Януковиче, ничего не могло противопоставить олигархам, так как было значительно слабее их, в первую очередь в экономическом измерении. Таким образом, раскол элит, вызванный уменьшением получаемых ими ресурсов из-за действий формирующейся новой элитной группы, привел к массовой мобилизации населения для борьбы с режимом. Население активно поддержало эту борьбу, так как условия (обнищание и формирование нового дискурса) уже были для этого. Конечным результатом всего этого процесса стало не только бегство Януковича, но и делегитимация режима в целом. В итоге, в феврале и марте 2014 г. Украина сильно изменилась по сравнению с предшествующим

периодом: значительно изменилось самописание политической системы, произошла территориальная дезинтеграция, а также падение экономики. Все вышеприведенные факты позволяют с большой долей уверенности сказать, что Украина пережила полномасштабную дезинтеграцию государства в 2014 г.

2.2. «Геополитические» (территориальные) причины-вызовы раскола элит как фактора дезинтеграции государства: СССР 1991 г.

Теперь же стоит рассмотреть случай дезинтеграции государства в рамках «геополитического» подхода. Случай СССР²⁶⁵ выбран, так как он хорошо задокументирован, имеет богатую историографическую традицию и большое количество доступных источников.

Книг, посвященных распаду СССР написано огромное количество²⁶⁶ и так как рассмотреть всю существующую литературу физически невозможно, необходимо сосредоточиться на ее классификации. Один из вариантов, это разделить литературу по тому, какие причины авторы считают главными в распаде СССР. Некоторые склонны ставить во главу угла действия конкретных акторов, в особенности деятельность М. С. Горбачева на посту генерального секретаря и, позже, президента²⁶⁷, но такой подход не получил широкой поддержки как среди историков, так и среди политологов. Другая не очень популярная причина распада СССР среди исследователей – это экономика²⁶⁸. Сама по себе экономика не может привести к распаду государства, так как важны политические условия, более того, некоторые авторы полагают, что до 1990 г. вообще нельзя говорить об экономическом кризисе²⁶⁹. Потому даже

²⁶⁵ СССР пережил крушение, то есть нечто большее, чем дезинтеграцию, но крушение уже включает в себя дезинтеграцию (см. параграф 2, гл. 1).

²⁶⁶ См., например, обзоры: Вдовин А. Причины распада Советского Союза в российской научной и публицистической литературе К 20-летию русской трагедии 1991 года // Россия и соотечественники. URL: <http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=23934> (Дата посещения: 10.10.2020); Rowley D. Interpretations of the end of the Soviet Union: Three paradigms // Kritika. 2001. Vol. 2, N 2. P. 395-426; Robinson N. Explaining Soviet collapse. Working paper. 2017. URL: <https://ulir.ul.ie/bitstream/handle/10344/6121/Explaining%20Soviet%20collapse.pdf?sequence=2> (Дата посещения: 10.10.2020).

²⁶⁷ См., напр.: Brown A. The Gorbachev Factor. – Oxford: Oxford University Press, 1996; Greenstein F. I. Reagan and Gorbachev: What Difference Did They Make? // Retrospective on the End of the Cold War / Ed. W. Wohlforth. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996; Зубок В. М. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011; Харрисон М. Стабильны ли командные системы? Почему потерпела крах советская экономика? // Экономическая история. Обзорение. Вып. 6. – М., 2001. С. 120-141; Илюхин В.И. Обвиняется президент. – М.: издательство «Палей», 1992.

²⁶⁸ См., напр.: Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. 2-е изд., испр. и доп. – М.: РОССПЭН. 2007; Безбородов А., Елисеева Н., и др. Перестройка и крах СССР. 1985–1993. – СПб. 2010; Miller Ch. The Struggle to Save the Soviet Economy: Mikhail Gorbachev and the Collapse of the USSR.. University of North Carolina Press, 2016; Травин Д. Я. Очерки новейшей истории России. Книга первая: 1985–1999. – СПб.: Норма, 2010.

²⁶⁹ См., напр.: Котц Д.М., Вир Ф. Путь России от Горбачева к Путину: Гибель советской системы и новая Россия. – М.: Едиториал УРСС. 2013.

«экономоцентристы», описывая бедственное положение в экономике, не рассматривают ее как самостоятельный фактор, а учитывают так же политические реформы. Следующей причиной, рассматриваемой учеными является идеологическая «эрозия»²⁷⁰. Несмотря на привлекательность такой объяснительной модели, авторы указывают на то, что деидеологизация была, но проявила она себя только в период перестройки, не отвечая на вопрос, что дало толчок самой перестройке, хотя это взаимосвязанные процессы. Одним из самых популярных объяснений краха СССР является возросший в период перестройки уровень национализма²⁷¹. Однако авторы, за редким исключением, придерживающиеся такого подхода, практически игнорируют условия, которые сделали всплеск национализма возможным, а потому считать национализм главной причиной (а не фактором) распада СССР не представляется целесообразным в более широком контексте.

Вторым подходом к классификации является вычленение «парадигм», которые используют авторы. К таким «парадигмам» относят:²⁷² «тоталитарную» (эссенциалистскую), связывающую режим и государство в единое целое и полагающую, что СССР был обречен изначально²⁷³, «модернизаторскую» (эволюционную), допускающую возможность реформирования СССР²⁷⁴ и «имперскую»²⁷⁵, то есть сравнивающую СССР с империями прошлого.

²⁷⁰ См., напр.: ДеБолт Дж.У. Причины и следствия неудач модернизации в России // Социологические исследования. – 2006. – № 1. – С. 20-31; Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб. 2001. С. 264; Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014; Dallin A. Causes of the Collapse of the USSR // Post-Soviet Affairs. – 1992. – № 4.– P. 279-302; Травин Д. Я. Указ. соч.

²⁷¹ См., напр.: Чешко С. В. СССР был болен или его «залечили»? (попытка патолого-анатомического анализа) // Мир России 1995.– №1 – С.91-123; Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия. / Сост.: А.П. Ненароков и др. – М. ТЕПРА, 1992; Союз можно было сохранить. Белая книга. 2-е изд., испр. и доп. – М.:АСТ: АСТ МОСКВА, 2007; Beissinger M. R. Nationalism and the Collapse of Soviet Communism // Journal of Contemporary European History. – 2009. – №18 (3). – P. 331-347; Beissinger M. R. Nationalist mobilization and the collapse of the Soviet State. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2002; Bunce V. Subversive Institutions: The Design and the Destruction of Socialism and the State. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1999.

²⁷² Rowley D. Op. cit.

²⁷³ Малиа М. Советская трагедия. История социализма в России. 1917-1991. – М. «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002; Pipes R. The fall of the Soviet Union // The collapse of communism. – S.: Hoover Institution Press. 1999. P.35-50. Критику этого взгляда см. в Коэн С. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? / Новое расширенное издание. – М.: аиро-xxi, 2011.

²⁷⁴ См. обзор в Robinson N. Explaining Soviet collapse...

Чем же обусловлено такое разнообразие объяснений крушения СССР? Согласно нашей гипотезе, обоснование которой будет предложено ниже, дело заключается в том, что исследователи четко не определяют сущность изучаемого события, а потому фокусируются на отдельных его следствиях (outcomes). Практически у всех рассмотренных работ имеется общая черта – отсутствие четкого определения сущности исследуемого события – что конкретно представляет собой крушение СССР и когда была пройдена точка невозврата в этом процессе. Очевидный и распространенный вариант ответа – это юридический факт, свидетельствующий о прекращении существования Союза – 8 декабря 1991 г. Но возможно ли утверждать, что после «парада суверенитетов», когда часть республик практически уже не признавала союзное правительство, подписание главами трех республик документа о прекращении существования СССР является главным сущностным событием для крушения? Вряд ли, т.к. подписание беловежских соглашений лишь констатировало де-юре территориальную дезинтеграцию, но они никак не могут считаться ключевым событием. Близким к этому варианту, ставящим во главу угла территориальную целостность, является вариант полагающий крушение СССР как фактическую независимость сначала балтийских, а позже и кавказских республик. Но можно ли утверждать, что «сущность» СССР была именно в территориальном аспекте и что именно территориальная целостность является ключевым и единственным критерием? Вряд ли, так как это лишь наиболее заметный и легко эмпирически фиксируемый аспект исторической динамики Советского Союза, но не более того. Здесь и становится очевидной причина путаницы и разноголосицы при исследовании причин крушения: различные процессы (территориальные/национальные, экономические, политические, идеологические), характеризующие тот или иной аспект распада СССР, смешиваются, а потому и даются абсолютно разные и никак не связанные

²⁷⁵ Motyl A. Why Empires Reemerge: Imperial Collapse and Imperial Revival in Comparative Perspective // *Comparative Politics*. 1999. № 31. January. P. 127-145; Tilly Ch. How empires end // *After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires* / Barkey K., von Hagen M. (eds.). – Boulder; Oxford, 1997. P. 1-11.

между собой ответы на вопросы о причинах и механизмах этого процесса. Потому вопрос о сущности явления крушения Союза трансформируется в вопрос о том, какие характеристики системы наиболее полно характеризовали Советский Союз.

При определении базовых характеристик функционирования Советского Союза возникает методологическая трудность – как именно вычленять эти характеристики. Нужно отчетливо понимать, что СССР представлял собой практически уникальную политико-экономическую систему и в тоже время имел все черты обычного государства. Потому в дальнейшем будет сделано различие между СССР-системой и СССР-государством. Вначале стоит рассмотреть характеристики СССР-системы, чтобы понять, когда изменилась его суть и он перестал существовать в прежнем виде, а потом уже СССР-государства. Для чего нужен такой методологический ход? Для четкого понимания такого комплексного процесса следует четко определить те результаты, «исходы» (outcomes), которые определяют такое комплексное событие как крушение СССР. Именно разбиение этого процесса на несколько отдельных, пусть и связанных между собой, поможет с большей долей вероятности определить реальные каузальные цепи, сделавшие эти «исходы» возможными и поможет оценить альтернативные объяснения (более подробно см. параграф 1.1). Если с Украиной было все относительно очевидно, что такие исходы случились в первой половине 2014 г., то с СССР возникают затруднения.

Так как СССР представляет собой комплексное явление, то как было обосновано ранее, здесь будет использоваться теория социальных систем Лумана (см. параграф 1.1).

Главнейшим легитимизирующим основанием советской системы являлась, выражаясь языком философа А. Бадью, верность «событию-истине» октября 1917 года²⁷⁶. Такой дискурс предполагал, что в 1917 году были «изобретены»

²⁷⁶ Жижек С. Чума фантазий. – Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2012. С. 118.

принципиально новые социально-политические условия и порядки: отсутствие классов, строгое следование «открытым Марксом истинным законам» социального развития, отказ от частной собственности, всеобщее равенство и т.д.

В силу мессианского характера идеологии, предполагалось, что некоторые граждане могут заблуждаться, а потому только коммунистическая партия, являющаяся «передовым отрядом» (из конституции 1936 г.) или «руководящей и направляющей силой общества» (из конституции 1977 г.), имела монополию на выражение мнений. Так как отклонение от предложенной партией позиции считалось тунеядством и хулиганством²⁷⁷, то руководство страны мало интересовали реальные настроения граждан. Еще одним следствием «монополии на истину» стал логичный запрет на фракционность внутри партии, принятый в марте 1921 г. на X съезде ВКП(б).

Так как ключевым аспектом существования любой социальной системы по Луману является разграничение себя и окружающей среды, то еще одной важной характеристикой самоописания СССР стало четко формулируемое противостояние с капиталистическим западным миром. Это выразилось не только в отрицании западных ценностей и стремлении превзойти капиталистические страны (в первую очередь США) по экономическим показателям, но и в военном противостоянии.

Последним ключевым аспектом самоописания СССР являлась, как это преподносилось, принципиально отличная от остального мира структура экономики: запрет на частную собственность и полная монополия государства на материальные средства производства.

Парадоксальным образом, сама попытка Горбачёва вернуться к «ленинским принципам» социалистической демократии ускорила крах системы. Демократия формально входила в кодирующее самоописание СССР – от Конституции 1936 г. до риторики «власти советов», – но на практике была

²⁷⁷ Медушевский А.Н. Указ. соч. С. 151.

подавлена партийной монополией. Когда же перестройка активировала этот «спящий» элемент, оказалось, что его реализация требует изменения других ключевых (сильных) связей в рамках самоописания: отмены руководящей роли КПСС (статья 6 Конституции), признания многопартийности и легализации рыночных отношений. Система, десятилетиями существовавшая за счет жесткого контроля, не смогла воплотить собственные идеалы.

Этот процесс напоминал аутоиммунную реакцию: реанимация демократии как «истинной» части самоописания обнажила его фиктивность. Гласность, допустив критику Сталина, быстро перешла к критике Ленина и марксизма; выборы 1989 г. легитимизировали альтернативные центры власти (Межрегиональная депутатская группа), а экономические реформы подорвали веру в плановую систему. Таким образом, попытка «исправить» систему в рамках её же идеологии привела к её деконструкции — слабые связи (плюрализм, национализм) разрушили систему.

Все эти системообразующие характеристики изменились в период перестройки не одновременно, соответственно, если исходить из логики теории систем Лумана, возможно ли поставить вообще вопрос о том, когда СССР перестал существовать не как государство де-юре, а как система де-факто? То есть, переформулируя вопрос – можно ли говорить, что СССР условно января 1987 г. был тождественен СССР января 1991 г.?

Одним из вариантов ответа может быть такой: несмотря на то, что в 1991 г. была уже другая политическая система, идея «верности» Октябрю 1917 года была не востребована, было активное и успешно реализуемое стремление тесного сотрудничества с западными странами и практически уже существовали капиталистические отношения, само государство как территориальное целое, выступающее субъектом международного права, оставалось практически неизменным.

Здесь уже можно говорить о дезинтеграции государства. Когда пять признаков (фискальный кризис, конфликт элит, массовая мобилизация, смена самоописания и территориальная дезинтеграция) сходятся в единой временной

точке, то можно говорить, что государства как такового в этот момент уже не существует.

Каждый из пяти признаков достаточно полно описан в существующей литературе, потому остановимся на них кратко и позже, а сейчас отметим главное – все эти пять признаков наблюдались в СССР задолго до декабря 1991 г.

Таким образом имеется два различных подхода к пониманию «сути» крушения СССР:

- как системы, через призму теории систем
- как государства, через призму теории государственной дезинтеграции.

Если найти связь между критериями обоих подходов и наложить все эти критерии на временную шкалу, то в точке их пересечения и будет обнаружен искомый ответ на вопрос – когда же СССР прекратил свое существование и где была точка невозврата. После этого уже можно будет вычленять каузальные связи и механизмы.

Смена самоописания. Как было сказано ранее, с точки зрения теории систем Лумана важнейшими характеристиками самоописания СССР были: верность событию-истине 1917 г., монополия и монолитность КПСС, конфронтация с западом и запрет на рыночные отношения вкупе с государственной собственностью. Рассмотрим как и когда эти характеристики менялись.

Верность событию-истине 1917 г. Объявление гласности стимулировало дискуссии о прошлом СССР и причинах кризиса, с которым он столкнулся. Публикации до того запрещенной литературы и публицистических критических статей показывало населению, что истоком всех проблем является не только политика, проводимая Сталиным, но и идеи, предложенные Лениным. Так, например, статья В. Селюнина 1988 г., опубликованная в популярном журнале «Новый мир», развивала идею, что Сталин был последователем Ленина. Так же была широко известна статья А. Ципко «Истоки сталинизма», которая связывала пороки системы не только с

«традиционным злым Сталиным»), но и напрямую с деятельностью Ленина и даже более того, что Сталин был истинным марксистом.

Примечательны и изменения в размышлениях крупных известных общественных деятелей: так, например, журналист Ф. Бурлацкий в 1987 г. резко противопоставлял систему социалистической и западной демократий в пользу первой, а уже через год предлагал ориентироваться на последнюю²⁷⁸. В конце 1989 г. уже сам Горбачев в своей статье писал о том, что Маркс не учел потенциал капитализма²⁷⁹. Все эти и многие другие факты свидетельствуют о том, что в 1989 г. «истинность» результатов революции октября 1917 года была уже не очевидна.

Монополия и монолитность КПСС. Ключевым событием, которое наглядно дискредитировало КПСС в глазах населения, стал Съезд народных депутатов, впервые созванный в мае 1989 г.²⁸⁰ Юридически Съезд представлял собой практически альтернативу власти и легитимности партии, а раскол внутри Съезда (создание Межрегиональной депутатской группы) легитимизировал фракционность. Более подробно роль Съездов будет рассмотрена позже.

Конфронтация с Западом. Весной 1986 г. на XXVII съезде партии Горбачев публично заявляет: «мы предприняли серию односторонних шагов, ввели мораторий на развертывание ракет средней дальности в Европе, сократили их число, приостановили все ядерные взрывы»²⁸¹. Как пишут историки, это был впервые за все время противостояния с западом, когда СССР отказался от симметричных действий в военной сфере²⁸². Позже, в 1988 г. Горбачев, уже в ООН, вновь заявил о готовности к несимметричному сокращению вооружений. Последующие конкретные действия, помимо

²⁷⁸ Согрин В. В. Политическая история современной России, 1985 – 1994: от Горбачёва до Ельцина. М.: Прогресс – Академия, 1994. С. 38.

²⁷⁹ Там же. С.58.

²⁸⁰ См., напр.: Kiernan B. The end of Soviet politics: elections, legislatures, and the demise of the Communist Party. – Boulder: Westview Press. 1993; Robinson N. Ideology and the collapse of the Soviet system. A critical history of Soviet ideological discourse. – Cheltenham: Edward Elgar.1995.

²⁸¹ Материалы XXVII Съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 66.

²⁸² Польшов М.Ф. Указ. соч. С. 34.

сокращения вооружений, такие как отказ от использования силы на территории стран Варшавского договора, лишь подтверждают значимые изменения, произошедшие во внешней политике, начало которым было положено в 1986 г.

Социалистическая собственность. Первым значимым шагом на пути отказа от предшествующей экономической системы стал закон, принятый в мае 1988 «О кооперации». Несмотря на то, что закон пробуксовывал по разным причинам, важно подчеркнуть главное – он узаконивал частную собственность, пусть и в ограниченных масштабах. Хотя этот закон и нельзя считать переориентацией на полноценные рыночные отношения, но до этого момента ничего подобного не было даже на уровне публичного дискурса, несмотря на то, что в Политбюро эти идеи зрели давно²⁸³. Потому начало перехода от «социалистической» экономики было положено в 1988 г.

Исходя из ранее сказанного, мы считаем, что ключевые изменения в СССР-системе произошли практически в полном объеме к 1989 г. (за исключением полного отказа от «социалистической экономики»). То есть СССР в прежнем виде уже не существовал к началу 1990 г.

Государственная дезинтеграция СССР. Как уже было сказано ранее, критериями, позволяющими говорить о крушении государства, являются совокупность пяти. Все эти процессы взаимосвязаны – фискальный кризис ведет к нехватке ресурсов, что усиливает борьбу элит за эти ресурсы. Для своей победы одна из частей элиты (или контрэлиты) мобилизует население для борьбы с противниками, что приводит и к смене самоописания и территориальной дезинтеграции. Важно напомнить, что массовые восстания в условиях отсутствия конфликта элит обречены на неудачу.

Фискальный кризис. Оценить масштаб фискального кризиса в СССР согласно модели, использованной в предыдущем параграфе, не представляется возможным по многим причинам, потому обратимся к конкретным фактам, свидетельствующим о неблагополучии состояния экономики. В первую очередь

²⁸³ См., напр. Ситарян С.А. Уроки будущего. – М.: «Экономическая газета», 2010. С. 71-73.

это дефицит продовольственных товаров и рост внешнего долга СССР почти в три раза за период правления Горбачева²⁸⁴. Так же, в период 1986-88 гг. доходы бюджета сократились на 31 млрд. руб., а расходы выросли на 36 млрд. руб.²⁸⁵. Дефицит государственного бюджета СССР составил в 1988 и 1989 гг. 94,4 и 97,7 млрд. руб. соответственно, порядка 10–11 % ВВП²⁸⁶. Еще одно свидетельство кризиса – это снижение уровня сбора зерна:²⁸⁷ зерна в 1981-1985 гг. собрали меньше, чем в 1975-1980 гг.²⁸⁸ или, например, в 1986 г. собрали 43,8 млн тонн зерна, а в 1989 г. уже только 34²⁸⁹.

Даже те, кто отрицают наличие кризиса в указанный период, основываясь на оценках как западных специалистов, так и на официальной советской статистике, фиксируют, что рост уровня потребления и внутринационального продукта приняли отрицательные значения с 1990 г.²⁹⁰ Соответственно, даже по самым оптимистичным оценкам мы можем с уверенностью утверждать, что фискальный кризис проявил себя с 1990 г.

Как было сказано ранее, фискальный кризис сопровождается не только экономическими проблемами, но и делегитимацией.

Но что послужило причиной возникновения экономического кризиса и как это связано с делегитимацией?

Для ответа на первую часть вопроса обратимся к анализу того, что вообще определяло логику функционирования СССР.

В первую очередь рассмотрим предпосылки и причины, определяющие внешнеполитический курс СССР. Как уже было сказано ранее, рамкой, в пределах которой двигалось мышление и действия советских акторов, была идеологема конфронтации, что и обуславливало такие расходы, которые шли на чрезмерное усиление ВПК. Но чтобы понять конкретные причины,

²⁸⁴ Miller Ch. Op. cit. P.152.

²⁸⁵ Гайдар Е. Т. Указ. соч. С. 241

²⁸⁶ Там же.

²⁸⁷ Обоснование почему это важный показатель, см. Алексеев В.В., Нефёдов С.А. Гибель Советского Союза в контексте истории социализма // Общественные науки и современность. – 2002 – № 6. – С. 66-77.

²⁸⁸ Гайдар Е. Т. Указ. соч. С. 158.

²⁸⁹ Народное хозяйство СССР в 1989 г.: Статистический ежегодник / Госкомстат СССР. – М:Финансы и статистика, 1990. С. 424.

²⁹⁰ Котц Д.М., Вир Ф. Указ. соч. С. 102

определяющие ту или иную стратегию внешней политики СССР, стоит обратиться к рассмотрению конкретного примера – введение войск в Афганистан в 1979 г. Во-первых, этот акт, по мнению некоторых исследователей, стал значительным фактором будущей политической дестабилизации²⁹¹, а во-вторых, он наглядно помогает увидеть причины, определяющую внешнюю политику государств по типу СССР.

Некоторые исследователи, пытаясь понять причины решения введения войск в Афганистан, указывают среди главных такие как: решение не допустить в этом регионе усиления роли США²⁹², желание защититься от будущих возможных действий радикальных исламистов²⁹³ или же стремление расширения влияния коммунистической идеологии²⁹⁴. Проблема всех этих объяснений в том, что в их рамках неубедительно выглядит тот факт, что буквально за девять месяцев до решения осуществить вторжение, все руководство СССР было категорически против вмешательства во внутренние дела Афганистана. Сама возможность столь резкого изменения решения легко объясняется с институциональной точки зрения – при слиянии всех сфер социального бытия (в первую очередь экономического и политического) и в отсутствии гражданского общества, внешнеполитические решения ничем не ограничиваются и потому в таких режимах возможны волюнтаристские решения²⁹⁵. Наиболее убедительной гипотезой, которая объясняет внешнеполитический курс страны, является утверждение о наличии связи между ценами на нефть и внешней агрессией со стороны недемократических государств, в которых минимум 10% доходов бюджета зависят от экспорта

²⁹¹ См., напр.: Коллинз Р. Указ. соч.; Reuveny R., Prakash A. The Afghanistan War and the Breakdown of the Soviet Union // *Review of International Studies*. – 1999. – Vol. 25, № 4. – P. 693-708.

²⁹² Шубин А.В. Указ. соч.

²⁹³ Gibbs D. N. Reassessing Soviet motives for invading Afghanistan: A declassified history // *Critical Asian Studies*. – 2006. – № 38(2). – P. 239-263.

²⁹⁴ Hilali A. Z. The soviet decision-making for intervention in Afghanistan and its motives // *The Journal of Slavic Military Studies*. – 2003. – № 16(2). – P. 113-144.

²⁹⁵ Более подробно: Weeks J. *Dictators at War and Peace*. – Ithaca; London: Cornell University Press, 2014.

нефти²⁹⁶. Несмотря на то, что конкретные механизмы еще недостаточно исследованы²⁹⁷, логично предположить, что «внезапно» ставшие богатыми государства становятся более уверенными в своих силах и начинают отстаивать интересы, которые могут потребовать значимых дополнительных расходов. Более того, успех на внешнеполитической арене приводит к повышению авторитета власти внутри страны, в чем заинтересованы любые правители.

Именно гипотеза о том, что главным фактором введения войск в Афганистан стало повышение цен на нефть и, соответственно, увеличившиеся доходы бюджета, является наиболее убедительной, так как в рамках других гипотез трудно объяснить колебания высшего руководства СССР о том, стоит ли вводить войска²⁹⁸. Однако предпосылкой введения войск был конфронтационный дискурс со странами Запада²⁹⁹.

Именно дискурс конфронтации стимулировал значительное финансирование военно-промышленного комплекса. По разным оценкам доля этих расходов при Брежневле составляла от четверти до половины всех расходов страны³⁰⁰. Силу лобби представителей военно-промышленного комплекса могут продемонстрировать такие факты: в 1970-е гг. СССР выпускал танков в 20 раз больше, чем в США³⁰¹, а также имел армию, превосходящую по численности американскую почти в два раза³⁰². Становится очевидным, что если расходы на военную оборону, составлявшие минимум четверть всего бюджета, и не были главным фактором грядущего фискального кризиса, то, как минимум, одним из самых значимых. Существуют утверждения, что дополнительную нагрузку на бюджет в 1980-е вызвали расходы на противодействие стратегической оборонной инициативы США. Однако как

²⁹⁶ Colgan J. D. Oil, Domestic Politics, and International Conflict // Energy Research & Social Science. – 2014. – №1. – P.198–205; Hendrix C. S. Oil prices and interstate conflict // Conflict Management and Peace Science. – 2015. – №34(6). – P. 575–596.

²⁹⁷ Hendrix C. S. Oil prices... P. 18.

²⁹⁸ Brown J. D. J. Oil Fueled? The Soviet Invasion of Afghanistan // Post-Soviet Affairs. – 2013. – № 29(1). – P. 56-94; Gaddy C. G. The Price of the Past: Russia's Struggle with the Legacy of a Militarized Economy. – Washington, D.C.: Brookings Institution, 1996. P. 50; Гайдар Е.Т. Указ. соч. С. 183

²⁹⁹ О том, что это именно было связано с конфронтацией с Западом см.: Шубин А.В. Указ. соч.

³⁰⁰ Гайдар Е.Т. Указ. соч С. 165.

³⁰¹ Там же. С. 202

³⁰² Там же.

показывают исследования, это не подтверждается доступными документами: практически все анти-СОИ проекты разрабатывались до 1983 г., более того, значительного увеличения расходов на оборону в этот период не фиксируется³⁰³.

Ключевым успехом лоббизма военно-промышленного комплекса стало появление у государства «лишних» денег за счет продажи нефти, так как в СССР доходы от ее продажи составляли около 20%³⁰⁴. Но доходы от нефти играли важную роль и в поддержании общей стабильности – нефтяные деньги шли так же и на закупки зерна и на субсидирование цен³⁰⁵. Потому не вызывает удивления факт, что Горбачев, только придя к власти, заявил: «Нам не нужно менять политику. Она верная, правильная, подлинно ленинская»³⁰⁶. Однако по мере разрастающегося экономического кризиса и в условиях падения цен на нефть стало очевидно, что реформы все же нужны.

Попытки реформирования и привели ко второй составляющей фискального кризиса – снижению уровня доверия власти. Этот аспект будет рассмотрен в разделе про массовую мобилизацию.

Конфликт элит и территориальная дезинтеграция. В СССР конфликт элит проявил себя в максимально ярком виде, став институционализированным. Контуров грядущего конфликта четко обозначились в течение первого Съезда народных депутатов СССР в конце весны-начала лета 1989 г., когда была создана Межрегиональная депутатская группа, появление которой привело к тому, что теперь не только Горбачев является единственным в стране политическим авторитетом³⁰⁷. Позже раскол усилился, когда в начале 1990 г. была создана демократическая платформа в КПСС (вспомним запрет на фракционность 1921 г.), которая позиционировала себя изначально как дружественную по отношению к деятельности генерального секретаря КПСС.

³⁰³ Podvig P. Did Star Wars Help End the Cold War? Soviet Response to the SDI Program // Science & Global Security. – 2017. – №25. – P. 3-27.

³⁰⁴ Безбородов А., Елисеева Н. Указ. соч. С. 68.

³⁰⁵ Гайдар Е.Т. Указ. соч.

³⁰⁶ Источник: Документы русской истории. Приложение к российскому историко-публицистическому журналу Верховного Совета РФ. – 1993. – №0. – С. 67

³⁰⁷ Согрин В.В. Указ. соч. С. 55.

Но уже спустя полгода на XXVIII партийной конференции представители демократической платформы объявили о своем выходе из состава КПСС, что ускорило делегитимацию партии, выразившись, в частности в массовом отказе от членства в партии среди обычных граждан³⁰⁸.

Следующим этапом институционализации конфликта элит стало объявление суверенитета республиками Советского Союза, что на деле означало верховенство республиканского законодательства над союзным. Первой республикой, вставшей на этот путь, была Эстония, когда еще в ноябре 1988 г. изменила статью 74 своей конституции, позволившей республике отменять постановления центра. Важной вехой в институционализации конфликта элит стала так называемая «война законов» между Советским правительством и Российским в 1990-1991 гг. В исторической социологии такое явление получило название «множественный суверенитет», то есть притязания на контроль над территорией со стороны новых политических акторов³⁰⁹. Значимым аспектом такого множественного суверенитета является то, что для контрэлит такое состояние «развивает возможность извлекать ресурсы из неэлит таким образом, что другие элиты должны терпеть это для того, чтобы сохранить собственный доступ к ресурсам неэлит»³¹⁰.

Исходя из ранее сказанного становится очевидным, что о полноценном конфликте элит можно говорить как минимум с конца 1989 года, но наибольшую значимость он приобретает с середины 1990 г.

Дискредитация КПСС, а также появление республиканских коммунистических партий, предопределило еще одну линию раскола – по национальным границам. Национальная мобилизация в СССР давно находится в фокусе внимания исследователей, изучающих распад Советского Союза, потому в рамках данного исследования не стоит останавливаться на ней

³⁰⁸ Ogushi A. The demise of the Soviet Communist Party. – London: Routledge, 2008. P. 112.

³⁰⁹ Tilly Ch. From mobilization... P. 190-193.

³¹⁰ Лахман Р. Капиталисты поневоле... С. 32.

подробно, но будут рассмотрены факторы, которые актуализировали национализм.

Одно из популярных объяснений националистической мобилизации в научной литературе осуществляется сквозь призму институционального подхода:³¹¹ система управления республиками стимулировала рост национализма и когда централизация была ослаблена, националисты стали доминирующим актором в дезинтеграции СССР. С одной стороны такое объяснение выглядит логичным и убедительным, однако тогда остается не совсем понятным, почему республики СССР и страны Варшавского договора, за редким исключением, решили практически полностью разорвать экономические связи с Россией. В качестве альтернативы можно было предложить единое экономическое пространство (на капиталистической основе) и политическую независимость по типу Евросоюза, но такие идеи даже не циркулировали в общественных дискуссиях (с возможным исключением в виде проекта Союза суверенных государств). Соответственно, объяснение территориальной дезинтеграции в рамках институционализма не является исчерпывающим.

Для понимания роста национализма в позднем СССР необходимо выявить факторы, которые обуславливали различную национальную политику на протяжении всего существования Союза – от поощрения национальных чувств, до попыток значительно ослабить их³¹². С точки зрения методологии, необходимо такое теоретическое объяснение, которое сможет без исключений объяснить данные колебания. Как показал анализ, колебания национальной политики в СССР могут быть достаточно точно объяснены геополитической теорией наций Коллинза³¹³. Кратко теорию наций Коллинза можно описать в следующих терминах: при повышении геополитического престижа государства

³¹¹ См., напр.: Beissinger M. R. Nationalism and the Collapse...; Ibid. Nationalism and mobilization...; Bunce V. Op. cit.

³¹² Щербак А.Н., Болячевец Л.С., Платонова Е.С. История советской национальной политики: колебания маятника? // Политическая наука. – 2016. – № 1. – С. 100-123.

³¹³ Щербак А. Н. и др. Влияние внешней политики на национальную политику СССР: геополитическая теория Рэндалла Коллинза // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2017. – Т. 3. – С. 99-116.

рост национализма снижается и наоборот – при геополитическом поражении наблюдается его рост. Это связано с тем, что « геополитически сильное государство блокирует внутри себя дробление этнических идентичностей»³¹⁴. И действительно, при так называемом втором витке холодной войны, были заметны стремления центра затормозить национализацию, что выразалось и в кадровой политике и в системе образования³¹⁵.

Когда Горбачев стал вести политику «несимметричного ответа» на международной арене, престиж единства с титульной нацией потерял свою былую привлекательность. Самым же главным в этом процессе потери геополитического престижа стал отказ от каких-либо действий с целью остановить распад Организации Варшавского Договора. Когда стало очевидным, что союзный центр не будет применять силу против оппозиции, националисты этим воспользовались. Конкретные механизмы, посредством которых республики актуализировали свой национализм, были заложены благодаря политике демократизации. Горбачев, судя по всему, не предполагал, что Съезды народных депутатов станут значимым фактором, ускорившим республиканский сепаратизм. Так, на I Съезде народных депутатов в 1989 г. было принято постановление об экономической независимости прибалтийских республик, на II Съезде, прошедшем в декабре того же года, удовлетворили другое требование – признать незаконность вхождения этих республик в состав СССР в 1940 г. Не вызывает удивления, что всего через три месяца, в марте 1990 г., Литва заявляет о своем выходе из Союза.

Как можно заключить из всего ранее сказанного, точкой невозврата в процессе крушения СССР стал Съезд народных депутатов, ускоривший делегитимацию режима и сепаратистские тенденции, а также институционализировавший раскол элит.

Анализируя процессы дестабилизации в 1989 –1990 гг., возникает вопрос, почему номенклатура активно не сопротивлялась этому? Факт дискредитации

³¹⁴ Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности. – М. 2015. С. 153.

³¹⁵ Щербак А. Н. и др. Влияние внешней... С. 105.

консерваторов не объясняет отсутствие серьезных попыток сохранить прежде значимое для большинства людей членство в партии. По мнению некоторых ученых³¹⁶, «хлопковое дело» наглядно показало, что Центр стремится поставить под контроль экономическую элиту, так как расследование носило ярко выраженный политический характер и направлено было на поиск «компромата» на высшее партийное руководство. Этот факт предопределил желание экономической элиты «приватизировать» собственность, так как частная собственность давала больше гарантий для приращения капитала, чем верность политическому курсу КПСС. Потому, когда Горбачев попробовал осуществить «институциональную дифференциацию», то есть ослабить монополию КПСС над всеми сферами жизни, элиты это приветствовали. Стоит так же учитывать, что принятый в 1988 г. закон о кооперации легализовал, по факту, частную собственность, что также стимулировало желание элит выйти из под диктата дискурса и правовой реальности «социалистической собственности».

Все ранее сказанное позволяет выявить некоторые условия, обозначившие линии раскола среди элит. Во-первых, политика гласности, направленная на ослабление роли административного аппарата, обозначила раскол по линии политических элит между реформаторами и консерваторами. Во-вторых, желание ослабить роль военно-промышленного комплекса привело к противостоянию Горбачева и части военных, которые принимали активное участие в августовском путче. В-третьих, ослабление роли КПСС привело к возможности националистов стать значимым политическим актором. В-четвертых, экономические реформы обозначили контур конфликта между политическими и экономическими элитами.

Делигитимация и массовая мобилизация. Критерий массовости мобилизации населения очень условный и трудно эмпирически фиксируемый, но учитывая, что никаких значимых оппозиционных митингов в СССР

³¹⁶ Пихоя Р.Г. Советский Союз...С. 414-415.

политического характера до 1987 г. в стране не было, то практически любые митинги численностью несколько тысяч человек, направленные против власти могут с некоторыми оговорками трактоваться как массовая мобилизация. Во-первых, при Горбачеве стали распространенными митинги с требованием национальной независимости. Чаще всего в этом контексте вспоминают митинги в балтийских республиках, но, например, митинги с требованиями независимости проходили также в Молдове (ноябрь 1989 г.) и в Грузии (апрель 1989 г.).

Во-вторых, накануне первого Съезда народных депутатов в Москве прошел митинг численностью около 150 тыс. человек в поддержку демократических кандидатов, то есть, по факту, направленный против КПСС³¹⁷.

На основании выше сказанного, можно утверждать, что массовые митинги стали характерной чертой политической дестабилизации начиная с 1989 г., но особо деструктивный характер приобрели с 1990 г. Ключевым аспектом массовой протестной мобилизации стала делегитимация власти.

Ранним и наиболее значимым шагом на этом пути стала проводимая политика гласности. Вопрос вызывают причины, побудившие к разрешению критиковать власть. Одна из позиций, что гласность была введена с целью «преодоления перегибов» в системе, так как открытая критика неэффективности управления позволит: 1) преодолеть эту неэффективность, 2) воодушевит население на более эффективную работу³¹⁸. Другая же позиция заключается в том, что гласность была направлена на слом сопротивления со стороны влиятельной бюрократии, посредством ее дискредитации и для повышения поддержки популярности генерального секретаря³¹⁹. Несмотря на непротиворечивость обоих объяснений, некоторые косвенные доказательства подтверждают вторую версию больше. Так, на заседании политбюро 30 апреля 1987 г. Горбачев указывал, что бюрократия является мощным препятствием на

³¹⁷ Барсенков А.С. Введение в современную...С. 143.

³¹⁸ Горбачев М.С. Указ. соч. С. 317.

³¹⁹ Котц Д.М. Вир Ф. Указ. соч. С. 125-126.

пути реформ³²⁰, более того, уже к 1987 г. этот тезис не выглядел чем-то новым или неожиданным даже в публичном пространстве³²¹. Зная, что придется бороться с сопротивлением административного аппарата, Горбачеву необходимо было вооружиться значимой поддержкой населения, чтобы избежать отставки, которую пережил Н.С. Хрущев³²². Несмотря на это, основной статьей расходов Союзного бюджета оставалось финансирование оборонного сектора, представители которого имели сильное влияние на членов политбюро³²³, но Горбачев и его сторонники понимали насколько политически опасно вступать с ними в конфликт³²⁴.

Политика гласности, ставившая своей целью борьбу с консервативной бюрократией и вовлечение общества на борьбу с неэффективностью некоторых частей системы, не достигла желаемого успеха, как и политика ускорения и сухой закон – фискальный кризис нарастал. Но политика гласности имела другой результат – она позволила обществу задаться вопросом о «верности событию-истине 1917 г.», запустив процессы делегитимации системы, то есть веры в обоснованность и необходимость сохранения статус-кво, что означало подрыв эффективности всего государства.

Вместе с тем, реформаторы в политбюро во главе с Горбачевым все больше осознавали, что страна оказалась на грани «геополитического перенапряжения». Горбачев вел поступательное наступление на доминировавшие интересы военно-промышленного комплекса. Сначала он в 1986 г. отказался от политики «симметричного ответа» на действия западных стран, а в 1988 г. уже заявил о сокращении вооружений, но это еще не сокращение военных расходов. Вообще у Горбачева тогда было два очевидных пути преодолеть разрастающийся фискальный кризис – либо сделать

³²⁰ В Политбюро ЦК КПСС...: по записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). – Москва: Горбачев-Фонд, 2008. С. 174.

³²¹ Согрин В. В. Политическая история современной России, 1985 – 1994: от Горбачёва до Ельцина. М.: Прогресс – Академия, 1994. С.29.

³²² Браун А. Горбачев, Ленин и разрыв с ленинизмом // Полис. Политические исследования. – 2007. – № 6. – С. 71-72.

³²³ Mitrokhin N. The CPSU Central Committee Apparatus, 1970–85 // Russian History. – 2014. – № 41(3). – P.316.

³²⁴ Горбачев М.С. Указ. соч. С. 198.

свободным ценообразованием, либо выступить против представителей оборонного сектора³²⁵. Первое было практически невозможно по политическим причинам, так как это вызвало бы всплеск народного недовольства³²⁶. Второе же решение не могло быть реализовано в рамках существовавшей политической конструкции, потому что, как упоминалось ранее, представители военно-промышленного комплекса имели слишком большую власть и запросто могли блокировать решения Горбачева.

Перед Горбачевым стояла задача ослабления монополии КПСС на всю проводимую политику, как для того, чтобы ослабить лоббизм со стороны военных, так и чтобы ослабить сопротивление административного аппарата. Для этого он решил ввести элементы демократии, а именно выборность некоторых руководителей. Такое решение было объявлено на январском пленуме в 1987 г., однако тот факт, что этот пленум трижды откладывался, свидетельствует о сопротивлении административного аппарата³²⁷. Позже это привело к созданию Съезда народных депутатов – главного органа управления страной, где часть депутатов избиралась на конкурентной основе. Ставя своей целью ослабление административного аппарата, то есть государства как такового, Съезд дискредитировал всю прежнюю систему управления³²⁸. Именно тогда впервые было озвучено предложение об отмене 61 статьи конституции о главенствующей роли партии, которое было реализовано на III Съезде в 1990 г. Что это значило для системы? Монополия КПСС всегда являлась системообразующим фактором в СССР, что вытекало из идеологии, под лозунгами которой и свершалась Октябрьская революция 1917 г. Только КПСС, согласно циркулировавшему дискурсу, имела «подлинное знание» о том, что нужно делать. Еще одним следствием Съезда стало формирование Межрегиональной депутатской группы, по факту означавшее создание

³²⁵ Miller Ch. Op. cit. P. 65.

³²⁶ В политбюро... С.184, 446

³²⁷ Котц Д.М. Вир Ф. Указ. соч. С.126

³²⁸ Kiernan B. The end of Soviet politics: elections, legislatures, and the demise of the Communist Party. – Boulder: Westview Press. 1993; Robinson N. Ideology and the collapse of the Soviet system. A critical history of Soviet ideological discourse. – Cheltenham: Edward Elgar.1995; Robinson N. Op. cit.

фракции. Опять же, до того уже как минимум 50 лет ничего подобно в СССР нельзя было помыслить. Все это еще больше усугубляло кризис легитимности существующей системы, что наглядно было продемонстрировано на первомайской демонстрации 1990 г., когда тысячи людей шли с плакатами «долой КПСС» и «долой марксизм-ленинизм»³²⁹.

Люди, склонные считать, что общественные настроения были скорее на стороне сохранения Союза, обычно ссылаются на результаты референдума, проведенного 17 марта 1991 г., когда 76%³³⁰ опрошенных ответило «да» на вопрос «Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновлённой Федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?»

Стоит начать с того, что шесть союзных республик (Литва, Латвия, Эстония, Грузия, Молдова, Азербайджан) отказались от участия в референдуме, а проводили свои³³¹, так что в референдуме не участвовало более трети республик, что значительно снижает степень релевантности данных.

Что же касается РСФСР, где сторонников сохранения Союза было 75%, то в этот день здесь был проведен еще один референдум – о введении поста президента РСФСР. Всем в России было очевидно, что данный пост готовился для Б. Н. Ельцина, который годом ранее инициировал провозглашение суверенитета Россией. Но еще в мае 1990 г. Горбачев говорил: «Если, товарищи, подвергнуть серьезному анализу то, что он [Ельцин] говорил, то получается, что нас призывают под знаменем суверенитета России к развалу Союза»³³², однако это не помешало жителям России проголосовать сначала за введение поста президента республики, а потом и за Ельцина.

³²⁹ Пихоя Р.Г. Советский Союз... С. 521.

³³⁰ Правда. 1991. 27 марта. С.2.

³³¹ Борисов Н. А. Между идеологией и правом: правовые и политические аспекты выхода союзных республик из СССР // Новый исторический вестник. 2020. №4 (66). С.48-65.

³³² Несостоявшийся юбилей... С. 377.

Чтобы продемонстрировать данную связь эмпирически, были использована база данных по РСФСР (88 регионов, включая Москву и Ленинград) о референдуме о сохранении СССР, который состоялся в марте 1991³³³. В данной базе данных есть результаты о тех, кто поддержал сохранение СССР, а также поддержал Ельцина на посту президента. Для выявления статистической взаимосвязи был использован регрессионный анализ, а именно парная линейная регрессия. Таким образом тестируется следующая гипотеза:

H0: чем выше желание сохранения СССР, тем ниже поддержка Ельцина на посту президента РСФСР

Как видно из таблицы 3, в среднем голосование по вопросу СССР пользовалось популярностью у голосовавших, т. к. 77% граждан, имеющих право голоса, приняли участие в голосовании, где минимальная явка составила 59% (в Республике Ингушетия) и максимум 88% (Усть-Ордынском Бурятском АО). Похожая статистика наблюдается и для переменной о голосовании по вопросу о введении поста президента РСФСР. Однако минимальное значение здесь принадлежит Ханты-Мансийскому АО, а максимум также был в Усть-Ордынском Бурятском АО. Большинство принявших участие в РСФСР проголосовали «за» сохранение СССР (около 75% граждан), в то же время введение поста президента получило чуть меньшую поддержку, в среднем получив 68% «за». Если же обратить внимание на конкретные кандидатуры, представленные в бюллетене, видно, что Ельцин получил поддержку чуть больше половин жителей республики, однако, разброс этой переменной намного выше и среднее отклонение составляет 12%. Так в Туве только 15% избирателей республики поддержали кандидатуру Ельцина, а в Свердловской области он получил 84%.

Таблица 3. Описательные статистики для используемых переменных

³³³ <https://www.electoralgeography.com/ru/countries/r/russia/1991-referendum-russia.html>

	Среднее	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум
Проголосовали по вопросу об СССР (%)	76.89	6.01	58.84	88.11
Проголосовали по вопросу о президенте (%)	76.47	5.65	59.48	88.12
Проголосовали «за» сохранение СССР (%)	75.06	8.60	49.34	91.90
Проголосовали «за» пост президента (%)	67.59	7.18	39.80	85.95
Проголосовали «за» Ельцина (%)	52.29	12.47	15.20	84.80
Проголосовали «за» Рыжкова (%)	19.58	8.61	4.50	62.10

Чтобы проанализировать корреляции между переменными, была использована линейная регрессия, где проверяется направление и статистическая значимость взаимосвязей между переменными. Результаты регрессионного анализа, где тестируется гипотеза, можно найти в таблице 4. Здесь знак перед коэффициентом означает направление связи, где плюс свидетельствует о положительной взаимосвязи, а минус об отрицательной. Звезды при коэффициентах означают статистическую значимость, чем их больше, тем эта связь статистически сильнее. В таблице 4 представлено несколько регрессионных моделей. Первая модель тестирует значимость между процентом проголосовавших «за» СССР и голосовавшими за введение поста президента. Как видно, связь между этими переменными значимая и отрицательная, это означает, что чем больше было голосов за введение поста президента, тем меньше людей поддерживало сохранение СССР.

Во втором столбце тестируется основная гипотеза и наблюдается похожая взаимосвязь. Соответственно, связь между голосованием за Ельцина и сохранением СССР статистически значимая и отрицательная. Это значит, что в тех регионах, где процент голосов за Ельцина на посту президента РСФСР был выше, поддержка сохранения СССР была ниже. Графически эта взаимосвязь и

регрессионная линия представлены на рисунке 6. В третьем столбце тестируется похожая гипотеза, однако, в качестве объясняющей переменной для поддержки сохранения СССР используется процент голосов, отданных на тех же выборах за Рыжкова – связь между этими переменными положительная. Это означает, что чем больше людей поддерживали Рыжкова в том или ином регионе, тем больше они поддерживали сохранение СССР.

Таблица 4. Голосование "за" сохранение СССР

	<i>Зависимая переменная:</i>		
	Процент проголосовавших «за» СССР		
	(1)	(2)	(3)
Проголосовали "за" введение поста президента (%)	-0.956*** (0.073)		
Проголосовали "за" Ельцина (%)		-0.515*** (0.050)	
Проголосовали "за" Рыжкова (%)			0.704*** (0.076)
Константа	139.153*** (4.928)	101.974*** (2.663)	61.268*** (1.632)

Наблюдения	84	88	88
Скорректированный R ²	0.676	0.551	0.492
Примечание:	* p<0.1; ** p<0.05; *** p<0.01		

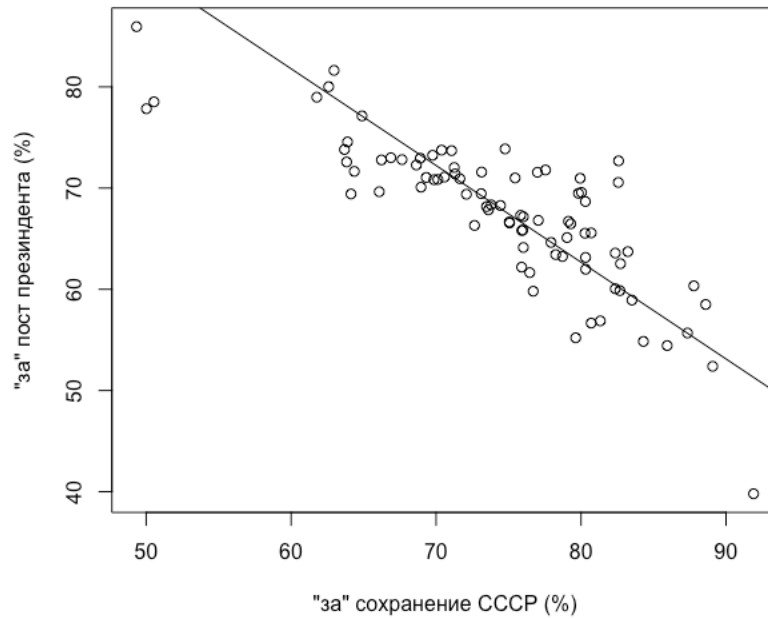

Рис. 5. Взаимосвязь между поддержавшими сохранение СССР и голосовавшими за введение поста президента

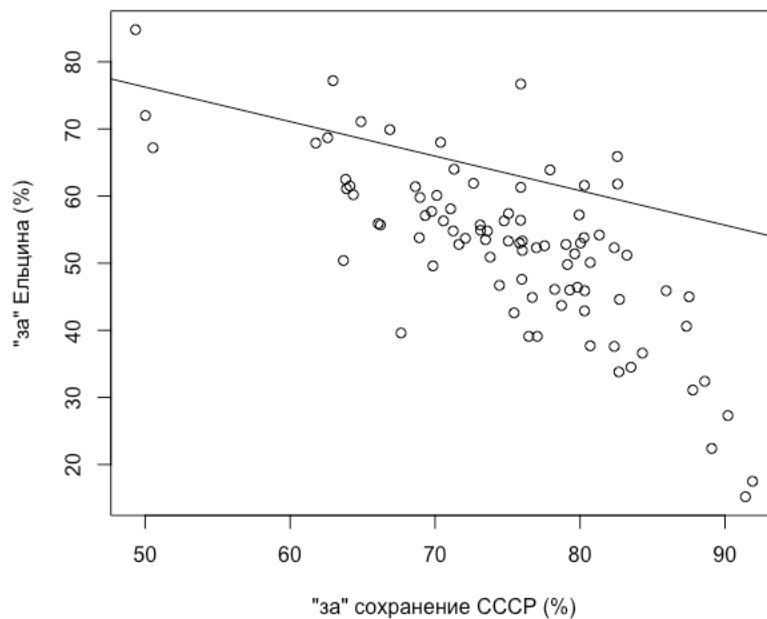

Рис. 6. Взаимосвязь между поддержавшими сохранение СССР и голосовавшими за Ельцина в качестве президента РСФСР

Еще одним свидетельством того, что в СССР сторонники сохранения статус-кво были в меньшинстве, являются митинги, которые устроили москвичи против применения вооруженных сил, когда в январе 1991 г. советские военные попытались свергнуть явно националистические и антисоветские Народные фронты в странах Балтии.

Противоречивость результатов референдума о сохранении Советского Союза отчетлива видна на примере Украины. 17 марта 1991 г. 70% опрошенных высказалось за сохранение Союза, а в декабре того же года уже 90% придерживалось противоположной точки зрения, в том числе и пророссийский Крым. Все это наглядно свидетельствует о делегитимации идеи СССР.

Многочисленные споры ведутся о том, какую роль в крушении Союза сыграл августовский путч 1991 г. Как известно, он был направлен на срыв подписания договора о создании Союза Суверенных Государств (ССГ), который, как считали некоторые эксперты, явился бы прямым путем к распаду государства³³⁴, однако общество, согласно результатам референдума, желающее жить в СССР, не только не поддержало путч, но и активно выступало против.

После подписания Беловежских соглашений, где было заявлено, что «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает своё существование», Горбачев хотел созвать внеочередной Съезд народных депутатов³³⁵ с целью осуждения данного соглашения, но не созвал – его никто не поддержал, и, в первую очередь, само общество. С 16 по 23 декабря 1991 г. Российская газета совместно с Центром сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ) проводили опрос населения, где, помимо прочего задавался вопрос о целесообразности созыва внеочередного Съезда и 68,3% опрошенных не видели в этом необходимости и если бы Горбачев лично

³³⁴ Несостоявшийся юбилей... С. 457, 461.

³³⁵ Кузнечевский В. Горбачеву верит Запад, Ельцину – россияне // Российская газета. – 1991. – 26 декабря.

обратился за поддержкой к народу, то его не поддержали 70% опрошенных³³⁶. Все это наглядно свидетельствует о том, что делегитимация власти и СССР носила глубокий и системный характер.

Режим был делегитимизирован экономической неэффективностью, непоследовательной политикой, дискредитацией политической элиты и др., что вело к массовой мобилизации. Само же государство было делегитимизировано, в первую очередь, в глазах национальных элит. Они желали как политической свободы, так и экономической безопасности, которой они не видели в рамках СССР. Для населения же республик потеря геополитического престижа означала, что привлекательность единой «советской» нации не столь очевидна.

Взаимоотношения элит и государства. В рамках проводимого исследования не будет дан анализ непосредственных причин геополитического соперничества между СССР и странами Запада, но будут указаны структурные условия, которые сделали это возможным и привели к истощению государственных финансов. Рамкой, которая легитимизировала конфронтацию, стал дискурс соперничества социализма и капитализма, начало которому было положено после Октябрьской революции 1917 г. Непосредственным же условием стало отсутствие в системе СССР сдержек и противовесов. В СССР в силу специфики самоописания экономические и политические элиты были связаны воедино посредством коммунистической партии. Отсюда проистекает невозможность отделения чисто экономических и политических интересов. В рамках центрированной на государстве теории получается, что интересы государства и правящей элиты практически полностью совпадали. Внутренние интересы государства (сбор налогов, поддержание порядка и стабильности, воспроизводство культурного образца и т.д.) и внешние (геополитический престиж, отстаивание обеспечения безопасности границ и т.д.) сходились в одном высшем органе власти СССР – Политбюро ЦК КПСС. Конечно, в Политбюро происходило столкновение интересов, однако одну из главнейших

³³⁶ Несостоявшийся юбилей. С. 504.

ролей в нем играли представители военно-промышленного комплекса. Об их силе можно судить по такому факту: в 1989 г., когда Съезд народных депутатов получил право контролировать деятельность Комитета по обороне и государственной безопасности, то выяснилось, что главную роль в нем продолжали играть военные, и именно военного хотели поставить во главе Комитета, что вызвало недовольство среди членов Верховного Совета³³⁷.

Причину такого влияния оборонного сектора понять не трудно – в нем было занято более 14 млн. человек, что делало его одним из крупнейших работодателей страны.

В условиях отсутствия открытой политической конкуренции, переплетенности экономических и политических элит, слабого гражданского общества, трудно представить даже возможность какого-либо противовеса при обсуждении руководством страны тех или иных решений. Американская исследовательница Джессика Уикс, исследуя специфику ведения внешней политики в автократиях, указывает на то, что ключевым аспектом принятия решений о внешнеполитической агрессии зависит от подотчетности (accountability) лидеров. Рассматривая кейс брежневского СССР, она говорит о коллективной системе принятия решений и что Брежнев был подотчетен политбюро³³⁸. Ее модель строится на основании разграничения разных типов автократий, однако при таком подходе трудно объяснить уровень интенсивности международной агрессии. Так, согласно ее модели, при Хрущеве уровень международной агрессии СССР должен был быть выше, чем при Брежневом, однако, несмотря на карибский кризис 1962 г., статистически частота конфликтов была выше в 1964-1982 гг.³³⁹ Причины лежат в области взаимодействия экономических и политических элит, а именно – кому принадлежат материальные средства производства. Государства, согласно теории об его автономии, всегда имеют внешнеполитические интересы,

³³⁷ Первая сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет. Часть II. – М. 1990. С. 104.

³³⁸ Weeks J. Op. cit. P. 166-169.

³³⁹ Щербак А. Н. и др. Влияние внешней... С. 108-109.

которые стремятся реализовать любой ценой. Однако ввиду того, что интересы государства не сводятся только к этому, всегда имеется противовес внутри. Как показывают исследования, таким противовесом выступают экономические элиты. Причины их противостояния с «агрессивным» блоком могут иметь разные основания, но главной является то, что экономические элиты не хотят терять свой капитал и действуют они зачастую через существующие политические институты. Увеличение налогов, преимущество военных при государственных заказах, санкции и т.д. и вызывают недовольство экономических элит. В некоторых случаях, государство вынуждено оказывать прямую материальную помощь беднеющим элитам, что наблюдается в современной России. Когда происходит падение доходов экономических элит, то они, имея материальные средства производства, могут оказывать значительное влияние на политические элиты, что отчетливо было видно в Украине 2014 г. Однако, когда все материальные средства производства находятся в руках политических элит, то есть огосударствлены, то ни о каком расколе речи быть не может. Именно эту ситуацию можно было наблюдать в позднем СССР.

Подчиненность государству материальных средств производства не ведет автоматически к внешнеполитической агрессии, но создает условия для ее осуществления. В СССР, как было сказано ранее, причиной одного из самых значимых актов международной агрессии стало повышение цен на нефть.

Таким образом получается, что подчиненность материальных средств производства государству в СССР, редуцировавшая потенциал сдерживания через ослабление значимых политических институтов, давала возможность вести агрессивную внешнюю политику практически не считаясь с последствиями. Это, вкуче с неэффективностью экономической системы, привело к геополитическому перенапряжению и нехватке ресурсов. При попытке создать политические противовесы правящей элите (гласность, Съезды народных депутатов), была создана институциональная рамка, в пределах которой и возник раскол элит за уменьшающиеся ресурсы. Раскол элит, вкуче с

падением благосостояния населения, привел к делигитимации системы, после которой ее существование было уже невозможно.

Глава 3. Тестирование первоначальной гипотезы через аппарат булевой алгебры по Ч. Рэгину

3.1. Комплексный анализ случаев дезинтеграции государств (1971-2014 гг.)

Как было сказано ранее, ключевым фактором дезинтеграции государства является раскол элит, но этого фактора, конечно же, недостаточно. Исходя из теоретического рассмотрения государства и признаков его дезинтеграции, а также произведенных ранее case-studies подтвердилась роль иных факторов, приводящих к дезинтеграции государства. Для более точного понимания рассмотрим еще раз как эти факторы связаны с тем, что было определено ранее как признаки дезинтеграции. Учитывая, что эти факторы могут присутствовать, но не актуализироваться (нет причин-триггеров), то их стоит рассматривать в их потенциях.

Делегитимация власти может привести как минимум к отказу от существующего самоописания, как максимум к созданию нового, при условии наличия соответствующего дискурса (Self-Description Change Risks, SDChR).

Неэффективность экономического менеджмента, несбалансированность бюджета увеличивают риски возникновения фискального кризиса (State Fiscal Distress Risks, SFDR).

Недовольство населения может вести к массовой мобилизации (Mass Mobilization Risks, MMR).

Этническая неоднородность, автономия по национальному признаку и/или реальное или мнимое притеснение групп населения, проживающих на определенной территории в перспективе может привести к территориальной дезинтеграции, при условии наличия ресурсов у этих групп (Territorial Disintegration Risks, TDR).

Раскол элит может привести к их острому конфликту друг с другом и/или с государством (Elite Mobilization Risks, EMR)

Рассмотрим эти факторы в каждой из оставшихся стран и попробуем определить, какие именно причины-вызовы привели к недовольству элит, что в

конечном счете привело к дезинтеграции государства. Выполним это в хронологическом и алфавитном порядке.

Пакистан в 1969-1971 гг. После октябрьского военного переворота в 1958 г. к власти в стране пришел М. Айюб-хан, который изначально установил военную диктатуру, запретив деятельность партий. Но через 4 года разрешил деятельность оппозиции и ввел новую конституцию. Одной из ключевых проблем страны была региональная диспропорция между Западным Пакистаном и Восточным (позже ставшим независимым Бангладешем). Доходы граждан западной части страны были на 24% выше, чем в восточной, 2/3 всего производства так же было сосредоточено на западе³⁴⁰, и при этом в политической сфере так же доминировали представители западной части.

Ключевым аспектом, помогающим раскрыть механизмы государственной дезинтеграции в Пакистане в 1971 г., является структура парламента и отношения бизнеса и государства. В то время как в Западном Пакистане в парламенте доминировали землевладельцы (58%), то в Восточном – представители бизнес-элит (32%) и юристы (25%)³⁴¹. При этом важно подчеркнуть, что в обеих частях страны бизнес был предельно концентрирован в руках очень узкой группы лиц³⁴². Ситуация очень напоминает ту, что была описана при анализе Украины и более того, сын Айюб-хана, подобно А. В. Януковичу, также занимался бизнесом, притом настолько успешно, что семья президента стала одной из самых богатых в стране³⁴³. Как и в Украине, представители бизнеса в парламенте владели информационными ресурсами и имели возможность мобилизовать население на протестные акции³⁴⁴.

Логично предположить, что имея ресурсы для декларирования нового оппозиционного дискурса и для мобилизации населения, восточно-пакистанская элита активно этим пользовалась, что привело к гражданской

³⁴⁰ Maniruzzaman T. Crises in Political Development and the Collapse of the Ayub Regime in Pakistan. //The Journal of Developing Areas . 1971. Vol. 5, No. 2. P. 230-231

³⁴¹ Ibid. P.226

³⁴² Amjad R. Industrial Concentration and Economic Power in Pakistan // Pakistan Economic and Social Review, 1976. Vol. 14, No.1. P. 231

³⁴³ Siddiqui K. Conflict, Crisis and War in Pakistan. – New York: Praeger Publishers, 1972. P. 105

³⁴⁴ Hussain A. Elites and political development in Pakistan // The developing economies, 1976. Vol. 14. 3. P. 230-231.

войне в 1971 г. и разделу страны на две части. Несмотря на то, что Пакистан постоянно вел войны с Индией, нельзя говорить о том, что страна пережила дезинтеграцию из-за территориального («геополитического») перенапряжения, так как противостояние элит Востока и Запада наблюдалось с самого образования государства. Существовавшая дискриминация политических элит Востока позволяет с уверенностью говорить, что страна пережила дезинтеграцию из-за структурно-демографических причин-вызовов, так как элиты Востока практически были исключены из общегосударственного перераспределения ресурсов и были подвержены репрессиям различного рода³⁴⁵.

Таким образом получается:

SDChR: существовал дискурс, ставящий своей целью независимость части страны (Восточный Пакистан).

SFDR: региональные экономические диспропорции, концентрация ресурсов в руках узкой группы лиц, преимущественно в Западном Пакистане и особенно в руках семьи президента.

MMR: экономическая отсталость востока страны + SFDR

TDR: SDChR+MMR+EMR.

Сомали 1991 г. Несмотря на то, что одним из ключевых аспектов политической структуры страны была клановость³⁴⁶, структурные причины раскола элит как фактора дезинтеграции государства кардинально отличался от того, который был, например, в Йемене, где так же присутствовала клановость (см. ниже). Во-первых, кланы, кроме правящего, не имели достаточного количества ресурсов для открытого соперничества, а сам правящий клан стал таковым не по причине своего богатства, а потому что находился у власти. Во-вторых, экономика Сомали была национализирована и обогащение происходило не за счет бизнес-деятельности, а за счёт фактической

³⁴⁵ Ibid. P. 231.

³⁴⁶ Ingiriis M. H. The suicidal state in Somalia: The rise and fall of the Siad Barre Regime, 1969-1991. – Lanham, MD: University Press of America, 2016.

приватизации государственных финансов (именно финансов, а не средств производства)³⁴⁷. Соответственно, те, кто имел какое-либо влияние на политику государства, являлись его частью и не были заинтересованы в противостоянии с диктатором С. Барре, так как их интересы полностью совпадали с государственными.

Одним из главнейших элементов самоописания Сомали с момента прихода к власти Сияда Барре (1969-1991 гг.) была идея пансомализма, которая определяла практически полностью всю внешнюю политику и вызывала конфликты с Кенией, Эфиопией и Джибути³⁴⁸. Именно этот дискурс (как это было и в СССР) и предопределил будущее сомалийской системы. Важнейшим событием, которое положило начало дезинтеграции, стала война в Огадене в 1979 г. Воспользовавшись революцией в Эфиопии, Сомали вторглась на ее территорию и, несмотря на первоначальные успехи, эта операция не увенчалась успехом, что значительно подорвало авторитет существовавшего режима. Более того, после поражения в войне в Сомали усилились репрессии, в первую очередь против элит³⁴⁹. Но главным результатом войны стали экономико-социальные последствия: гибель на войне мобилизованных граждан и потоки беженцев предопределили политическую ориентацию севера страны (который пострадал от войны больше всего). Постоянная фактическая война с севером подорвала и без того слабую экономику страны: в 1986 г. Сомали на военные нужды потратила почти 29% ВВП страны³⁵⁰. В данном случае наблюдается та же причину-вызов раскола элит, который был описан Коллинзом: государство тратит значительную часть средств на внешнюю политику, что приводит к кризису. Однако в случае Сомали значительная часть средств шла на контроль

³⁴⁷ Ibid. P. 129

³⁴⁸ Clarke W. S., Gosende R. Somalia: Can a Collapsed State Reconstitute Itself? // State Failure and State Weakness in a Time of Terror. – Washington, DC: Brookings Institution Press, 2004. P. 134-135; Ahmed I. The heritage of war and state collapse in Somalia and Somaliland: Local-level effects, external interventions and reconstruction // Third World Quarterly, 1999. №20 (1). P. 117.

³⁴⁹ Clarke W. S., Gosende R. Somalia... P. 136; Черная Африка: прошлое и настоящее. / под ред. А. С. Балезина, С. В. Мазова, И. И. Филатовой. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 2016. С. 419.

³⁵⁰ World bank. Military expenditure (% of GDP) – Somalia // Всемирный банк. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/MS.MIL.XPND.GD.ZS?locations=SO&view=chart> (Дата посещения: 10.10.2020).

над собственной территорией, что не противоречит теории Коллинза: во-первых, значимая делигитимация власти произошла из-за войны с Огаденом, во-вторых, ключевым в теории является не внешняя политика сама по себе, а вопросы контроля над территорией. Потому можно утверждать, что недовольство элит, приведшее к дезинтеграции, было обусловлено территориальным («геополитическим») перенапряжением.

Таким образом получается:

SDChR: во-первых, уже при образовании Сомалийского государства, многие кланы заявляли, что их включили в это государство насильно³⁵¹, что уже делало существовавшее государство спорным с точки зрения легитимности. Во-вторых, война в Огадене подорвала оставшуюся легитимность идеи пансомализма, которая была ключевой в самоописании государства.

SFDR: Помимо клановой системы и перекосов бюджета, фактором, обусловившим неэффективность экономики, стала проводившаяся национализация, которая сильно ухудшила экономическое благосостояние и усиливала уже существовавший голод³⁵².

MMR: SFDR+ высокий уровень репрессий, особенно после поражения в войне.

TDR: значительная разница в развитии севера страны и юга³⁵³, а так же разрушения и потоки беженцев на севере, вызванные войной с Огаденом.

Эфиопия 1991-1993 гг. Дезинтеграция государства в Эфиопии в 1991 – 1993 гг. по своим структурным причинам раскола элит схожа с тем, что происходила в Сомали. После революции 1974 г. Временный военно-административный совет провел национализацию и установил очень жесткий контроль над гражданами³⁵⁴. Популярности новому режиму не прибавляла и

³⁵¹ Политические системы современных государств / Отв. ред.: М. Г. Миронюк; под общ. ред.: А. В. Торкунов; науч. ред.: А. Ю. Мельвиль. Т. 2: Азия. – М.: Аспект Пресс, 2012. С. 405

³⁵² Ahmed I. The heritage of war,, P. 117.

³⁵³ Черная Африка: прошлое и настоящее. / под ред. А. С. Балезина, С. В. Мазова, И. И. Филатовой. –М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 2016. С. 413, 415.

³⁵⁴ Young J. Peasant Revolution in Ethiopia. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 119.

налоговая политика, в результате которой у крестьян изымали значительное количество ресурсов³⁵⁵. Это, а так же нерешенные национальные проблемы, привели к противостоянию Тыграя и Эритреи (областей Эфиопии) с центральным правительством. Жёсткий дискурс, а так же отсутствие легальной оппозиции и рычагов влияния на руководство страны, предопределили пути решения данных проблем – открытая конфронтация и никаких переговоров. Стоит напомнить, что помимо борьбы с повстанцами Тыграя и Эритреи, Эфиопия вынуждена так же была бороться с Фронтом освобождения афаров и оромо, а так же в 1977 г. вести войну против Сомали и в 1983 проводить военную операцию против Судана. Становится очевидным, что Эфиопия в период с 1974 г. по 1991 г. столкнулась с территориальным («геополитическом») перенапряжением, так как значительную часть ресурсов была вынуждена тратить на военные действия. Так, например, в 1974 г. средства, полученные министерством обороны, составляли 18% от всех государственных расходов, а в 1988 г. уже 44%³⁵⁶. Такие «перекосы» бюджета, вкупе с неэффективным менеджментом и постоянными неудачами в борьбе с повстанцами, привели к экономическому кризису³⁵⁷ и полной делигитимации власти, в том числе и среди военных³⁵⁸.

Таким образом получается:

SDChR: Желание части провинций отсоединиться от Эфиопии, непопулярность социалистического режима.

SFDR: неэффективность существовавшего экономического строя, а так же засухи и вызванный ими голод 1983-1985 гг.³⁵⁹

MMR: Массовые репрессии, обеднение населения.

TDR: наличие территорий, стремившихся к независимости на протяжении всей второй половины XX в., в первую очередь, Эритреи.

³⁵⁵ Tareke G. et al. *The Ethiopian Revolution: War in the Horn of Africa*. Y. University Press, 2009. P. 153.

³⁵⁶ Ibid. P. 137.

³⁵⁷ Ibid. P. 158.

³⁵⁸ Young J. Op. cit. P. 159.

³⁵⁹ Хотя это скорее должно относиться к причинам-триггерам

Югославия 1991 г. Несмотря на то, что Югославия была социалистическим государством, вполне корректно говорить о том, что структура ее экономики была не полностью государственной, так как активную и значимую роль в ее экономическом развитии играли негосударственные предприятия³⁶⁰. Специфика югославской экономики заключалась в том, что ресурсы и средства производства концентрировались в руках национальных элит в каждой отдельной республике. Потому, когда в Югославии начался экономический спад и встал вопрос о выплате значительного общегосударственного внешнего долга³⁶¹, региональные элиты начали сопротивляться требованиям перераспределения доходов в пользу государства³⁶². Как следствие возникшего конфликта, первыми о своей независимости объявили самые богатые республики – Словения и Хорватия. На основании сказанного, можно сказать, что дезинтеграция югославского государства произошла из-за действий структурно-демографических причин-вызовов. До середины 1980-х гг., государство финансировало многие региональные экономические проекты, а когда столкнулось с кризисом, попыталось изымать ресурсы из регионов, против чего и выступили национальные элиты. Такое поведение имеет в своей основе ту же логику, что и перепроизводство элит – если в классическом варианте ресурсов не хватает какой-то определенной группе или нескольким, то в Югославии такими группами стали национальные элиты. Так же этот случай хорошо показывает как связаны между собой фискальный кризис и конфликт элит: пока государство служило источником обогащения для национальных элит, они его поддерживали, как только государство перестало выплачивать преференции и, более того, потребовало средства на собственное поддержание, элиты перестали быть заинтересованы в сохранении статус-кво.

³⁶⁰ Кудров В.М. Югославия: прощальный экономический и статистический портрет // *Общественные науки и современность*. 2002. № 1. С. 95-96.

³⁶¹ Žižmond E. The collapse of the Yugoslav economy // *Soviet Studies*, 1993. № 44 (1). P. 105.

³⁶² Woodward S. L. *Socialist Unemployment: The Political Economy of Yugoslavia, 1945-1990*. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1995. P. 238, 258.

Таким образом получается:

SDChR: желание независимости республик, падение престижа быть в составе Югославии по причине разрушения биполярного мира³⁶³.

SFDR: большой внешний долг государства. Прежде такой долг не влиял на политическую стабильность, так как страна находилась между двумя идеологическими лагерями – капиталистическим и социалистическим – а потому страны-доноры были больше заинтересованы не в возврате долга, а в том, чтобы Югославия не выбрала одну из сторон в холодной войне. После распада СССР ситуация изменилась и Югославия не могла получать в прежних объемах финансирование из вне.

MMR: потеря престижа социалистического пути, обеднение населения.

TDR: республики, границы которых в большинстве своем совпадали с национальностями, проживающими в них, колоссальное экономическое неравенство республик.

Афганистан 2001 г. Дезинтеграция государства в Афганистане произошла в 2001 г. после введения войск США³⁶⁴, к чему привели агрессивные действия Талибана, включая внешнеполитические. Если обратиться к анализу истории Афганистана 1996-2001 гг., то будет практически та же политическая динамика, что и в Ираке (см. ниже): полное подчинение всех доступных ресурсов, запрещение политического участия, формирование системы без каких-либо рычагов влияния на принятие решений со стороны общества и агрессивная внешняя политика³⁶⁵. Здесь нет смысла подробно описывать историю Афганистана в рассматриваемый период, так как режим талибов просуществовал относительно недолго и его деструктивная деятельность широко известна.

Однако важной проблемой становится то, что Талибан пришел к власти после гражданской войны 1992-1996 гг., сумев подчинить себе 90%

³⁶³ Более подробно см.: Коллинз Р. Макроситория...

³⁶⁴ Sidky H. War, Changing Patterns of Warfare, State Collapse, and Transnational Violence in Afghanistan: 1978–2001 // *Modern Asian Studies*. – 2007. – № 41 (04). P. 849 – 888.

³⁶⁵ Crews R. D., Amin T. *The Taliban and the Crisis of Afghanistan*. – Harvard University Press, 2008. P.90-117.

территории³⁶⁶, то есть в тот момент, когда уже была дезинтеграция государства. Истоки этой дезинтеграции лежат в непопулярной деятельности М. Наджибуллы в 1986-1992 гг., который, в свою очередь, проводил политику в условиях фактической гражданской войны, шедшей с 1979 г. и вызванной, в том числе, введением войск в Афганистан СССР.

Таким образом получается, что дезинтеграция государства в Афганистане случилась как минимум дважды: в 1992 и 2001 гг.

Рассмотрим структурные факторы, которые сделали это возможным.

SDChR: В 1978 г. в результате переворота к власти пришла радикальная левая партия (НДПА), после чего (в конце 1979 г.) началось вторжение СССР для поддержки одного из лидеров этой партии (Б. Кармаля). Таким образом сразу, на первоначальном этапе становления нового режима, обозначились оппозиционные дискурсы – как против коммунистических идей, так и против иностранного вторжения (что было взаимосвязано).

В 1989 г. произошел вывод советских войск из Афганистана, но социалистический режим продержался до 1992 г. Рухнул он, в первую очередь, из-за полной потери поддержки СССР, который прекратил свое существование за год до этого.

После реализовавшегося хаоса и анархии 1992-1996 гг., Талибан построил свое государство на идеях радикального ислама, что тут же привело к появлению оппозиционного дискурса, сформированного преимущественно на севере страны³⁶⁷.

SFDR: В изначально бедной и неразвитой стране проводилась национализация и закрытие крупных частных предприятий³⁶⁸, что увеличивало экономические риски. Однако главную роль в возникновении фискального кризиса сыграли постоянные гражданские войны и вторжение советских и американский войск.

³⁶⁶ Политические системы современных государств / Отв. ред.: М. Г. Миронюк; под общ. ред.: А. В. Торкунов; науч. ред.: А. Ю. Мельвиль. Т. 2: Азия. – М.: Аспект Пресс, 2012. С. 12.

³⁶⁷ Там же.

³⁶⁸ Коргун В.К. История Афганистана. XX век. – М.: Ин-т востоковедения: Крафт+, 2004. С. 375.

MMR: SDChR+ SFDR.

TDR: Как и во многих проанализированных странах, одной из ключевых причин, приведших к территориальной дезинтеграции, стала племенная структура Афганистана, а так же разнообразный этнический состав: пуштуны, узбеки, таджики и хазарейцы³⁶⁹. В условиях доминирования пуштунов и не допуска к власти других народностей, риски отсоединения территорий были высокими.

Как видно, причины дезинтеграции государства в 1992 и 2001 гг. совпадают, но возникает вопрос с причинами расколов элит. Для 1992 г. трудно проводить анализ, так как фактически война шла с 1979 г. Для 2001 EMR достаточно очевидны:³⁷⁰ ключевым актором, вызвавшим недовольство, стало само государство талибов: централизованная (насколько это возможно в тех условиях) экономика, агрессивная внешняя политика, высокий уровень репрессий против элит.

Ирак 2003 г. Несмотря на то, что было вторжение войск иностранных государств, Ирак является ярким примером дезинтеграции государства из-за «геополитического» (территориального) перенапряжения. Как и в случае СССР, основным фактором, обуславливающим проведение агрессивной внешней политики Ирака, стали значительные доходы от продажи нефти и практически полный контроль над экономикой. Так, например, в 1979 г. доходы от нефти в государственном бюджете составляли 62,7%, а доля государственного сектора от всего производства в 1977 г. составила 80%³⁷¹. При этом, около 40% доходов, полученных от продажи нефти, шли на военные цели³⁷². Потому логично ожидать, что 1) режим не нуждался в широкой внутриэлитной поддержке, скорее он сам создавал возможности для интеграции тех, кого сочтет нужным и 2) не имея ограничений внутри страны, будет склонен вести

³⁶⁹ Nuruzzaman M. Federalism and State Disintegration – United Pakistan, 1947–1971: Some Historical Lessons for Afghanistan and Iraq // *Journal of Asian and African Studies*, 2010. – № 45(5). P.504–521; Khamagaev A. Afghanistan: An ethnopolitical portrait – a unitary or a federal state? // *Journal of Social and Political Studies*, 2003 – № 4(23).

³⁷⁰ По этой причине в дальнейшем при анализе будет использоваться только кейс 2001 г.

³⁷¹ Marr P. *The Modern History of Iraq*. 4 edn. – Boulder: Westview Press, 2017. P. 126-127.

³⁷² Colgan J. *Petro-Aggression: When Oil Causes War*. – New York: Cambridge University Press, 2013. P. 104.

агрессивную внешнюю политику. Итогом развития Ирака при Саддаме Хусейне стала международная изоляция и последующее введение войск в страну. После войны с Кувейтом, еще за почти десятилетие до введения войск, Курдистан практически был независимым, а экономические проблемы стали заметными³⁷³. После свержения Хусейна многие подавляемые им группы восстали, что привело и привело к государственной дезинтеграции.

SDChR: чрезмерная международная агрессия и высокий уровень репрессий внутри страны являлись значимым основанием желая акторов как вне, так и внутри страны изменить существующую систему.

SFDR: практически полное отсутствие предпринимательства, чрезмерная зависимость доходов бюджета от продажи нефти и перекосы бюджета в сторону усиления ВПК делали экономическую систему крайне нестабильной. Усугубила ситуацию международная изоляция и санкции, последовавшие после войны с Кувейтом.

MMP: обеднение населения, а так же притеснение и репрессии против курдов и шиитов.

TDR: компактно проживающие на севере курды и шииты на юге (в то время как в центре проживали арабы-сунниты) повышали риски дезинтеграции страны.

Йемен 2011-2015 гг. Причины-вызовы раскола элит Йемена схожи с теми же, которые наблюдались в Украине и Пакистане. Во-первых, в Йемене наблюдался региональный раскол, который в данном случае прошел по линии Север-Юг. Во-вторых, значительная часть ресурсов страны была сосредоточена в руках двух кланов³⁷⁴. Клановая система управления, заключающаяся, по сути, в разделении власти между семьей президента Али Абдаллы Салеха и семьей спикера парламента Абдаллы Аль-Ахмара, обеспечивала относительную

³⁷³ Труевцев К.М. Ирак после диктатуры: девять трудных лет // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны / Под ред. А.В. Коротаева, Л.М. Исаева, А.Р. Шишкиной. – М.:URSS, 2013. С. 107-137.

³⁷⁴ Рябов П. П. «Арабская весна» по-йеменски. – М.: Институт Ближнего Востока, 2017. С. 21, 94; Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Сирия и Йемен: неоконченные революции. – М.: Либроком, 2012. С. 38

стабильность государства до 2007 г. После смерти Аль-Ахмара президент перестал считаться с интересами союзного клана, что закономерно вызвало значительное недовольство, особенно среди сыновей погибшего спикера³⁷⁵. Ситуацию усугубляло наличие еще нескольких расколов с центральным правительством: с хуситами-зейдитами на севере страны и с движением аль-хирак на юге. Хуситы выступали изначально против Салеха так как полагали, что он не учитывает интересы зейдитов, сосредоточенных в нагорной части страны, а сам президент на ранних этапах отказывался вести с ними диалог и как-то уладить конфликт³⁷⁶. После отставки Салеха и усиления представителей клана Аль-Ахмаров, хуситы объединились со сторонниками Салеха, а в конце 2014 г. они и вовсе захватили власть.

На юге страны практически сразу после объединения Йемена возникло сепаратистское движение, которое вынуждено было свернуть свою деятельность после неудачной попытки отделения в 1994 г., но возродившееся и оформившееся в 2007 г. в движение аль-хирак. Оно активизировалось сразу после начала революции в 2011 г., но заметно усилилось в 2014 г.³⁷⁷ Более того, на ситуацию в стране влияет активное вмешательство государств-претендентов на региональную гегемонию.

Все эти расколы и противоречия принципиально важны для понимания текущей ситуации в Йемене, но в рамках данного исследования важно понять истоки изначального кризиса, потому что все остальные события так или иначе являются продолжением развития ситуации, которая сформировалась в 2011 г.

Несмотря на то, что политическая система Йемена до 2011 г. была фактически подчинена президенту, в целом деятельность оппозиционных партий была разрешена и именно через партийные структуры был выражен

³⁷⁵ Исаев Л. М., Труевцев К. М. Йемен: конец эпохи Салеха // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны / Отв. ред.: Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина, А. В. Коротаев. – М.: ЛЕНАНД, 2013. Гл. 6. С. 153; Серебров С.Н. Йемен: национальный диалог и проблема сепаратизма юга // Бюллетень ИВ РАН: Оценка и идеи, 2014, т. 1. – № 5. С. 1-20.

³⁷⁶ Brandt M. Twelve Years of Shifting Sands: Conflict Mediation with Yemen's Houthis, 2004-2016// Jemen Report. – 2018. – № 49,1/2. – P. 104-116.

³⁷⁷ Серебров С.Н. Йемен... С. 6.

оппозиционный дискурс для мобилизации населения³⁷⁸. Например, значимым актором в политическом процессе с начала дестабилизации являлось объединение пяти оппозиционных партий – Единая партийная ассамблея Йемена. Исходя из сказанного, становится очевидным, что дезинтеграция в Йемене произошла главным образом из-за внутриэлитных конфликтов, хотя и нельзя сводить причины дезинтеграции только к ним.

SDChR: клановость системы вкупе с авторитарным правлением, а так же высокий уровень насилия (теракты, покушения на представителей элиты и т.п.) снижали уровень легитимности системы. Ключевым фактором именно смены самоописания (а не отказа от предшествующего) стал приход к власти хуситов, что стало поворотной точкой в дезинтеграции государства³⁷⁹.

SFDR: Недостатки экономической системы Йемена так же частично объясняются клановой спецификой устройства государства. Так, например, в некоторых городах врачи и директора школ являлись родственниками глав местных племен, даже не имея подходящего образования³⁸⁰. Еще одним немаловажным фактором является зависимость государства от продажи нефти и иностранной помощи. Указанные выше недостатки экономической системы усугубляются так же высоким уровнем коррупции и общей бедностью населения³⁸¹.

MMR: Йеменское население является достаточно бедным. Значимым фактором недовольства населения является крайняя неудовлетворённость жизнью³⁸².

TDR: Помимо ранее указанного различия в экономическом развитии севера и юга страны, немаловажным фактором проявившегося особенно отчетливо с 2015 г. распада является историческое наследие: до 1990 г. не

³⁷⁸ Grinin L. E., Korotayev A., Tausch A. Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. World System and World Values Perspectives. – Dordrecht : Springer, 2019. P. 191.

³⁷⁹ Исаев Л. М., Коротаев А. В., Гринин Л. Е. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. – М.: Учитель, 2015. С.116-127

³⁸⁰ Исаев Л. М., Труевцев К. М. Йемен... С. 144.

³⁸¹ Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Сирия и Йемен... С. 8-51.

³⁸² Arampatzis E., Burger M. J., Ianchovichina E., Röhrich T., Veenhoven R. Unhappy Development: Dissatisfaction with Life on the Eve of the Arab Spring // Review of Income and Wealth. – 2018. – Vol. 64. – P. S80-S113.

существовало единой страны, были две независимые республики: Йеменская Арабская и Народная Демократическая. Так же стоит учитывать множество религиозных расколов в стране, в первую очередь между суннитами юга и зейдитами севера.

Ливия 2011 г. В Ливии, как и во всех других проанализированных странах, наблюдаются все признаки того, что было определено как дезинтеграция государства, но при этом, события, происходящие в этой стране с 2011 г. трудно поддаются анализу в рамках предлагаемой модели.

С одной стороны, в Ливии накануне революции 2011 г. наблюдались все необходимые для реализации дезинтеграции факторы, с другой, там отсутствовали развитые государственные институты. Рассмотрим все это по порядку.

Исследователи отмечают, что в Ливии был четко виден территориальный раскол, в первую очередь, между Триполитанией (северо-запад) и Киренаикой (северо-восток). Различия в регионах определялись как уровнем социального развития, так и репрезентацией в политической системе страны³⁸³. Это свидетельствует о том, риск территориальной дезинтеграции (TDR) присутствовал в Ливии накануне 2011 г.

Так же, несмотря на то, что ВВП на душу населения в Ливии устойчиво рос накануне дестабилизации³⁸⁴, параллельно с этим был высок и уровень безработицы, и именно безработные стали значимой движущей силой революции и последующих гражданских войн³⁸⁵. Учитывая ливийскую клановую структуру, в которой приоритет отдавался выходцам из ограниченного числа племен, корректно утверждать, что в Ливии накануне 2011 г. присутствовали риски массовой мобилизации (MMR).

³⁸³ Paoletti E. Libya: Roots of a Civil Conflict // Mediterranean Politics. – 2011. – № 16(2). – P. 313; Lacher W. Families, Tribes and Cities in the Libyan Revolution // Middle East Policy, 2011. – №. 18. – P. 144.

³⁸⁴ <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.KD?locations=LY&view=chart>

³⁸⁵ Costantini I. Conflict dynamics in post-2011 Libya: a political economy perspective // Conflict, Security & Development. – 2016. – № 16(5). – P 414.

Другие же факторы дезинтеграции государства сложнее поддаются анализу, в первую очередь из-за особенностей политической структуры. Во-первых, в стране ключевые политические должности не были институционализированы, а так же не было традиционных партий и системы выборов³⁸⁶. Во-вторых, те, кто занимал ключевые позиции в структурах власти и мог как-то влиять на процесс принятия решений, входил в очень узкий круг родственников М. Каддафи³⁸⁷. Факт того, что буквально в первые же дни начала протестов часть политической верхушки страны перешла на сторону протестующих³⁸⁸, говорит о том, что многие представители элиты были недовольны (EMR). Но понять, чем это конкретно было вызвано, достаточно трудно.

Основным источником доходов Джамахирии являлись, как известно, средства, полученные от продажи нефти. Именно нефтяные доходы и революционная идеология позволяли Каддафи длительное время вести агрессивную внешнюю политику³⁸⁹. Когда в 1990-е гг. против Ливии были введены международные санкции, прекратил свое существование СССР, оказывавший значительную материальную и военную помощь, а так же упали мировые цены на нефть, Каддафи изменил свою политику на более мирную. С одной стороны, есть основания утверждать, что именно агрессивная внешняя политика привела к уменьшению рентных доходов, что и вызывало недовольство элит. Но с другой стороны, значимые международные ограничения были сняты в 2000-е гг., и в тоже самое время цены на нефть стали значительно выше, чем были в 1990-е гг. и потому трудно объяснить, почему элиты не мобилизовались против режима в 1990-е гг. В качестве контраргумента стоит отметить, что к середине первого десятилетия XXI в Ливии не была проведена модернизация нефтедобывающего оборудования, а

³⁸⁶ Mattes H. Formal and Informal Authority in Libya since 1969 / Vandewalle D. (ed.) *Libya since 1969: Qadhafi's Revolution Revisited*. – Palgrave Macmillan, 2008. P. 55-57.

³⁸⁷ Ibid. P. 74-77.

³⁸⁸ Paoletti E. *Libya...* P. 142

³⁸⁹ Colgan J. *Petro-Aggression...*

потому уровень добычи нефти постоянно снижался даже уже в благоприятствующих условиях³⁹⁰. Нараставшая непопулярность режима³⁹¹, вкпе с уменьшением доходов, согласно нашей модели, и должна была вызвать раскол элит (EMR). Тогда опять же возникает закономерный вопрос – а почему элиты ждали до 2011 г., а не начали действовать сразу, как, например, в Сомали после Огаденской войны? В отличие от Сомали, в Ливии был сравнительно низкий уровень внутриэлитных репрессий³⁹² и, таким образом, элитам было выгоднее и разумнее ждать какого-то значимого повода, чтобы выступить против сложившегося статус-кво. Исходя из такой интерпретации, можно говорить о том, что главным актором, вызвавшим раскол элит, приведшим к дезинтеграции, стало само государство.

С другой стороны, у нас нет оснований утверждать, что только политическая элита Джамахирии распоряжалась нефтяными доходами, учитывая угрозы прекратить добычу нефти со стороны лидеров некоторых племен, не входивших в круг тех, кто принимал участие в управлении страной³⁹³. Так же не стоит забывать, что значимую роль в обогащении племенных элит, большую часть которых Каддафи притеснял, составляла незаконная торговля³⁹⁴. Соответственно возможно, что при уменьшении количества доступных ресурсов, племена начали соперничество между собой и против центрального правительства. В рамках такой интерпретации выходит, что главным актором, вызвавшим раскол элит, были сами элиты.

Ключевой проблемой обоих объяснений является то, что: во-первых, практически ничего не известно о распределении доходов между различными племенами и кланами³⁹⁵, во-вторых, из-за специфической политической структуры Ливии невозможно провести разграничение между тем, где

³⁹⁰ Ibid. P. 145.

³⁹¹ Ibid. P. 145-147

³⁹² Хотя он и рос в 1990-е: Lamma M. B. The Tribal Structure in Libya: Factor for fragmentation or cohesion? P. 32. // Frstrategie. URL: <https://frstrategie.org/web/documents/programmes/observatoire-du-monde-arabo-musulman-et-du-sahel/publications/en/14.pdf> (дата обращения: 05.05 2021)

³⁹³ Lacher W. Op. cit. P. 144

³⁹⁴ Costantini I. Op. cit. P. 410

³⁹⁵ Lamma M. B. Op. cit. 11-25.

происходила концентрация ресурсов: в руках государственных структур или же узкой группы лиц, так как не совсем понятно, кому именно принадлежали основные средств производства.

Именно из-за специфики государственных институтов и информационной закрытости, события в Ливии, начавшиеся с 2011 г., были исключены из анализа.

3.2. Формулирование модели на основании первоначальной гипотезы и ее верификация через аппарат булевой алгебры по Ч. Рэгину

На основании ранее проанализированных материалов, можно подвести некоторые итоги и уточнить модель, которая позволит объяснить, почему в одних случаях наблюдались структурно-демографические причины-вызовы раскола элит при дезинтеграции государства, а в других «геополитические» (территориальные).

С аналитической точки зрения уместно рассмотреть процесс дезинтеграции в обратном порядке, так как при движении по «воронке причинности»³⁹⁶ от последней точки до начальной, количество влияющих факторов будет возрастать и их вычленение будет все более затруднительным.

Убежденность населения и элит в том, что «существующие политические институты лучше, чем любые другие, какие могут быть установлены»³⁹⁷ является последним бастионом на пути дезинтеграции государства – пока существующие порядки признаются легитимными, то система не сможет быть изменена значительно. Даже потеря контроля над определенной территорией или же сецессия будут свидетельствовать только о том, что лишь часть населения, сгруппированная по национальному или другому признаку, считает нынешний порядок вещей нелегитимным. Делегитимация власти «преобладает, когда деятели политической элиты разделены и нерешительны, тогда как массы переходят от отчужденного недовольства и нелояльности к оппозиционным действиям»³⁹⁸. Делегитимация власти дает возможность отказаться от существующего самоописания системы и даже предложить какое-то альтернативное, что делает существование государства в прежнем виде невозможным. Именно поэтому последней точкой дезинтеграции является смена самоописания в центре государства, в его столице.

³⁹⁶ Ильин М. В. Воронка причинности...

³⁹⁷ Linz J.J. *The Breakdown of Democratic Regimes: Crisis, Breakdown, and Reequilibration*. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978. P. 17.

³⁹⁸ Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: Случай Советского коллапса// *Время мира. Альманах*. Вып.1: Историческая макросоциология в XX веке / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск. 2000. С.241.

Делигитимацию вызывает множество факторов, и так как закономерности ее возникновения не входили в задачи данного исследования, отметим лишь наиболее частые причины ее возникновения, указанные учеными. Первая главная причина – реальное обнищание (*immiseration*) населения³⁹⁹, которое наблюдалось, например, в Украине, несмотря на то, что официальные власти пытались это скрыть. Вторая причина – относительная депривация, когда реальный экономический рост не соответствует ожиданиям населения⁴⁰⁰. Реальное или мнимое обнищание населения ведет к массовой мобилизации, в основе которой лежит мобилизующий дискурс, базирующийся либо на отказе от существующего самоописания системы или же предлагающий существующему самоописанию альтернативу. Важно отметить, что не всякий мобилизующий дискурс подрывает основы существования системы, но так как в центре внимания диссертации находятся только случаи дезинтеграции государств (самый крайний полюс политической дестабилизации), основное внимание уделялось изучению причин, когда такому радикальному мобилизующему дискурсу удавалось привести к дезинтеграции.

Как было сказано и доказано ранее, ключевым успехом массовой мобилизации и последующего отказа от/смены самоописания, является раскол элит. Если массовая мобилизация будет происходить только снизу, то она не будет иметь успеха, когда элиты консолидированы. Потому для успеха массовой мобилизации необходимо, чтобы хотя бы часть существующей элиты поддержала протестующих, так как это не только увеличивает шансы на успех со стороны протестующих, но и так же увеличивает массовость самой мобилизации⁴⁰¹.

По этой причине раскол элит является необходимым (пусть и не достаточным) фактором, который приводит к дезинтеграции государства.

³⁹⁹ Goldstone J. *Revolution and Rebellion...*; Turchin P. *Modeling Social Pressures...*

⁴⁰⁰ Davies J. *Toward a Theory of Revolution* // *American Sociological Review*. – Menasha, Wis, 1962. №27. P. 5–19.

⁴⁰¹ См., напр.: Foran J. *Discourses and Social Forces: The Role of Culture and Cultural Studies in Understanding Revolutions* // Foran J. ed. *Theorizing Revolutions: Disciplines, Approaches*. – London: Routledge, 1997. P. 197-220; Edwards B., McCarthy J.D. *Resources and social movement mobilization* // Snow D.A., Soule S.A., Kriesee H. (eds). *The Blackwell Companion to Social Movements*. – Malden, Blackwell. MA. 2004. P. 116–152.

Причинами раскола элит является множество различных явлений как объективного, так и субъективного толка. К объективным причинам можно отнести, как уже было сказано ранее, нехватку ресурсов, причем как материальных, так и властных и символических. К субъективным можно отнести восприятие элитами существующего режима как несправедливого и/или неэффективного⁴⁰². Несмотря на то, что субъективные причины являются принципиально важными в процессе дезинтеграции государства (например, во время иранской революции 1978-1979 гг.), они носят не структурный характер и трудно поддаются операционализации, а потому в данном исследовании были опущены.

Если расставить объективные причины в их иерархии, то властные и символические ресурсы уже включают в себя материальные – без последних первые теряют свою значимость. По этой причине во всех случаях, что были рассмотрены, недовольство элит всегда сопровождалось сужением ресурсной базы. По этой же причине на протяжении всего исследования под ресурсами имелись ввиду только материальные, если другое не было оговорено.

Несмотря на то, что элиты всегда стремятся к обогащению, а так же то, что в большинстве случаев ресурсы всегда ограничены, как было показано, раскол элит имеет своим источником различные причины.

В первом крайнем случае (Пакистан, Югославия, Йемен и Украина) главной причиной раскола элит структурно-демографические аспекты политической динамики. Элитных групп становилось слишком много, а ограниченных ресурсов меньше, в том числе и потому, что было слишком много претендентов на эти ресурсы. Таким образом получается, что определенная группа (или группы) элит, которая имеет преимущество в материальных и, довольно часто, во властных ресурсах, старается ограничить доступ к ресурсам другим группам (случаи Пакистана и Йемена), либо же начинает изымать ресурсы у этих групп (случаи Югославии и Украины), что

⁴⁰² Goldstone J. Pathways to State Failure // Conflict Management and Peace Science, 2008. №25. P.286.

приводит к острому конфликту элит и к последующей дезинтеграции государства.

Во втором крайнем случае (Сомали, СССР, Эфиопия, Афганистан, Ирак) главной причиной раскола элита являлась агрессивная политика самого государства, действия которого направлены либо на ведение войн (Сомали, СССР, Афганистан, Ирак), либо на удержание каких-либо территорий (Эфиопия), что подрывает благосостояние государства и, соответственно, уменьшает ресурсную базу от которой элиты зависят. Несмотря на то, что в Афганистане и Ираке раскол элит случился уже после введения войск, основные причины существовали задолго до 2001 г. и 2003 г соответственно.

В обоих случаях сужение ресурсной базы для обогащения элит сопровождается другими экономическими проблемами (вызванными неэффективным бюджетным менеджментом, бюджетными диспропорциями, санкциями и т.д.), что в своей совокупности приводит к фискальному кризису.

Еще одним аспектом дезинтеграции государства становится его территориальный распад (территориальная дезинтеграция). Это следствие обусловлено наличием соответствующих факторов, таких как: этническая неоднородность, автономия по национальному признаку и/или реальное или мнимое притеснение групп населения, проживающих на определенной территории.

Таким образом получается (см. подробнее параграф 3.1.), что дезинтеграции государства случается при наличии как минимум пяти факторов:

- делегитимации власти,
- массовой мобилизации,
- экономическом кризисе,
- расколе элит,
- этнической неоднородности.

Исходя из сказанного, необходимо понять, почему в одном случае недовольство элит вызывается структурно-демографическими причинами-вызовами, а в другом «геополитическими». Такая постановка вопроса не равна

вопросу о том, почему происходит дезинтеграция государства в целом, но поможет пролить свет на истоки раскола элит как фактора самой серьезной политической дестабилизации.

Во введении была высказана гипотеза что разные причины раскола элит связаны с подчиненностью/ независимостью элит от государства, а именно с доминирующим типом собственности и степенью развитости легальной политической конкуренции.

В условиях концентрации ресурсов и средств производства в руках узкой группы элит и наличии легальной политической конкуренции будет реализовываться динамика дезинтеграции, при которой будут реализовываться структурно-демографические причины-вызовы раскола элит. На примере исследования украинского кейса было показано, что определенные группы, в руках которых находились значимые материальные ресурсы, оказывали значительное влияние на мобилизацию населения, а развитая легальная политическая конкуренция блокировала возможности Януковича подавить их. Схожее развитие ситуации наблюдалось и в Пакистане. В других же случаях (Югославия, Йемен), такие группы использовали парламентские структуры для декларирования оппозиционного дискурса и мобилизации населения.

В условиях концентрации ресурсов и средств производства в руках государства и отсутствии легальной политической конкуренции будет реализовываться «геополитическая» динамика дезинтеграции. На примере исследования СССР было показано, что государство, не имея публичной системы сдержек и противовесов (которая невозможна без легальной политической конкуренции), вело достаточно агрессивную внешнюю политику, подрывая и без того не очень эффективную экономику. Основными причинами агрессивной внешней политики были конфронтационный дискурс и зависимость наполняемости бюджета от продажи нефти (как и в случае Ирака). В других же случаях (Сомали, Афганистан) основным источником агрессивной политики служил радикальный дискурс (пансомализм и исламизм,

соответственно). Единственный случай, слегка выбивающийся из этой закономерности – Эфиопия, но о ней будет сказано позже.

Таким образом, для верификации гипотез, необходимо проверить следующие признаки:

- 1) В чьих руках концентрировались ресурсы и средства на их производство: в руках узких групп лиц (Concentration, C) или же в руках государства (Public sector, P)?
- 2) Велась ли агрессивная внешняя политика? (Aggressive, A), что будет повышать риски возникновения фискального кризиса и кризиса легитимности.

Для понимания того, была ли легальная политическая конкуренция, требуется предварительная концептуализация.

В самом широком смысле под легальной политической конкуренцией предлагается понимать возможность открыто транслировать дискурс, отличный от официального и блокировать решения исполнительной власти и/или имплементировать законопроекты, невыгодные исполнительной власти.

Один из самых простых способов определения наличия легальной политической конкуренции – это эффективность парламента. Если он не эффективен (не сопротивляется решениям исполнительной власти и сам не стремится имплементировать то, что исполнительной власти невыгодно), то это означает, что политическая конкуренция отсутствует.

Еще один простой способ определить наличие конкуренции – это посмотреть на то, как происходят выборы в парламент и на должность главы исполнительной власти. Конкурентность при избрании главы исполнительной власти, за исключением Украины, в рассматриваемых странах отсутствовала, а потому уже на раннем этапе можно исключить этот показатель, так как он не даст ничего нового.

Третьим способом понять, была ли политическая конкуренция, может быть факт наличия оппозиции в парламенте, так как даже меньшинство, но

настроенное агрессивно, может мобилизовать население, а так же вынудить исполнительную власть на какие-либо решения или же отказаться от таковых.

На основании сказанного можно предложить список признаков:

- 3) Был ли парламент эффективным (Efficiency, E)?
- 4) Наблюдалась ли соревновательность при избрании в парламент (Openness, O)?
- 5) Присутствовала ли оппозиция в парламенте (Legal opposition. L)?

Теперь стоит рассмотреть то, как отвечать на 5 поставленных вопросов.

Для того чтобы оценить в чьих руках происходила концентрация ресурсов и средств производства, использовались качественные оценки, обоснование которых было приведено при анализе каждого конкретного случая дезинтеграции государств (см. параграф 1. Гл 3.).

Для выявления остальных указанных признаков были использованы существующие базы данных: Militarized Interstate Dispute Data проекта The Correlates of War, Cross-National Time Series (CNTS) и Polity5.

Агрессивность внешней политики (A) определялась по параметру Highest action in dispute в БД Militarized Interstate Dispute. Агрессивной считалась политика, если присутствовало в период предшествующих 15 лет хоть одно из указанных событий:⁴⁰³ оккупация территории (14), захват территории (15), атака (16) и начало войны (20)⁴⁰⁴.

Легислатура считалась эффективной (E), если параметр Leg 3 (эффективность легислатуры) кодировался как 2 (частично эффективная) и выше.

Для оценки соревновательности (O) в политической системе использовались БД CNTS и Polity5. Система считалась соревновательной либо если параметр Leg 4 в CNTS, то есть процесс выдвижения в легислатуру, был со значением 2 или 3, (частично соревновательный процесс, соревновательный

⁴⁰³ Далее в скобках указаны коды событий принятые в указанной БД.

⁴⁰⁴ Palmer G. et al. Codebook for the Militarized Interstate Dispute Data // Correlates of War Project. URL: <http://www.correlatesofwar.org/> (Дата посещения: 10.10.2020). P. 3.

процесс)⁴⁰⁵, либо параметр PARCOMP (соревновательность участия) со значением 3 (фракционное участие) и выше в Polity5.

Если параметр leg 5 (коалиции) имеет значение выше 2 (больше одной партии, государственная коалиция и оппозиция), то система рассматривается как разрешающая парламентскую оппозицию (L).

Используя аппарат булевой алгебры по Рэгину, присутствие признака кодировалось как 1, отсутствие как 0.

Но проводить исследование только на «удачных» случаях не совсем корректно, а потому в исследование будут так же добавлены государства, в которых наблюдаются схожие факторы, однако дезинтеграция государства не происходит.

Было выбрано три кейса: современный Кыргызстан, современная Нигерия и современный (после 1989 г.) Иран. Все эти три государства выбраны потому, что их современное положение схоже с рассмотренными ранее государствами: во всех присутствует этническая неоднородность, все они так или иначе находятся в зоне риска возникновения фискального кризиса. Нигерия и Кыргызстан переживают постоянную политическую нестабильность, а Иран ведет достаточно агрессивную внешнюю политику.

Результаты анализа представлены в таблице в приложении 2.

На основании данных из таблицы приложения 2, можно написать формулы для каждой страны и найти общее:⁴⁰⁶

Структурно-демографические причины-вызовы раскола элит: (Пакистан 1971 г., Югославия 1991 г., Йемен 2011-2015 гг., Украина 2014 г.):
 $ASpEOL+aCpEOl+aCpeOL+aCpEOL= CpO.$

Из данной формулы следует, что структурно-демографическая динамика дезинтеграции государства наблюдалась в странах с концентрацией ресурсов и

⁴⁰⁵ Wilson K. Cross-National Time-Series Data Archive: User's Manual. Jerusalem: Databanks International, 2018. P. 14.

⁴⁰⁶ Прописными буквами обозначается присутствие признака, строчными отсутствие.

средств производства в руках узкой группы лиц и где присутствовала легальная политическая конкуренция.

Применение аппарата булевой алгебры по Рэгину требует универсальности параметров, однако из формул можно заметить, что в двух случаях присутствует парламентская оппозиция и сам парламент эффективен, а в двух других случаях идет комбинация признаков: если отсутствует парламентская оппозиция (Югославия), то присутствует эффективность парламента и наоборот: если присутствует парламентская оппозиция (Йемен), то отсутствует эффективность парламента.

Какой вывод можно сделать? Эффективность парламента, то есть который имеет субъектность, является важным условием дестабилизации системы при наличии сопутствующих факторов, но главным является факт наличия легальной политической оппозиции, то есть политической конкуренции. Эффективный парламент, если он реально имеет субъектность, очень легко может стать оппозиционным, что видно в случае Югославии. Именно через парламентские структуры оппозиция смогла сформулировать оппозиционный дискурс и мобилизовать население. В Украине же основным механизмом стал переход депутатов из провластной Партии Регионов и присоединение к парламентской оппозиции. Таким образом можно сделать вывод, что наличие легальной политической конкуренции в условиях концентрации ресурсов в руках узких групп лиц привело в рассматриваемых кейсах к институционализированному конфликту элит.

Визуально это можно представить в виде таблицы, где «+» будет означать наличие признака, а «-».

Таблица 5. Анализ случаев крушения государств через аппарат булевой алгебры по Ч. Рэгину

Государство	Концентрация ресурсов и средств производства в руках узкой группы	Концентрация ресурсов и средств производства в руках государства	Соревновательность политического участия
Пакистан 1971 г.	+	–	+
Югославия 1991 г.	+	–	+
Йемен 2011 г.	+	–	+
Украина 2014 г.	+	–	+

«Геополитические» причины-вызовы раскола элит: (Сомали 1991 г., СССР 1991 г., Эфиопия 1991-1993 гг., Афганистан 2001 г., Ирак 2003 г.) следует описывать так: $AcPeol+AcPeol+acPeol+acPeol+AcPeol= cPeol$.

Из данной формулы следует, что «геополитическая» динамика дезинтеграции государства наблюдалась в странах с концентрацией ресурсов и средств производства в руках государства и где не было легальной политической конкуренции ни в каком виде.

Однако можно заметить, что из этого ряда выпадают Эфиопия и Афганистан, которые, согласно базам данных, не проводили агрессивную внешнюю политику. Как говорилось ранее, исследователи отметили, что корректно говорить не только о геополитике, но и более широко – о контроле над территорией в целом⁴⁰⁷. Используя методологию, предложенную И. Лакатосом о ядре теории, вполне возможно говорить, что дезинтеграция государства в рамках «геополитической» теории происходит не только из-за

⁴⁰⁷ См., напр. Li J. State Fragmentation: Toward a Theoretical Understanding of the Territorial Power of the State // Sociological Theory. – 2002. – Vol. 20. – №2, 2002. – P. 139-156; Li R. S. K. Alternative Routes to State Breakdown: Toward an Integrated Model of Territorial Disintegration // Sociological Theory. – 2002. – Vol. 20. – №1. – P. 1-23.

споров на международной арене, но и по внутренним причинам. Такой внутренней причиной может стать перманентная борьба с повстанцами на определенной территории, которые стремятся добиться независимости. Даже в тех случаях, когда желающие отсоединения не ставят своей целью свержение центрального правительства, борьба с ними может привести к колоссальным экономическим и репутационным потерям внутри всей страны.

Сейчас уже известно, что фискальный кризис может быть вызван и перманентной борьбой за сохранение собственных территорий. Эфиопия, как было сказано ранее, боролась с повстанцами Эритреи, а также Тыграя (хотя и это можно трактовать как геополитику: как наследие территориальных споров с Сомали и ранее с Италией). Борьба с повстанцами отнимала значительную часть государственных ресурсов (см. параграф 1. Гл.3), а потому страна хоть и не вела агрессивную внешнюю политику, но страдала от «территориального перенапряжения». С Талибаном ситуация оказывается несколько более сложной: с одной стороны, они вели достаточно рискованную политику внутри страны (например, уничтожение значимых культурных памятников, в частности, уничтожение Бамианских статуй Будды), с другой их обвиняли в подготовке и сокрытии террористов. Насколько это подрывало и без того слабый бюджет Талибана, сказать трудно, ввиду отсутствия надежных источников. Однако все эти факты афганской истории периода правления талибов так же свидетельствуют о «территориальном перенапряжении», так как талибам приходилось постоянно поддерживать в высшей степени репрессивный аппарат, действующий против собственного населения и иметь достаточно (насколько это было возможно в тех условиях) боеспособную армию.

Таким образом получается, что структурными причинами сужения ресурсной базы, вызванными «геополитикой» и приводящих к расколу элит являются: агрессивная внешняя политика и/или рискованные акции внутри страны, а также отсутствие эффективного парламента и легальной политической конкуренции.

Визуально это можно представить в виде таблицы, как было сделано ранее.

Таблица 6. Анализ политического устройства через аппарат булевой алгебры по Ч. Рэгину

государство	Концентрация ресурсов и средств производства в руках узкой группы	Концентрация ресурсов и средств производства в руках государства	Соревновательность политического участия	Эффективность парламента	Парламентская оппозиция
Сомали 1991 г.	–	+	–	–	–
СССР 1991.	–	+	–	–	–
Эфиопия 1991-93 гг.	–	+	–	–	–
<i>Афганистан 2001 г.</i> ⁴⁰⁸	–	+	–	–	–
<i>Ирак 2003 г.</i>	–	+	–	–	–

Случаи Кыргызстана, Нигерии и Ирана, которые на первый взгляд, имеют схожие факторы, определенные как ключевые при дезинтеграции государства, требуют отдельного краткого разбора.

Во-первых, во всех трех случаях видно отсутствие эффективного парламента. Во-вторых, отсутствие соревновательности участия в политическом процессе. Но кроме этого, в указанных странах больше нет ничего общего.

⁴⁰⁸ Курсивом выделены страны, которые пережили военную интервенцию, но которые могут рассматриваться в рамках предложенной модели (см. Гл. 1.3.)

В Кыргызстане наблюдается доминирование государственного сектора в экономике и клановая система⁴⁰⁹. С одной стороны ситуация похожа на ту, что была описана для Сомали, но с другой Кыргызстан при этом, несмотря на постоянную политическую нестабильность, не переживает дезинтеграции. Во-первых, страна не вела агрессивную/ рискованную внешнюю и/или внутреннюю политику. Во-вторых, учитывая значительную социальную и экономическую разницу между севером страны и югом, никогда не возникал дискурс, который был бы направлен на значимые изменения самоописания системы или же носил сепаратистский характер.

В Нигерии не наблюдается самого главного условия для полноценного конфликта элит, приводящего к дезинтеграции – концентрации ресурсов либо в руках узких групп лиц (кланов) или в руках государства. Идеология Боко Харам, направленная на существенное изменение самоописания системы, пока не достигла тех результатов, чтобы возможно было говорить о дезинтеграции государства, хотя риск остается.

Сложнее всего дело обстоит с современным Ираном. Государству подчинены значимые материальные ресурсы и средства на их производство, а также страна ведет относительно агрессивную внешнюю политику, но при этом значимого раскола элит не наблюдается. Конечно, относительная политическая стабильность Ирана требует отдельного диссертационного исследования⁴¹⁰, потому возможный вариант ответа будет кратким, исходя из модели, разрабатываемой в настоящей работе. Как видно из таблицы в приложении 2, в последние два десятилетия в Иране наблюдается присутствие в парламенте легальной оппозиции, что уже не соответствует условиям для «геополитической» модели дезинтеграции государства. Во-вторых, если

⁴⁰⁹ Политические системы... С. 278-292.

⁴¹⁰ Ходунов А. С. Динамика протестной активности в современном Иране: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук, 2024. – 317 с.

обратиться к выборам главы исполнительной власти, то окажется, что выборы являются достаточно конкурентными⁴¹¹.

На основании всего вышесказанного, возможно еще раз обобщить полученные результаты.

При условии сопутствующих факторов, которые были обозначены как SDChR, SFDR, MMR, TDR раскол элит, вызванный структурно-демографическими причинами-вызовами, актуализировал их конфликт благодаря наличию легальных форм политической конкуренции (через парламент в первую очередь) и концентрации ресурсов в руках узких групп. Кейс Нигерии показывает, насколько эти два параметра или их отсутствие являются важными для понимания закономерностей высшей формы политической дестабилизации, то есть дезинтеграции государства.

Действия государства, приводившие к сужению ресурсной базы, осуществлялись в условиях отсутствия политической системы сдержек и противовесов (что особенно видно в сравнении с относительно стабильным Ираном). Таким образом, гипотезы, изложенные во введении, подтверждаются, хотя и с некоторыми оговорками.

Конечно, остается еще много вопросов, касающихся дезинтеграции государств. Например о том, являются ли выявленные закономерности характерными только для крайних форм политической дестабилизации, или же они применимы и для анализа государственного брейкдауна (state breakdown)? Всегда ли концентрация ресурсов в руках государства и отсутствие легальной политической конкуренции ведет к агрессивной внешней и/или рискованной внутренней политике государства? Кейсы Эфиопии и Кыргызстана показывают что нет, а случай Сомали и Ирака, что нужен так же радикальный дискурс. Какую роль в политической дестабилизации играет уровень насилия со

⁴¹¹ Vaskin I. Buying Loyalty Of Voters Or Local Elites? Political Alignment And Transfers To Provinces In Tutelary Regimes: The Case Of Iran. Political Science. PS. Издательский дом НИУ ВШЭ, 2020. No. 73. P. 8.

стороны государства при расколе элит? ⁴¹² Все эти вопросы заслуживают отдельных исследований, а потому будут рассмотрены в дальнейших работах.

⁴¹² Розов Н.С. Философия и теория истории. Кн. 2... С. 121-126

Заключение

Дезинтеграция государства является не только практической, но и теоретической проблемой. Изучение закономерностей политической динамики позволяют не только строить предикативные модели, но и помогают пролить свет на то, как вообще функционируют государства.

В первой главе было представлено философско-теоретическое обоснование существования законов политической динамики, в частности через использования «структуры чувства» метамодернизма, а также через плоские онтологии. Так же был произведен подробный анализ литературы, которая так или иначе касается проблем функционирования государства и признаков его дезинтеграции. Это было необходимо для того, чтобы четко разграничить дезинтеграцию и другие формы серьезной политической дестабилизации, а также для формализации признаков дезинтеграции государства.

В процессе исследования были выявлены следующие факторы дезинтеграции: делегитимация власти, неэффективность экономического менеджмента, несбалансированность бюджета, недовольство населения, этническая неоднородность, наличие автономии по национальному признаку и/или реальное или мнимое притеснение групп населения, проживающих на определенной территории. Самым главным фактором является раскол элит, который вызывается двумя различными причинами: действиями самих элит или действиями государства.

В первом случае элиты борются друг с другом, пытаются ослабить и не допустить до ресурсов другие элитные группы, во втором случае государство истощает собственные ресурсы из-за агрессивной внешней политики или рискованных акций внутри страны, направленных на подавление определенных групп населения, из-за чего происходит сужение ресурсной базы для элит.

Различная динамика обусловлена различным положением элиты относительно государства: либо элиты подчинены государству, либо независимы от него и в их руках сконцентрированы значительные ресурсы.

Когда значительные ресурсы и средства производства сосредоточены в руках узкой группы лиц, государство, завися от их поддержки, так или иначе создает работоспособный парламент и/или разрешает политическую конкуренцию.

Другой случай – когда основные ресурсы и средства производства сосредоточены в руках государства. В таких обстоятельствах государство не заинтересовано в развитии системы политических сдержек и противовесов, так как оно никак не зависит от экономических элит (если они вообще существуют в отрыве от государства). Это ведет к тому, что государство, как и подсказывает центрированная на государстве теория (state-centered theory), будет более активно реализовывать свои политические амбиции на международной арене и/или внутри страны. В конечном в государстве начинают наблюдаться «перекося» бюджета, которые ведут к фискальному кризису и конфликту элит и/или активному недовольству той части населения, которая не связана с политическими элитами.

Так же были рассмотрены два случая различной динамики дезинтеграции: Украины в 2014 г. и СССР в 1991 г.

В Украине наблюдалась концентрация ресурсов в руках небольшого количества представителей экономической элиты, а потому они имели возможность активно влиять на политику. Однако Янукович попытался освободиться от их влияния, но вместо попытки усиления государственных структур (как это произошло в России), он попытался создать свой клан. Примеры «неожиданного» резкого увеличения состояния приближенных к президенту подтверждают такую трактовку. Однако «Семье» не удалось переподчинить себе средства массовой информации, которые находились в руках соперников или оппонентов, которые и стали главным механизмом для массовой мобилизации. Сейчас трудно сказать, произошло бы нечто подобное, не будь идеи подписания Соглашения, однако все сказанное ранее позволяет с большой долей вероятности утверждать, что это был лишь повод, а не реальная причина.

В СССР же наблюдалась противоположная ситуация, когда все ресурсы находились в руках государства, а экономические элиты были тесно связаны с политическими. Учитывая авторитарную систему СССР, государство оказалось практически полностью «бесконтрольным», так как ни общество, ни экономические элиты не могли практически никак повлиять на выбранный руководством страны курс. «Свобода рук» привела к активной внешней политике, которая в долгосрочной перспективе привела к несбалансированному бюджету, массовому недовольству и конфликту элит.

После двух кейс-стади был проведен сравнение еще семи случаев дезинтеграции государств (Пакистана, Сомали, Эфиопии, Югославии, Афганистана, Ирака, Йемена), которые подтвердили изначальные гипотезы. Структурными причинами динамики дезинтеграции государства, в которой раскол элит был вызван действиями самих элит, были: легальная политическая конкуренция и фактическая или институционализированная значительная концентрация ресурсов в руках узкого круга экономической элиты. Структурными причинами динамики дезинтеграции государства, в раскол элит был результатом действия государства, были: концентрации ресурсов и средств производства в руках государства и полное отсутствие легальной политической конкуренции. Раскол элит, пиком которого становится их острый конфликт, приводит к дезинтеграции при условии наличия дополнительных факторов: делегитимации власти и наличия оппозиционного дискурса, экономического неблагополучия, недовольства населения и острых расколов в обществе по этническому и/или культурному признаку.

Предложенная в диссертации модель конфликта элит в связи с дезинтеграцией государств может быть в дальнейшем использована и для анализа других случаев политической дестабилизации. Так, например, если исходить из верности предложенной модели, то становится очевидным, почему режим в республике Беларусь остался относительно стабильным. Так, в течение 2020 г. в Беларуси не наблюдался не только конфликт элит, но и потенциал для его возникновения, т.к. значительная часть ресурсов находится в руках

государства, что означает относительное единство элит. Дальнейшие разработки предложенной модели требуют дополнительного эмпирического анализа на примерах других форм политической дестабилизации.

Список источников и литературы**Источники**

1. 100 богатейших украинцев 2013. [Электронный ресурс]. // Форбс. URL: <http://forbes.net.ua/business/1351729-100-bogatejshih-2013>_____ (Дата посещения: 10.10.2020).
2. 200 крупнейших компаний Украины. [Электронный ресурс]. 2013. // Форбс. URL: <http://forbes.net.ua/magazine/forbes/1359184-200-krupnejshih-kompanij-2013> (Дата посещения: 10.10.2020).
3. 200 крупнейших частных компаний России. 2018. [Электронный ресурс] // Форбс. URL: <http://www.forbes.ru/rating/367067-200-krupneyshih-rossijskih-chastnyh-kompaniy-2018-reyting-forbes>___ (Дата посещения: 10.10.2020).
4. Александр Янукович подбрасывает угля. [Электронный ресурс]. // Форбс. URL: <http://forbes.net.ua/nation/1346029-aleksandr-yanukovich-podbrasyvaet-uglya> (Дата посещения: 10.10.2020).
5. В Политбюро ЦК КПСС...: по записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). – Москва: Горбачев-Фонд, 2008.
6. Від Майдану – табору до Майдану – січі: що змінилося? [Электронный ресурс] // Kyiv International Institute of Sociology. URL: <http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=226>__ (Дата посещения: 10.10.2020).
7. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. 2-е изд., испр. и доп. – М.: РОССПЭН. 2007. – 440 с.
8. Громадська думка: підсумки 2013 року. [Электронный ресурс] // Фонд демократических инициатив. URL: <https://dif.org.ua/article/gromadska-dumka-pidsumki-2013-roku> (Дата посещения: 10.10.2020).
9. Звіт Рахункової палати України за 2009-2013 рік. – Київ. 2010-2014.

- 10.Источник: Документы русской истории. Приложение к российскому историко-публицистическому журналу Верховного Совета РФ. 1993. №0.
- 11.Как госкомпании купить уголь втрое дороже рынка и избежать ответственности. [Электронный ресурс] // Форбс. URL: <http://forbes.net.ua/nation/1351200-kak-goskompanii-kupit-ugol-vtroe-dorozhe-rynka-i-izbezhat-otvetstvennosti>_(Дата посещения: 10.10.2020).
12. Капитал Януковича-младшего вырос втрое. [Электронный ресурс] // Форбс. URL: <http://forbes.net.ua/news/1360500-kapital-yanukovicha-mladshego-vyros-vtroe>_(Дата посещения: 10.10.2020).
- 13.Кузнечевский В. Горбачеву верит Запад, Ельцину – россияне // Российская газета. 1991. 26 декабря.
- 14.Материалы XXVII Съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986.
- 15.Минфин Ставки, индексы, тарифы [Электронный ресурс] // Финансовый портал Минфин. URL: <http://index.minfin.com.ua>_(Дата посещения: 10.10.2020).
- 16.Моніторинг соціальноекономічних очікувань населення за підсумками 2014 р. – К.: ДУ Інститут економіки та прогнозування НАН України. 2015.
- 17.Народное хозяйство СССР в 1989 г.: Статистический ежегодник / Госкомстат СССР. – М: Финансы и статистика, 1990.
18. Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия. / Сост.: А.П. Ненароков и др. – М. ТЕРРА, 1992.
- 19.Первая сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет. Часть II. – М. 1990.
- 20.Политический дискурс по-украински, или о чем говорят лидеры рейтингов? – 2016. [Электронный ресурс] // Marketing Media Review URL: http://mmr.ua/show/politicheskiy_diskurs_po-ukrainski__ili_o_chem_govoryat_lidery_reytingov#2001647355.1535973633_(Дата обращения: 10.10. 2020).

21. Рыжков Н. И. Главный свидетель. Дело о развале СССР. – М.: Алгоритм, 2012. – 240 с.
22. Ситарян С.А. Уроки будущего. – М.: «Экономическая газета», 2010.
23. Смирнов А. В. «Введение (ал-Мукаддима)» // Историко-философский ежегодник. – М. 2007. С. 187-217.
24. Союз можно было сохранить. Белая книга. 2-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007.
25. Сферы влияния в новом Кабинете министров. [Электронный ресурс] // Форбс. URL: <http://forbes.net.ua/nation/1344643-sfery-vliyaniya-v-novom-kabinete-ministrov> (Дата посещения: 10.10.2020).
26. Політичні підсумки і прогнози - загальнонаціональне опитування 2012. [Электронный ресурс] // Фонд демократических инициатив. URL: <https://dif.org.ua/article/2012-politichni-pidsumki-i-prognozi-zagalnonatsionalne-opituvannya> (Дата посещения: 10. 10.2020).
27. OECD Development Assistance Committee. Principles for Good International Engagement in Fragile States and Situations. – Paris: OECD, 2007.
28. OECD States of Fragility 2015: Meeting Post-2015 Ambitions, OECD Publishing, Paris, 2016.
29. Pleines H. 2016 Dataset on Ukrainian oligarchs 2000-2016 as of 17 August 2016. [Электронный ресурс]. // Forschungsstelle Osteuropa Bremen. URL: <http://www.forschungsstelle.uni-bremen.de/UserFiles/file/table-oligarchs-overview.xls> (Дата посещения: 10.10.2020).
30. The World's Largest Public Companies. 2018. [Электронный ресурс]. URL: // Форбс. – <https://www.forbes.com/global2000/list/> (Дата посещения: 10.10.2020).
31. World Bank. GDP of Ukraine. [Электронный ресурс] // Всемирный банк. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=UA> (Дата посещения: 10.10.2020).

32. World bank. Gini index. [Электронный ресурс] // Всемирный банк. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations=UA-RU-US_
(Дата посещения: 10.10.2020).

Литература

33. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. – М.: АСТ, 2016. – 693 с.
34. Альтюссер Л. Марксизм и гуманизм // За Маркса. – М.: Праксис, 2006. С.311-342.
35. Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности. – Москва: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2011. – 247 с.
36. Ахременко А. С., Горельский И. Е., Мельвиль А. Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Теоретико-методологические основания // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 2. – С. 8-23.
37. Ахременко А. С., Горельский И. Е., Мельвиль А. Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Опыт эмпирического исследования // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 3. – С. 49-68.
38. Барсенков А.С. Введение в современную российскую историю 1985-1991 гг.: курс лекций. – М. 2002. – 367 с.
39. Барт Р. Мифологии. – М.: Издательство М. и С. Сабашниковых, 2004. – 314 с.
40. Бартенев В. И. От «несостоявшихся государств» к «неустойчивым состояниям»: логика понятийной эквилибристики // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 2. – С. 26-41.

41. Барфилд Т. Мир кочевников-скотоводов // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. – М. 2006. С. 415–441.
42. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
43. Безбородов А., Елисеева Н., и др. Перестройка и крах СССР. 1985–1993. – СПб. 2010. – 215 с.
44. Белков П.Л. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. – М.: 1995. С. 172-173.
45. Берент М. Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество // Альтернативные пути к цивилизации: Кол. монография / Под ред. Крадина Н.Н., Коротаева А.В. Бондаренко Д.М., Лынши В.А. – М.: Логос, 2000. С.235-258.
46. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. – М., 2015. – 240 с.
47. Бондаренко Д.М. Государство как феномен социальной истории: сущность и отличительные признаки // Историческая психология и социология истории. – 2014. – Том 7, № 2. – С. 164 – 188.
48. Борисов Н. А. Между идеологией и правом: правовые и политические аспекты выхода союзных республик из СССР // Новый исторический вестник. 2020. №4 (66). С.48-65.
49. Брайант Л. Демократия объектов. – Пермь : Гиле Пресс, 2019. – 320 с.
50. Браун А. Горбачев, Ленин и разрыв с ленинизмом // Полис. Политические исследования. – 2007. – № 6. – С. 71-72.
51. Бурдые П. Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
52. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб. 2001. – 416 с.
53. Вдовин А. Причины распада Советского Союза в российской научной и публицистической литературе К 20-летию русской трагедии 1991 года. [Электронный ресурс] // Россияне и соотечественники. URL:

- <http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=23934>_____ (Дата посещения: 10.10.2020).
- 54.Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. – М., 1990. С. 644-706.
- 55.Вермюлен Т., Аккер ван ден Р. Заметки о метамодернизме // Metamodernism. URL: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/> (дата обращения: 27.07.2025)
- 56.Воробьев Д.В. Ирокезы (XV - XVIII в. н.э.) // Цивилизационные модели политогенеза. – М.: Институт Африки РАН, 2002. С.198-217.
- 57.Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты / Политическая социология Т. 1: Часть 1. Юрайт, 2018. С. 175-195.
- 58.Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005. – 461 с.
- 59.Гирц К. Интерпретация культур. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 560 с.
- 60.Геллнер Э. Нации и национализм. – М.: Прогресс, 1991. – 320 с.
- 61.Гельман В. Я. Трансформация и режимы: неопределенность и ее последствия // Россия регионов: трансформация политических режимов / Общ. ред.: В. Я. Гельман, С. Рыженков, М. Бри. – Москва : "Весь мир", "Berliner Debatte Wissenschaftsverlag", 2000. – С. 16-60.
- 62.Гемпель К. Функция общих законов в истории // Время мира, выпуск 1. Историческая макросоциология в XX веке. Новосибирск, 2000. С. 3-14.
- 63.Годинер Э. С. Политическая антропология о происхождении государства. // Козлов С. Я., Пучков П. И. (ред.), Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения. – М.1991.С. 51-78.
- 64.Голдстоун Д. К теории революции четвертого поколения // Логос. – 2006. – №5 (56). – С. 58-103.
- 65.Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс. От раннего государства к зрелому. – М.: URSS, 2010. – 368 с.
- 66.Даймон Д. Коллапс. – М., 2008. – 800 с.

67. ДеБолт Дж.У. Причины и следствия неудач модернизации в России // Социологические исследования, 2006, № 1. С. 20-31.
68. Деланда М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность. – Пермь Гиле Пресс, 2018. – 170 с.
69. Делёз Ж. По каким критериям узнают структурализм? // Ж. Делёз. Марсель Пруст и знаки. – СПб.: Алетейя, 1999. С. 133–175.
70. Евангелиста М. Геополитика и будущее Российской Федерации // Полис. – 2002. – №2. – С.82-99.
71. Жижек С. Чума фантазий. – Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2012. – 388 с.
72. Зоткин А.А. Государственная власть и политические элиты Украины в контексте отношений между центром и регионами // Властные структуры и группы доминирования: Материалы десятого Всероссийского семинара Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации. – СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 286-306.
73. Зубок В. М. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 669 с.
74. Ильин М. В. Воронка причинности: от эмпирической модели к формированию парадигмы многослойной причинности // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2015. – №5. – С. 442-451.
75. Ильин М.В. Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука. – 2008. – № 4. – С. 8-41.
76. Ильин М.В. Морфологический анализ от реконструкции прафеноменов и праформ до морфогенетики и эволюционной морфологии // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр. – М., 2014. – Вып. 6: Способы представления знаний. С. 138-151.

77. Илюхин В.И. Обвиняется президент. – М.: издательство «Палея», 1992. – 56 с.
78. Исаев Л. М., Коротаев А. В. Украинская мозаика. Опыт количественного анализа украинской избирательной статистики // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2015. – № 8. – С.91-110.
79. Исаев Л. М., Коротаев А. В., Гринин Л. Е. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. – М.: Учитель, 2015. – 384 с.
80. Исаев Л. М., Труевцев К. М. Йемен: конец эпохи Салеха // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны / Отв. ред.: Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина, А. В. Коротаев. – М.: ЛЕНАНД, 2013. Гл. 6.
81. Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Сирия и Йемен: неоконченные революции. – М.: Либроком, 2012. – 264 с.
82. Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: Случай Советского коллапса// Время мира. Альманах. Вып.1: Историческая макросоциология в XX веке / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск. 2000. С.234-278.
83. Коргун В.К. История Афганистана. XX век. – М.: Ин-т востоковедения: Крафт+, 2004. – 529 с.
84. Коротаев А. В. Джордж Питер Мердок и школа количественных кросс-культурных (холокультуральных) исследований // Мердок Дж. П. Социальная структура. – М.: ОГИ, 2003. С. 478–555.
85. Коротаев А. В. Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции. – М.: Восточная литература, 2006. – 111 с.
86. Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ. Окончание // Азия и Африка сегодня. – 2011. – №6, 7.
87. Коротаев А.В. и др. Системы глобального мониторинга рисков социально-политической дестабилизации: опыт систематического обзора

- // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. – М., 2018. С. 5–94.
- 88.Коротаев А.В. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейского культурно-политического ареала (Южная Аравия: X в. до н.э. - IV в.н.э.) // Попов В.А., ред., Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции. Памяти Л.Е.Куббеля. – М.: Наука,1993. С.295-320.
- 89.Коротаев А.В. О возможных экономико – психологических факторах украинской революции 2014 года // Историческая психология и социология истории. – 2014. – №1. – С. 56–74.
- 90.Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. – М.: КомКнига. 2005. – 344 с.
- 91.Коротаев А.В. Северо-Восточный Йемен (I–II тыс. н.э.) // Цивилизационные модели политогенеза / Ред. Д. М. Бондаренко, А. В. Коротаев. – М.: Институт Африки РАН, 2002. С. 196–223.
- 92.Котц Д.М., Вир Ф. Путь России от Горбачева к Путину: Гибель советской системы и новая Россия. – М.: Едиториал УРСС. 2013. – 448 с.
- 93.Коэн С. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? / Новое расширенное издание. – М.: аиро-xxi, 2011. – 216 с.
- 94.Крадин Н. Н. Политическая антропология. – М. 2004. – 272 с.
- 95.Кудров В.М. Югославия: прощальный экономический и статистический портрет // Общественные науки и современность. – 2002. – № 1. – С. 90-105.
- 96.Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 384 с.
- 97.Лахман Р. Капиталисты поневоле: Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. – М.: Издательский дом Территория будущего, 2010. – 456 с.

98. Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с фр. под ред. и с примеч. В. В. Иванова. – М.: Наука, 1985. – 399 с.
99. Литтл Д. Функциональное и структурное объяснение // Время мира. – Новосибирск. 2000., Вып.1. С. 176-204.
100. Луман Н. Введение в системную теорию. – М., 2007. – 360 с.
101. Малиа М. Советская трагедия. История социализма в России. 1917-1991. – М. «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 584 с.
102. Мацієвський Ю. В. У пастці гібридності: зигзаги трансформацій політичного режиму в Україні (1991-2014). – Чернівці : Книги – ХХІ, 2016. – 277 с.
103. Медушевский А.Н. Основной закон СССР 1977 г.: государство и личность в эпоху «развитого социализма» // Полития. – 2014. – № 3. – С.149-168.
104. Мелешкина Е. Ю., Кудряшова И. В. После империй: можно ли перековать мечи на орала? // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 14-51.
105. Мелешкина Е.Ю. Исследования государственной состоятельности: Какие уроки мы можем извлечь? // Политическая наука. – 2011. – № 2. – С. 9–27.
106. Мельвиль А. Ю., Ефимов Д. Б. "Демократический Левиафан"? Режимные изменения и государственная состоятельность - проблема взаимосвязи // Политическая наука. – 2016. – № 4. – С. 43-73.
107. Момот М. Прошлое империй и империи будущего // Прогнозис. – 2006. – №3. – С.266-282.
108. Нейрат О. Протокольные предложения // Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное. – М., 2006. С. 310 – 319.
109. Нефедов С.А. Концепция демографических циклов. – Екатеринбург: Изд. УГГУ, 2007. – 141 с.

110. Нефедов С.А. Факторный анализ исторического процесса. История Востока. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. – 752 с.
111. Новая философская энциклопедия в четырех томах. Том III. – М.: Мысль, 2010. С. 647.
112. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – М.: Изд. Института Гайдара, 2011. – 480 с.
113. Павлов А.В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – 560 с.
114. Патцельт В.Дж. Прочтение истории: очерк эволюционной морфологии // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр. – М., 2014. – Вып. 4: Поверх методологических границ . С. 228–260.
115. Пихоя Р. Г. Как разваливалась социалистическая экономика в СССР (об одной из причин распада страны) // Социально-политические науки. – 2016. – №. 4. – С. 14-22.
116. Политические системы современных государств / Отв. ред.: М. Г. Миронюк; под общ. ред.: А. В. Торкунов; науч. ред.: А. Ю. Мельвиль. Т. 2: Азия. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 599 с.
117. Польшов М.Ф. Исторические предпосылки перестройки в СССР. Вторая половина 1940 – первая половина 1980-х гг. – СПб.: Алетейя, 2010. – 512 с.
118. Пустовойт Ю. А. Условия и этапы становления политико-административных ассамбляжей в городах Сибири // Власть и элиты. – 2024. – Т. 11, № 2. – С. 74-103.
119. Радионов Ю. Д. Оценка эффективности государственных расходов // Экономика Украины. – 2013. – № 12. – С. 76-87.
120. Радионов Ю.Д. Основные виды и суть бюджетных нарушений // Экономика Украины. – 2012. – № 8. – С. 55-63.

121. Розов Н. С. Динамика государственных распадов: опыт концептуального моделирования // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2016. – № 3. – С. 58-73.
122. Розов Н. С. Динамика расцветов и распадов обществ: на пути к охватывающей парадигме // Общественные науки и современность. – 2016. – № 4. – С. 146-158.
123. Розов Н. С. Кризис и революция: поля взаимодействия, стратегии акторов и траектории конфликтной динамики // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 6. – С. 92-108.
124. Розов Н. С. Кризисы и революции - часть закономерной исторической динамики // Сибирский философский журнал. – 2017. – Т. 15, № 3. – С. 51-63.
125. Розов Н. С. Социально-политические кризисы и революции: теоретический анализ // Общественные науки и современность. – 2018. – № 1. – С. 33-42.
126. Розов Н. С., Цыганков В. В. Закономерности в смуте: сравнительно-политологический анализ революционной волны 1848-1849 гг. в Австрийской империи // Сравнительная политика. – 2019. – Т. 10, № 1. – С. 81-97.
127. Розов Н.С. Закон Ибн Халдуна. К чему может привести рост коррупции и силового принуждения в России // Политический класс. – 2006. – № 16.
128. Розов Н.С. Познавательные средства теоретической истории и макросоциологии/ Разработка и апробация метода теоретической истории. – Новосибирск: наука, 2000. С.13-232.
129. Розов Н.С. Философия и теория истории. Кн. 2: Причины, динамика и смысл революций. – М.: КРАСАНД, 2019. – 335 с.
130. Рябов П. П. «Арабская весна» по-иemenски. – М.: Институт Ближнего Востока, 2017. – 246 с.

131. Сартори Д. Искажение концептов в сравнительной политологии (I) // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 3. – С. 67-77.
132. Сартори Д. Искажение концептов в сравнительной политологии (II) // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 4. – С. 152-160.
133. Сартори Д. Искажение концептов в сравнительной политологии (III) // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 5. – С. 65-75.
134. Семенов Ю.И. Происхождение и развитие экономики: От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). – М. 2014. – 720 с.
135. Серебров С.Н. Йемен: национальный диалог и проблема сепаратизма юга // Бюллетень ИВ РАН: Оценки и идеи, – 2014, т. 1. – № 5. – С. 1-20.
136. Согрин В. В. Политическая история современной России, 1985 – 1994: от Горбачёва до Ельцина. М.: Прогресс – Академия, 1994. – 192 с.
137. Соловьев К.А. Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 296 с.
138. Тилли Ч. Демократия. – М.: ИНОП, 2007. – 263 с.
139. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства: 990–1992 гг. – М. 2009. – 328 с.
140. Травин Д. Я. Очерки новейшей истории России. Книга первая: 1985–1999. – СПб.: Норма, 2010. – 265 с.
141. Труевцев К.М. Ирак после диктатуры: девять трудных лет // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны / Под ред. А.В. Коротаева, Л.М. Исаева, А.Р. Шишкиной. – М.:URSS, 2013. С. 107–137.
142. Турчин П. В. Историческая динамика: на пути к теоретической истории. Изд.2-е. – М,2010. – 368 с.

143. Уваров П. Ю. Роскошь феодализма //Всемирная история. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока. – М.: Наука, 2012. С. 810-818.
144. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 уч. г. – СПб.: Наука; М., 2011. – 544 с.
145. Фуко М. Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973-1974 учебном году. – СПб., 2007. – 450 с.
146. Хазанов А.М. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе// Раннее государство, его альтернативы и аналоги. 2006, с. 468–489.
147. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
148. Харитонов О. Г. Недемократические политические режимы // Политическая наука. – 2012. – № 3. С.9-30.
149. Харман Г. Имматериализм. Объекты и социальная теория. – М.: Издательство Института Гайдара, 2018. – 152 с.
150. Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая "теория всего". – Москва: Ад Маргинем Пресс, 2021. – 270 с.
151. Харрисон М. Стабильны ли командные системы? Почему потерпела крах советская экономика? // Экономическая история. Обзорение. Вып. 6. – М., 2001. С. 120-141.
152. Ходунов А. С. Динамика протестной активности в современном Иране: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук, 2024. – 317 с.
153. Цирель С. В. Концепт «асабийи» как основа связи экономико-демографической и гуманитарной истории: pro et contra // Проблемы математической истории. Историческая реконструкция, прогнозирование, методология. – М. 2008. С. 112-125.

154. Цирель С. К истокам украинских революционных событий 2013-14 гг. // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Украинский разлом. – М.: Учитель, 2015 С. 57-84.
155. Черная Африка: прошлое и настоящее. / под ред. А. С. Балезина, С. В. Мазова, И. И. Филатовой. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 2016. – 704 с.
156. Чешко С. В. СССР был болен или его «залечили»? (попытка патолого-анатомического анализа) // Мир России. – 1995. – №1 – С.91-123.
157. Шубин А.В. От «застоя» к реформам. СССР в 1917–1985 гг. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 768 с.
158. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. – М.:Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с
159. Щербак А. Н., Бердюженко Д. А., Мендыгалиева А. Б., Зайцева А. В., Герина Я. Я. Влияние внешней политики на национальную политику СССР: геополитическая теория Рэндалла Коллинза // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2017. – Т. 3. – С. 99-116.
160. Щербак А.Н., Болячевец Л.С., Платонова Е.С. История советской национальной политики: колебания маятника? // Политическая наука. – 2016. – № 1. – С. 100-123.
161. Энафф М. Клод Леви-Строс и структурная антропология – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2010. – 560 с.
162. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. – М.: НЛО, 2014. – 664 с.
163. Ahmed I. The heritage of war and state collapse in Somalia and Somaliland: Local-level effects, external interventions and reconstruction // Third World Quarterly. – 1999. – №20 (1). – P. 113-127.
164. Amjad R. Industrial Concentration and Economic Power in Pakistan // Pakistan Economic and Social Review. – 1976. – Vol. 14, No.1. – P. 211-261.

165. Anderson E. N., Chase-Dunn Ch.. The Rise and Fall of Great Powers // The Historical Evolution of World-Systems. – New York: Palgrave MacMillan. 2005. P.1-19.
166. Approaches and Methodologies in the Social Sciences: A Pluralist Perspective / ed. by Donatella della Porta and Michael Keating. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 383 p.
167. Arampatzi E., Burger M. J., Ianchovichina E., Röhricht T., Veenhoven R. Unhappy Development: Dissatisfaction with Life on the Eve of the Arab Spring // Review of Income and Wealth. – 2018. – Vol. 64. – P. S80-S113.
168. Aslund A. Oligarchs, Corruption, and European Integration // Journal of Democracy. Baltimore, MD, – 2014. – Vol. 25, №3. – P.64-73.
169. Aslund A. Ukraine: What Wrong and How to Fix It. – Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2015. – 274 p.
170. Bah A. B. State Decay: A Conceptual Frame of Failing and Failed States in West Africa // International Journal of Politics, Culture, and Society. – 2012. – Vol. 25, No. 1/3. – P. 71-89.
171. Bates R., Greif A., Singh S. Organizing violence // Journal of Conflict Resolution. – 2002. – № 5. – P.599-628.
172. Beissinger M. R. Nationalism and the Collapse of Soviet Communism // Journal of Contemporary European History. – 2009. – №18 (3). – P. 331-347.
173. Beissinger M. R. Nationalist mobilization and the collapse of the Soviet State. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2002. – 503 p.
174. Bennett, A., Checkel, J.T. Process tracing: From metaphor to analytic tool. – Cambridge: University Press, 2015. – 329 p.
175. Trampusch C., Palier B. Between X and Y: How Process Tracing Contributes to Opening the Black Box of Causality // New Political Economy. – 2016. Vol. 21. – No. 5. – P. 437-454.
176. Berwick E., Fotini C. State Capacity Redux: Integrating Classical and Experimental Contributions to an Enduring Debate (May 2018). Annual Review of Political Science. – 2018. – Vol. 21, P. 71-91.

177. Best H., Higley J. The Palgrave handbook of political elites. – London: Palgrave, 2018. – 694 p.
178. Bevir M. Meta-Methodology: Clearing the Underbrush // The Oxford Handbook of Political Methodology / ed. by J.M.Box-Steffensmeier, H.E.Brady, and D.Collier, 2008. P. 48-70.
179. Blaikie N. Designing Social Research. – Cambridge: Polity Press. 2000, P.108-114.
180. Bøås M., Jennings K. «Failed States» and «State Failure»: Threats or Opportunities?// Globalizations. – 2007. – №4. – P. 475-485.
181. Bojcun M. Origins of the Ukrainian Crisis // Critique. – 2015. – №43 (3-4). – P. 395-419.
182. Brandt M. Twelve Years of Shifting Sands: Conflict Mediation with Yemen's Houthis, 2004-2016// Jemen Report, 2018. – № 49,1/2. – P. 104-116.
183. Brinkerhoff D. W .(ed.) Governance in Post-Conflict Societies. Rebuilding Fragile States. – London and New York, NY: Routledge, 2007. – 292 p.
184. Brown A. The Gorbachev Factor. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 406 p.
185. Brown J. D. J. Oil Fueled? The Soviet Invasion of Afghanistan //Post-Soviet Affairs. – 2013. – № 29:1. – P. 56-94.
186. Bunce V. Subversive Institutions: The Design and the Destruction of Socialism and the State. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1999. – 206 p.
187. Call C.T. Beyond the 'failed state': Toward conceptual alternatives // European Journal of International Relations. – 2011. – №. 2. – P. 303–326.
188. Call Ch. T. The Fallacy of the «Failed State» // Third World Quarterly. – 2008. – № 8. – P. 1491–1507.
189. Chojnacki S., Menzel A. State Failure and State Transformation // The Oxford Handbook of Transformations of the State. – Oxford: Oxford University Press, 2015. P.746-761.

190. Clarke W. S., Gosende R. Somalia: Can a Collapsed State Reconstitute Itself? // State Failure and State Weakness in a Time of Terror. – Washington, DC: Brookings Institution Press, 2004. P.129-160.
191. Colgan J. D. Oil, Domestic Politics, and International Conflict // Energy Research & Social Science. – 2014. – №1. – P.198–205.
192. Colgan J. Petro-Aggression: When Oil Causes War. – New York: Cambridge University Press, 2013. – 324 p.
193. Collins R. Explaining the anti-Soviet revolution by state breakdown theory and geopolitical theory // International Politics. – 2011. – №48(4/5). – P. 575–90.
194. Collins R. Macro-History: Essays in Sociology of the Long Run. – S.: S. University Press, 1999. – 312 p.
195. Collins R. Sociology since Mid-century: Essays in Theory Cumulation. – New York, Academic Press, 1981. – 365 p.
196. Cooley A., Snyder J. Ranking the World: Grading States as a Tool of Global Governance. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – 256 p.
197. Costantini I. Conflict dynamics in post-2011 Libya: a political economy perspective // Conflict, Security & Development, – 2016. – № 16:5. – P. 405-422.
198. Creswell J. W. Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches. – London: Sage, 2014. Ch.1; Guba E.G., Lincoln Y.C. Competing paradigms in qualitative research // Handbook of qualitative research / ed. by N. K. Denzin & Y. S. Lincoln. - Thousand Oaks, CA: Sage, 1994. P. 105-117.
199. Crews R. D., Amin T. The Taliban and the Crisis of Afghanistan. – Harvard University Press, 2008. P.90-117.
200. Dallin A. Causes of the Collapse of the USSR // Post-Soviet Affairs. – 1992. – № 4. – P. 279-302.
201. Davies J. Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review. –1962. – №27. – P. 5–19.

202. Dingli S. Is the failed state thesis analytically useful? The case of Yemen // *Politics*. – 2013. – №33 (2). – P. 91–100.
203. Doornbos M. *Failing States or Failing Models?: Accounting for the Incidence of State Collapse*. The Other Canon Foundation and Tallinn University of Technology Working Papers in Technology Governance and Economic Dynamics 27, TUT Ragnar Nurkse Department of Innovation and Governance, 2010.
204. Edwards B., McCarthy J.D. Resources and social movement mobilization // Snow D.A., Soule S.A., Kriese H. (eds). *The Blackwell Companion to Social Movements*. – Malden, Blackwell. MA. 2004. P. 116–152.
205. Englehart N. A. Governments against States: The Logic of Self-Destructive Despotism // *International Political Science Review*. – 2008. – Vol. 28. №. 2. – 133-153.
206. Erdmann G., Engel U. Neopatrimonialism Reconsidered: Critical Review and Elaboration of an Elusive Concept // *Commonwealth & Comparative Politics*. – 2007. – Vol. 45, № 1. – P. 95-119.
207. Eriksen S.S. «State Failure» in Theory and Practice: The Idea of the State and the Contradictions of State Formation // *Review of International Studies*. – 2011. – №1. – P.229–247.
208. Esty D. C., Goldstone J., Gurr T. R., Surko P., Unger A. *Working Papers: State Failure Task Force Report*. – McLean, VA: Science Applications International Corporation (November 30), 1995.
209. Faulseit R. K. *Collapse, Resilience, and Transformation in Complex Societies: Modeling Trends and Understanding Diversity* // *Beyond Collapse: Archaeological Perspectives on Resilience, Revitalization, and Transformation in Complex Societies*. – Southern Illinois University Press, 2015. P.3-26.
210. Fengler S., M. Kreutler M. Alku B. Barlovac M. Bastian S. S., Bodrunova J., Brinkmann, et al. *The Ukraine Conflict and the European*

- Media: A Comparative Study of Newspapers in 13 European Countries // Journalism. – 2018. – № 21 (3). – P. 399–422.
211. Fisun O. Rethinking Post-Soviet Politics from a Neopatrimonial Perspective // Democratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization. 2012. № 20. P. 87-96.
212. Foran J. Discourses and Social Forces: The Role of Culture and Cultural Studies in Understanding Revolutions // Foran J. ed. Theorizing Revolutions: Disciplines, Approaches. – London: Routledge, 1997. P. 197-220.
213. Fortin-Rittberger J. Exploring the relationship between infrastructural and coercive state capacity // Democratization. – L.: Taylor & Francis, 2014. – Vol. 21, № 7. – P. 1244– 1264.
214. Fukuyama F. State-building: Governance and world order in the 21 st century. – Ithaka: Cornell univ. press, 2004. – 132 p.
215. Fukuyama F. What is Governance? Center for Global Development Working Paper No. 314, 2013.
216. Gaddy C. G. The Price of the Past: Russia’s Struggle with the Legacy of a Militarized Economy. – Washington, D.C.: Brookings Institution, 1996. – 250 p.
217. Geddes B. What do we know about democratization after twenty years? // Annual review in political science. – 1999. – № 2. P.115-144.
218. Geddes B., Wright J., Frantz E. How dictatorships work: power, personalization, and collapse. – Cambridge University Press, 2018. – 258 p.
219. Gibbs D. N. Reassessing Soviet motives for invading Afghanistan: A declassified history // Critical Asian Studies. – 2006. – № 38:2. – P. 239-263.
220. Goertz G. Social Science Concepts: A User’s Guide. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006. – 296 p.
221. Goldstone J, et al. The Phenomenon and Theories of Revolution // Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change. Springer International Publishing, 2022. P. 26-50.

222. Goldstone J. A., Bates R., Epstein D., Gurr T., Lustik M., Marshall M., Ulfelder J., Woodward M. A. Global Model for Forecasting Political Instability // *American Journal of Political Science*, 2010. – №54. P. 190–208.
223. Goldstone J. Demographic Structural Theory: 25 Years On // *Cliodynamics*. – 2017 – № 8(2). – P. 85-112.
224. Goldstone J. Pathways to State Failure // *Conflict Management and Peace Science*. – 2008. – Vol. 25 (4). – P. 285–296.
225. Goldstone J.A. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. – B., CA: University of California Press, 1991. – 600 p.
226. Greenstein F. I. *Reagan and Gorbachev: What Difference Did They Make? // Retrospective on the End of the Cold War / Ed. W. Wohlforth*. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. P. 199-219.
227. Grinin L. E., Korotayev A., Tausch A. *Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. World System and World Values Perspectives*. – Dordrecht: Springer, 2019. – 364 p.
228. Hale H. *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – 558 p.
229. Hanson J.K., Sigman R. *Leviathan's Latent Dimensions: Measuring State Capacity for Comparative Political Research*. – APSA 2011 Annual Meeting, 2013.
230. Helman G. B., Ratner S. R. Saving failed states // *Foreign Policy*. – 1992. – № 89. – P. 3–20.
231. Hendrix C. S. Oil prices and interstate conflict // *Conflict Management and Peace Science*. – 2015. – №34(6). – P. 575–596.
232. Hendrix C.S. Measuring state capacity: theoretical and empirical implications for the study of civil conflict // *Journal of peace research*, 2010. – Vol. 47, № 3. – P. 273–285.
233. Higley J. *Continuities and Discontinuities in Elite Theory / The Palgrave Handbook of Political Elites*. – London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 25-40.

234. Hilali A. Z. The soviet decision-making for intervention in Afghanistan and its motives // *The Journal of Slavic Military Studies*. – 2003. – № 16:2. – P. 113-144.
235. Hoffmann-Lange U. *Elites / The SAGE Handbook of Political Science*. – Los Angeles: Sage Publications, 2020. P.499-516.
236. Hoffmann-Lange U. *Theory-Based Typologies of Political Elites / The Palgrave Handbook of Political Elites*. – London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 53-68.
237. Hussain A. *Elites and political development in Pakistan // The developing economies*. – 1976. – Vol. 14 (3). – P. 224-238.
238. Ilyin M. *Patrimonialism. What is Behind the Term: Ideal Type, Category, Concept or just a Buzzword? // Yearbook of Political Thought, Conceptual History and Feminist Theory*. LIT Verlag Münster, 2015. Vol. 18, № 1. P. 26-51.
239. Ingiriis M. H. *The suicidal state in Somalia: The rise and fall of the Siad Barre Regime, 1969-1991*. – Lanham, MD: University Press of America, 2016. – 382 p.
240. Ishchenko V., Yurchenko Y. *Ukrainian Capitalism and Inter-Imperialist Rivalry // The Palgrave Encyclopedia of Imperialism and Anti-Imperialism*, 2019. P. 1-19.
241. Katchanovski I. *The Separatist War in Donbas: A Violent Break-up of Ukraine? // Perspectives on European Politics and Society*. – 2016. – № 17(4). – P. 473-489.
242. Kennedy P. *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. – N.-Y. Random House, 1987. – 708 p.
243. Khamagaev A. *Afghanistan: An ethnopolitical portrait – a unitary or a federal state? // Journal of Social and Political Studies*. – 2003 – № 4(23). P.132-139.

244. Khan S. Sociology of Elites // *Annual Review of Sociology*. – 2012. – № 38. – P. 361–77.
245. Khmelko I., Pereguda Y. Anatomy of Mass Protests: The Orange Revolution and Euromaidan Compared // *Communist and Post-Communist Studies*. – 2014. – №2. – P. 227-236.
246. Kiernan B. The end of Soviet politics: elections, legislatures, and the demise of the Communist Party. – Boulder: Westview Press. 1993. – 242 p.
247. Kudelia S. The House That Yanukovych Built // *Journal of Democracy*. – 2014. – № 3. – P. 19 – 34.
248. Kuzio T. Oligarchs, the Partial Reforms Equilibrium, and the Euromaidan Revolution. // *Beyond the Euromaidan: Comparative Perspectives on Advancing Reform in Ukraine*. – S.: S. University Press, 2016. P.181-203.
249. Kuzio T. Ukraine: Democratization, Corruption, and the New Russian Imperialism. – Santa Barbara: Praeger, 2015. – 541 p.
250. Lacher W. Families, Tribes and Cities in the Libyan Revolution // *Middle East Policy*, – 2011. – №. 18. – P. 140-154.
251. Lachmann R. Agents of Revolution: Elite Conflicts and Mass Mobilization from the Medici to Yeltsin // *Theorizing Revolutions: Disciplines, Approaches*. Ed. by J. Foran. – L.: Routledge, 1997. P. 71–98.
252. Lachmann R. Failure in Early Modern Europe // *American Journal of Sociology*. – 2009. – Vol.115, № 1. – P.39-73.
253. Lachmann R. From Consensus to Paralysis in the United States, 1960–2012» // *Political Power and Social Theory*. – 2014. – № 26. – P. 195–233.
254. Lachmann R. Greed and Contingency: State Fiscal Crises and Imperial Failure in Early Modern Europe // *American Journal of Sociology*. – 2009. – №1 (115). P. 39-73.
255. Lambach D., Johais E., Bayer M. Conceptualising state collapse: an institutionalist approach // *Third World Quarterly*. – 2015. – Vol. 36. №. 7. – P. 1299-1315.

256. Lamma M. B. The Tribal Structure in Libya: Factor for fragmentation or cohesion? [Электронный ресурс]. // Frstrategie URL: <https://frstrategie.org/web/documents/programmes/observatoire-du-monde-arabo-musulman-et-du-sahel/publications/en/14.pdf> (дата обращения: 05.05 2021).
257. Lee M, Zhang N. Legibility and the informational foundations of state capacity // *Politics*. – 2016. – № 79(1). – P.118–132.
258. Lehoucq F., Pérez-Liñán, A. Breaking Out of the Coup Trap: Political Competition and Military Coups in Latin America// *Comparative Political Studies*. – 2014. – №47(8). – P. 1105–1129.
259. Levitsky S., Way L. A. *Competitive authoritarianism: Hybrid regimes after the cold war*. Cambridge University Press. 2010. – 517 p.
260. Li J. State Fragmentation: Toward a Theoretical Understanding of the Territorial Power of the State // *Sociological Theory*. – 2002. – Vol. 20. – №2, 2002. – P. 139-156.
261. Li R. S. K. Alternative Routes to State Breakdown: Toward an Integrated Model of Territorial Disintegration // *Sociological Theory*. – 2002. – Vol. 20. – №1. – P. 1-23.
262. Lindvall J, Teorell J. *State capacity as power: a conceptual framework*. STANCE Work. Pap. Ser. 2016.
263. Linz J. *The Breakdown of Democratic Regimes: Crisis, Breakdown, and Reequilibration*. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978. – 130 p.
264. Maniruzzaman T. Crises in Political Development and the Collapse of the Ayub Regime in Pakistan. // *The Journal of Developing Areas*. – 1971. – Vol. 5, No. 2. – P. 221-238.
265. Mann M. The Autonomous Power of The State: Its Origins, Mechanisms, and Results // *Archives of European Sociology*. – 1984. – № 25. – P. 185–213.
266. Mann M. *The Sources of Social Power, Volume I: A History from the Beginning to 1760 AD*. – Cambridge. 1986. – 578 p.

267. Marples D. Ethnic and Social Composition of Ukraine's Regions and Voting Patterns // *Ukraine and Russia: People, Politics, Propaganda and Perspectives*. – UK Bristol, 2015. P. 9-18.
268. Marr P. *The Modern History of Iraq*. 4 edn. – Boulder: Westview Press, 2017. – 380 p.
269. Mattes H. Formal and Informal Authority in Libya since 1969 / Vandewalle D. (ed.) *Libya since 1969: Qadhafi's Revolution Revisited*. Palgrave Macmillan. 2008. P. 55-81.
270. Matuszak S. The oligarchic democracy. The influence of business groups on Ukrainian politics. – Warsaw: Center for Eastern Studies, 2014. – 113 p.
271. Middleton G. D. Nothing lasts forever: environmental discourses on the collapse of past societies// *Journal of Archaeological Research*. – 2010. – № 20 (3). – P. 257–307.
272. Middleton G. D. *Understanding Collapse: Ancient History and Modern Myths*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – 441 p.
273. Miller Ch. *The Struggle to Save the Soviet Economy: Mikhail Gorbachev and the Collapse of the USSR*. – University of North Carolina Press, 2016. – 264 p.
274. Milliken J., Krause K. *State Failure, State Collapse, and State Reconstruction: Concepts, Lessons and Strategies // Development and Change*. – 2002. – №33. – P.753 - 774.
275. Milner, M., Jr. *Elites. A General Model*. – Cambridge: Polity Press, 2015. – 216 p.
276. Minakov M. *Republic of Clans: The Evolution of the Ukrainian Political System // Stubborn Structures: Study in Reconceptualizing Post-Communist Regimes*. – NY, Budapest: Central European University Press, 2018. – P. 217-245.
277. Mitrokhin N. *The CPSU Central Committee Apparatus, 1970–85 // Russian History*. – 2014. – № 41.3. – P.: 307-328.

278. Motyl A. Why Empires Reemerge: Imperial Collapse and Imperial Revival in Comparative Perspective // *Comparative Politics*. – 1999. – № 31. January. – P. 127-145.
279. Nay O. Fragile and Failed states: Critical Perspectives on Conceptual Hybrids // *International Political Science Review*. – 2013. Vol.34. № 3. – P. 326-341.
280. Nettl J.P. The state as a conceptual variable // *World politics*. Princeton. – 1968. – Vol. 20, № 4. – P. 564-565.
281. Nuruzzaman M. Federalism and State Disintegration – United Pakistan, 1947–1971: Some Historical Lessons for Afghanistan and Iraq // *Journal of Asian and African Studies*. – 2010. – № 45(5). – P.504–521.
282. Offe C. Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe // *Social Research*. – 1991. – Vol. 58. №4. – P. 865–892.
283. Ogushi A. The demise of the Soviet Communist Party. – London: Routledge, 2008. – 240 p.
284. Ottaway M. Rebuilding State Institutions in Collapsed States // Milliken J.(ed.) *State Failure, Collapse and Reconstruction*. – Oxford: Blackwell, 2003. – P.245–266.
285. Palmer G. et al. Codebook for the Militarized Interstate Dispute Data // *Correlates of War Project*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.correlatesofwar.org/> (Дата посещения: 10.10.2020).
286. Paoletti E. Libya: Roots of a Civil Conflict // *Mediterranean Politics*. – 2011. – № 16:2. – P. 313-319.
287. Parker G. *Global Crisis: War, Climate Change and Catastrophe in the Seventeenth Century*. – New Haven, 2013. – 904 p.
288. Peic G., Reiter D. Foreign-Imposed Regime Change, State Power and Civil War Onset, 1920–2004 // *British Journal of Political Science*. – 2011. – № 41(3). – P. 453-475.

289. Pepinsky T. Economic Crises and the Breakdown of Authoritarian Regimes: Indonesia and Malaysia in Comparative Perspective. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 344 p.
290. Petro N. Understanding the Other Ukraine: Identity and Allegiance in Russophone Ukraine // Ukraine and Russia: People, Politics, Propaganda and Perspectives. – UK Bristol, 2015. – P.19-35
291. Pipes R. The fall of the Soviet Union // The collapse of communism. – S.: Hoover Institution Press. 1999. P.35-50.
292. Pleines H. Oligarchs and Politics in Ukraine // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. – 2016. – №24. – P. 105-127.
293. Plekhanov S. Assisted Suicide: Internal and External Causes of the Ukrainian Crisis // The Return of the Cold War: Ukraine, The West and Russia. – L.: Routledge, 2014. – P. 3-25.
294. Podvig P. Did Star Wars Help End the Cold War? Soviet Response to the SDI Program // Science & Global Security. – 2017. – №25. – P. 3-27.
295. Radcliffe-Brown A. R. Foreword // Fortes M., Evans-Pritchard E. E. (eds.), African Political Systems. – London; N. Y.: KPI; International African Institute, 1987. – P. XI-XXIII.
296. Renfrew C. Approaches to Social Archaeology. – Cambridge, Massachusetts. Harvard University Press, 1984. – 430 p.
297. Reuveny R., Prakash A. The Afghanistan War and the Breakdown of the Soviet Union // Review of International Studies. – 1999. – т. 25, №. 4. – P. 693-708.
298. Rice S. E. and Patrick S. Index of State Weakness In the Developing World. – Washington, D.C.: Brookings Institution, 2008. – 47 p.
299. Robinson N. Ideology and the collapse of the Soviet system. A critical history of Soviet ideological discourse. – Cheltenham: Edward Elgar.1995. – 240 p.

300. Rojansky M. A. Corporate Raiding in Ukraine: Causes, Methods and Consequences // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. – 2014. – №.3. – P. 411-444.
301. Rotberg R. I. Failed States. Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators // *State Failure and State Weakness in a Time of Terror*. – Washington, DC: Brookings Institution Press, 2004. – P.1-25.
302. Rowley D. Interpretations of the end of the Soviet Union: Three paradigms // *Kritika*. 2001. Vol. 2, N 2. P. 395-426;
303. Robinson N. Explaining Soviet collapse. Working paper. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://ulir.ul.ie/bitstream/handle/10344/6121/Explaining%20Soviet%20collapse.pdf?sequence=2> (Дата посещения: 10.10.2020).
304. Sakwa R. *Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands*. – London: Tauris. 2015. – 320 p.
305. Schwartz G. M. *From Collapse to Regeneration* // Schwartz G. M., Nichols J. J. (ed.). *After Collapse: The Regeneration of Societies*. – Tucson: University of Arizona Press, 2006. – P. 3–17.
306. Searle J. R. *Making the social world*. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2010. – 208 p.
307. Siddiqui K. *Conflict, Crisis and War in Pakistan*. – New York: Praeger Publishers, 1972. – 217 p.
308. Sidky H. War, Changing Patterns of Warfare, State Collapse, and Transnational Violence in Afghanistan: 1978–2001 // *Modern Asian Studies*. – 2007. – № 41 (04). – P. 849 – 888.
309. Skocpol T. *Bringing the State Back In: Strategies of Analysis in Current Research*. // Evans, P., Rueschemeyer D., Skocpol T. *Bringing the State Back In*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 3–37.
310. Skocpol T. *States and Social Revolutions*. – New York: Cambridge University Press, 1979. – 423 p.

311. Soifer H. State infrastructural power: approaches to conceptualization and measurement // *Studies in comparative international development (SCID)*. – Berlin, 2008. – Vol. 43, N 3–4. – P. 231–251.
312. Surzhko-Harned L., Zahuranec A. J. Framing the revolution: the role of social media in Ukraine's Euromaidan movement // *Nationalities Papers*. – 2017. – № 45 (5). – P. 758-779.
313. Tainter J. *The Collapse of Complex Societies*. – New York: Cambridge University Press, 1988. – 250 p.
314. Tareke G. et al. *The Ethiopian Revolution: War in the Horn of Africa*. Y. University Press, 2009. – 458 p.
315. *The crisis in Ukraine: root causes and scenarios for the future*. Valdai Discussion Club Report. – M., 2014. – 78 p.
316. Tilly C. *From mobilization to revolution*. – Addison Wesley, 1978. – 349 p.
317. Tilly Ch. How empires end // *After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires* / Barkey K., von Hagen M. (eds.). – Boulder; Oxford, 1997. P. 1-11.
318. Turchin P. A Theory for Formation of Large Empires // *Journal of Global History* № 4, 2009. P.191-207.
319. Turchin P. Modeling Social Pressures Toward Political Instability // *Cliodynamics*. – 2013. – № 4 (2). – P. 241–280.
320. Turchin P. Political instability may be a contributor in the coming decade // *Nature*. – 2010. – № 463. – P. 26–32.
321. Turchin P. Wealth Democracy and Ukraine. March 18, 2014. [Электронный ресурс]. // *Social Evolution Forum*. URL: <https://evolution-institute.org/blog/wealth-and-democracy-in-ukraine-ii/> (Дата посещения: 10.10.2020).
322. Turchin P., Gavrilets S., Goldstone J. A. Linking micro to macro models of state breakdown to improve methods for political forecasting // *Cliodynamics*. – 2017. – № 82. – P. 159-181.

323. Turchin P., Nefedov S. *Secular Cycles*. – Oxford and Princeton: Princeton University Press, 2009. – 360 p.
324. Ulfelder J. "State Failure" has Failed. How About Giving «State Collapse» a Whirl? – 2012. [Электронный ресурс]. // WordPress. URL: <https://dartthrowingchimp.wordpress.com/2012/07/05/state-failure-has-failed-how-about-giving-state-collapse-a-whirl/> (дата посещения: 15.05.2020)
325. United States Agency for International Development (USAID). *Failed States Strategy*. – Washington, DC: USAID, 2005.
326. Vaskin I. *Buying Loyalty Of Voters Or Local Elites? Political Alignment And Transfers To Provinces In Tutelary Regimes: The Case Of Iran*. *Political Science*. PS. Издательский дом НИУ ВШЭ, 2020. No. 73.
327. vom Hau Matthias. *State Theory: Four Analytical Traditions* // *The Oxford Handbook of Transformations of the State*. Oxford. 2015. P.132-152.
328. Way L. *Pluralism by Default: Weak Autocrats and the Rise of Competitive Politics*. – Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2018. – 257 p.
329. Weeks J. *Dictators at War and Peace*. – Ithaca; London: Cornell University Press, 2014. – 264 p.
330. Wilson A. *Ukraine Crisis: What it Means for the West*. – Totton, Hampshire: Y. University Press, 2014. – 248 p.
331. Wilson K. *Cross-National Time-Series Data Archive: User's Manual*. – Jerusalem: Databanks International, 2018.
332. Wolin Sh. S. *Democracy incorporated : managed democracy and the specter of inverted totalitarianism*. – Princeton: Princeton University Press, 2008. – 384 p.
333. Woodward S. L. *Socialist Unemployment: The Political Economy of Yugoslavia, 1945-1990*. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1995. – 443 p.
334. Woodward S. L. *The ideology of failed states: Why intervention fails*. – Cambridge University Press, 2017. – 324 p.

335. Young J. Peasant Revolution in Ethiopia. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 292 p.
336. Young M. N. Group Report: Future Scenarios of Human–Environment Systems // Costanza R., et al., editors. Sustainability or Collapse?: An Integrated History and Future of People on Earth. MIT Press, 2007. – 495 p.
337. Zartman, I. W., ed. Collapsed States: The Disintegration and Restoration of Legitimate Authority. – Boulder: Lynne Rienner. 1995. – 303 p.
338. Žižmond E. The collapse of the Yugoslav economy // Soviet Studies. – 1993. – № 44 (1). – P. 101-112

Приложение

Применение аппарата булевой алгебры по Ч. Рэгину для анализа структурных причин недовольства элит как главного фактора дезинтеграции государств (параграф 2, гл. 3).

Страна	Агрессивная внешняя политика (А)	Концентрация ресурсов и средств производства в руках узкой группы (С)	Концентрация ресурсов и средств производства в руках государства (Р)	Эффективность парламента (Е)	Соревновательность участия (О)	Парламентская оппозиция (L)
Пакистан 1971 г.	1	1	0	1	1	1
Сомали 1991 г.	1	0	1	0	0	0
СССР 1991 г.	1	0	1	0	0	0
Эфиопия 1991 г.	0	0	1	0	0	0
Югославия 1991 г.	0 ⁴¹³	1	0	1	1	0

⁴¹³ В CNTS под 1976 г. стоит значение 16 (атака), однако в этом году произошло столкновение самолетов, что нельзя трактовать как атаку.

Страна	Агрессивная внешняя политика (А)	Концентрация ресурсов и средств производства в руках узкой группы (С)	Концентрация ресурсов и средств производства в руках государства (Р)	Эффективность парламента (Е)	Соревновательность участия (О)	Парламентская оппозиция (L)
<i>Афганистан 2001 г.</i> ⁴¹⁴	0	0	1	0	0	0
<i>Ирак 2003 г.</i>	1	0	1	0	0	0
<i>Йемен 2011 г.</i>	0	1	0	0	1	1
<i>Украина 2014 г.</i>	0	1	0	1	1	1
<i>Киргизия</i>	0	0	1	0	0	0
<i>Нигерия</i>	0	0	0	0	0	1
<i>Иран</i>	1	0	1	0		0 (до 2007 г., после 1)

⁴¹⁴ Курсивом выделены страны, которые пережили военную интервенцию, но которые могут рассматриваться в рамках предложенной модели (см. Гл. 1.3.)